

Институт
Ближнего Востока

Центр изучения
Израиля и диаспоры

**От Владимира Жаботинского
до Биньямина Нетаньяху:
Национально-либеральное движение
Израиля – прошлое и настоящее**

Том первый
Трудный путь к признанию

Алек Д. Эпштейн

Москва – Иерусалим

2019

Научное издание

Алек Д. Эпштейн
ОТ ВЛАДИМИРА ЖАБОТИНСКОГО
ДО БИНЬЯМИНА НЕТАНЬЯХУ:
НАЦИОНАЛЬНО-ЛИБЕРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ
ИЗРАИЛЯ – ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Том первый

М., 2019.

Dr. Alek D. Epstein
FROM VLADIMIR JABOTINSKY TO BENJAMIN
NETANYAHU: NATIONAL LIBERAL MOVEMENT IN
ISRAEL – PAST AND PRESENT

Part One

Moscow: Institute of the Middle Eastern Studies –
Center for Israel and Diaspora Studies, 2019

ISBN 978-5-89394-299-6

*Книга публикуется в авторской редакции
и не обязательно отражает позицию
Института Ближнего Востока
и Центра изучения Израиля и диаспоры*

© Институт Ближнего Востока

© Центр изучения Израиля и диаспоры

© Алек Д. Эпштейн

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Предисловие президента
Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановского – стр. 7
- Предисловие руководителя Центра
изучения Израиля и диаспоры Ю.Е. Гиверца – стр. 11
- На пути к «перевороту»: об этой книге и теме,
которой она посвящена – стр. 15

ГЛАВА I. ВЛАДИМИР ЖАБОТИНСКИЙ – ИНТЕЛЛЕКТУАЛ, ОБОГНАВШИЙ ВРЕМЯ

1. Европейец, либерал и палестинофил – стр. 39
2. На пути к народу, способному защищать себя – стр. 48
3. От Еврейского легиона – к самообороне – стр. 59
4. Одиноким наследник Т. Герцля – стр. 72
5. Формирование структур
национально-либерального движения – стр. 84

ГЛАВА II. МЕНАХЕМ БЕГИН И ЕГО СОРАТНИКИ В БОРЬБЕ ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ ИЗРАИЛЯ

1. Трудный путь в Иерусалим – стр. 105
2. Поднимая восстание:
в борьбе за свое государство – стр. 127
3. Безграничный коллаборационизм: «рабочее движение»
против идейных оппонентов – стр. 137
4. Предотвращая гражданскую войну – стр. 149
5. Поворачивая ход еврейской истории – стр. 155

**ГЛАВА III. РОКОВОЙ 1948-Й:
ОППОНЕНТЫ «РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ»
ДО, ВО ВРЕМЯ И ПО ОКОНЧАНИИ
ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ**

1. Между британским молотом и наковальней «рабочего движения»: «ревизионисты» в партийно-политической системе еврейского «государства в пути» – стр. 181
2. Нарушая договоренности, выдвигая ультиматумы:
Д. Бен-Гурион против ЛЕХИ и ЭЦЕЛя – стр. 194
3. По-над пропастью: расстрел «Альталены» – стр. 218
4. Уничтожаемые, но не покорившиеся:
ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ в борьбе за Иерусалим – стр. 242
5. Новая политическая конфигурация:
национал-либералы в Учредительном собрании – стр. 259

**ГЛАВА IV. ВОПРЕКИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ:
ПУТЬ К ОБРЕТЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЛЕГИТИМНОСТИ**

1. Партия Свободы в Кнессете:
парламентские будни борцов подполья – стр. 279
2. Полемика о переговорах с Германией:
идеалисты против прагматиков – стр. 289
3. Патриоты «второго сорта»? Наследники Жаботинского
в условиях повседневной дискриминации – стр. 305
4. От периферийной партии –
к ведущему оппозиционному блоку – стр. 312
5. В дни мира и в дни войны: от ответственной оппозиции
– к работе в правительстве – стр. 324

ГЛАВА V. ОТ ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ ДО «ПЕРЕВОРОТА» 1977 ГОДА

1. Во имя национального единства:
национал-либералы в правительстве Л. Эшколя – стр. 359
2. М. Бегина – в отставку?
Появление и закат внутрипартийной оппозиции – стр. 368
3. Переломный 1969-й год – стр. 375
4. Сохраняя верность принципам – стр. 384
5. В годы агонии Партии Труда:
от Войны Судного дня – до «переворота» – стр. 399

ПРЕДИСЛОВИЕ ПРЕЗИДЕНТА ИНСТИТУТА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Очередная книга д-ра Алека Д. Эпштейна порадовала объемом и содержанием. Литературы такого рода в России издается много — публика интересуется политикой, тем более международной, но такого качества — мало. Точнее, очень мало. Как правило, люди, которые публикуют труды, посвященные тому или иному направлению политической мысли, изначально ангажированы. Причем совершенно неважно, являются они пламенными сторонниками или яростными противниками направления мысли и партийно-политической деятельности, которому посвящен ихopus. В обоих случаях с объективностью там плохо, да и с фактографией не лучше. Авторам свойственно подгонять факты под собственное видение исторических процессов, отчего историю (как и другие гуманитарные науки) многие вообще наукой не считают, полагая ее набором фальсификаций и субъективных оценок. Что отчасти верно, хотя для защиты и адекватной оценки исторического корабля от наросших на него наслоений вранья и заблуждений есть проверенные методы — надо лишь уметь ими пользоваться.

Научная честность и объективность А.Д. Эпштейна, в сочетании с исключительной даже для профессионала столь высокого класса работоспособностью, позволила представить вниманию читателя уникальную для отечественной научно-популярной (то есть научной, но

отнодь не скучной) литературы книгу. О национально-либеральном лагере Израиля, с учетом русских корней его основателей, писали много, но никто не делал это на таком обширном историческом материале, в столь широкой исторической перспективе и с таким знанием еврейской и израильской (понятия далеко не тождественные) практики. Тем более, никто не делал этого с позиции, которую занимает автор: непредвзятого профессионального наблюдателя, отличающегося острым взглядом и умением обобщать. Его выводы, касающиеся состояния политического либерализма в мире в целом, а не только в Государстве Израиль, заслуживают внимания не меньшего, чем основное содержание книги. При этом повторим: двухтомник А.Д. Эпштейна будет интересен далеко не только тем, кто увлекается происходящим на Ближнем Востоке.

Понятно, что израилеведам он необходим, а ближневосточникам в широком смысле слова, как минимум, полезен. Его можно рекомендовать широкому кругу читателей и тем более специалистам, от начинающих до маститых. Но эта книга — как и все прочие труды д-ра Эпштейна, посвященные израильской политике и истории политической мысли и политических движений и партий в этой стране — кладезь информации для практикующих политиков и политологов, не имеющих к Ближнему Востоку прямого отношения, в том числе, для российских. Практическая политика в России актуальна, а израильский опыт тем более ценен, что основан на тех же корнях, что и отечественный. Откуда и пошла поговорка: «Большевики пошли брать Зимний, а меньшевики уехали

в Палестину». И хотя верна она не на все сто процентов (в Европу и Америку представителей социал-демократов всех типов, пород и разновидностей уехало не меньше, да и большевиков – тех же троцкистов – там было предостаточно), смысл ее более чем ясен.

В заключение, отвечая на добрые слова, сказанные автором книги в отношении Института Ближнего Востока и его руководства (заслуженные или нет – не нам судить), можно лишь констатировать, что сотрудничество с д-ром Алеком Д. Эпштейном было и остается для нас честью. Оно не было легким (спорить с ним приходилось и приходится часто и горячо), но его результаты раз за разом радовали. Трудно назвать какого-либо другого специалиста в числе экспертов Института Ближнего Востока, сохраняющего на протяжении столь долгого времени высочайший уровень работы, что, при исключительной широте интересов автора книги, отнюдь не ограничивающегося Израилем и его политическим истеблишментом в своих академических интересах, поистине удивительно. В любом случае, является ли читатель человеком, интересующимся историей и политикой, профессионалом, строящим собственную политическую карьеру, дипломатом или практикующим востоковедом, он держит в руках чрезвычайно полезный для умного человека инструмент. Воспользуется он им в полной мере или нет, зависит только от него самого.

Е.Я. Сатановский
президент Института Ближнего Востока

ПРЕДИСЛОВИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ ЦЕНТРА ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И ДИАСПОРЫ

Двухтомник д-ра Алека Д. Эпштейна – первый совместный проект недавно созданного Центра изучения Израиля и диаспоры с известным своей многолетней плодотворной деятельностью Институтом Ближнего Востока. Мы думаем, что большинству потенциальных читателей этой книги знакомы предыдущие работы автора, посвященные ближневосточной тематике, и не сомневаемся, что они в очередной раз получают истинное удовольствие от информационной насыщенности и захватывающего стиля изложения материала.

Этот двухтомник покрывает почти столетний период – всю историю еврейского национально-либерального движения от дней Владимира (Зеева) Жаботинского до настоящего времени. Д-р А.Д. Эпштейн подробно описывает часто забываемую, но весьма значительную роль организаций ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ и их лидеров в противостоянии с британскими мандатными властями за (вос)создание Израиля как независимого государства.

Автором впервые с такой полнотой исследованы засекреченные в течение многих лет материалы об одной из самых трагических страниц современной истории Израиля – братоубийственного конфликта, связанного с расстрелом корабля «Альталена», доставившего в страну столь необходимое оружие в дни Войны за независимость. Ответственность за эту трагедию, как следует из архивных материалов, безусловно, лежит на Давиде Бен-Гурионе и

Ицхаке Рабине, преследовавших свои конъюнктурные цели подавления политических оппонентов любой ценой. Напротив, анализ источников свидетельствует о стремлении Менахема Бегина всячески избежать кровопролития и подтверждает тот факт, что приоритет национальных интересов над политическими и партийными являлся для него незыблемым, в том числе в период его нахождения в оппозиции. Это проявилось и в судьбоносный для Израиля момент Шестидневной войны 1967 года, когда Менахем Бегин, будучи членом военно-политического кабинета (а протоколы его заседаний были рассекречены лишь в прошлом году и впервые анализируются в научной литературе именно в настоящем двухтомнике), настоял на принятии решения об установлении израильского контроля над Иудеей, Самарией и Голанскими высотами. Когда он возглавил правительство страны, по его инициативе были приняты важнейшие законы: о провозглашении Иерусалима единой и неделимой столицей Государства Израиль – в 1980 году и о распространении израильского суверенитета на Голанские высоты – в 1981 году.

Находясь у власти, Менахем Бегин в полной мере продемонстрировал приверженность принципам национал-либерального движения, заложенным его отцом-основателем – Владимиром (Зеэвом) Жаботинским. Важно отметить, что оба они были людьми высокообразованными, свободно владевшими несколькими иностранными языками и кристально честными, к их рукам никогда ничего не «прилипало» – ни «случайно», ни нарочно, а вся их деятельность была

подчинена защите интересов народа, служению которому они полностью посвятили свои жизни.

Автор подчеркивает силу духа и твердую убежденность Менахема Бегина в необходимости защиты национальных интересов Израиля при принятии исторического решения об уничтожении иракского ядерного реактора 7 июня 1981 года, принятого им в условиях и внутреннего противостояния оппозиции (тогдашний глава Партии Труда Шимон Перес всячески старался сорвать эту операцию), и абсолютного политического одиночества Израиля в мире, а также критики со стороны ближайшего союзника – США.

Отдельная глава монографии посвящена деятельности идеологического наследника Менахема Бегина – Ицхака Шамира, важнейшими приоритетами политики которого являлись развитие поселенческой деятельности в Иудее и Самарии и сохранение территориальной целостности Израиля. Приведенная автором цитата Ицхака Шамира: «За всю жизнь я не поступился ни единым квадратным сантиметром Эрец-Исраэль, даже пядью земли» – наиболее точно отражает суть его взглядов и действий.

Как показывает автор, принципы национально-либерального движения, отстаиваемые М. Бегиним и И. Шамиром, особенно резко контрастируют с идеологическими посылами и практическими шагами пришедших им на смену политиков «левого» лагеря, так называемых архитекторов «мирного процесса», приведших страну к «соглашениям Осло», обернувшимся трагическими последствиями и политическим тупиком.

Заключительная глава двухтомника посвящена деятельности действующего премьер-министра Израиля – Биньямина Нетаньяху, успехи которого в достижении экономической стабильности и процветания Израиля, и, тем более, в формировании максимально сильной и независимой многовекторной внешней политики (выстраивание отношений взаимовыгодного сотрудничества и партнерства с США, Россией, Китаем, Индией, странами Восточной Европы и Латинской Америки) явно недооцениваются многими израильтянами. Между тем, именно в период премьерства Биньямина Нетаньяху израильский шеккель стал одной из самых стабильных валют в мире, уровень безработицы снизился до исторического минимума, произошел фантастический рывок в сфере высоких технологий и в привлечении иностранных инвестиций.

По мнению автора монографии, успешная реализация в Израиле принципов национально-либеральной идеологии в политике и экономике может служить достойным примером и для других стран. Хотелось бы надеяться, что эта книга доктора Алека Д. Эпштейна будет внимательно прочитана и в России, и в других странах, в том числе – а может быть, прежде всего – в самом Израиле.

*Ю.Е. Гиверц
руководитель Центра изучения Израиля и диаспоры*

НА ПУТИ К «ПЕРЕВОРОТУ»: ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ТЕМЕ, КОТОРОЙ ОНА ПОСВЯЩЕНА

Практически в любой книге по политической истории Израиля сообщается, что в 1977 году в стране произошел «переворот». Более внимательное прочтение позволяет понять, что как раз никакого переворота в еврейском государстве ни разу не было, власть всегда сменялась исключительно мирным путем в результате выборов. Однако социал-демократы, десятилетиями безраздельно правившие в стране, воспринимали выборы как малозначительную формальность, и когда они их впервые – совершенно неожиданно для себя – проиграли, то и вынесли непреложный вердикт: произошел «переворот». Эта книга ровно так и поделена на два тома: первый посвящен событиям, произошедшим до «переворота», а второй – тем, что случились уже после него.

В 1977 году главой правительства Израиля впервые стал человек, не бывший представителем социал-демократического лагеря; им оказался Менахем Бегин. Именно он «прорубил» Израилю окно к тому будущему, которое превратило страну в региональную – и даже общемировую – политическую, экономическую и научную державу. Армия и другие силовые структуры Израиля к тому времени уже получили всемирное признание: страна триумфально выиграла в июне 1967 года войну против трех арабских стран, обрела – первой на Ближнем

Востоке! – собственный ядерный потенциал, продемонстрировала в июле 1976 года в Энтеббе свои лидирующие позиции в сфере противостояния международному терроризму. Менахем Бегин пришел к власти, когда Израиль готовился отметить тридцатилетие своей политической независимости, но экономические, дипломатические и научно-технологические достижения еврейского государства были весьма скромными. За прошедшие с тех пор сорок лет ситуация в каждой из этих сфер изменилась кардинальным образом, и именно этой теме – *превращению молодой страны в державу мирового значения* – и посвящена настоящая книга. Представляется очевидным, что *роль национал-либералов в этом процессе была чрезвычайно важной, а в ряде сфер – решающей.*

Это, однако, не значит, что путь этот был прямолинейным – совсем нет. Начнем с того, что, хотя *договоренности, направленные на национальное примирение и преодоление вражды между различными политическими лагерями в еврейской общине Палестины/Эрец-Исраэль*, согласованные в Лондоне в ходе прямых частных переговоров между Давидом Бен-Гурионом и Владимиром Жаботинским осенью 1934 года, *были сорваны и торпедированы именно социал-демократическими и социалистическими партиями, национал-либералы были – совершенно несправедливо! – обвинены в том, что раскололи еврейское национальное движение* тогда, когда Гитлер уже пришел к власти, и преследуемому еврейскому народу было особенно необходимо политическое единство. Этот факт очень мало

кому известен, хотя он имел чрезвычайно важное значение: на долгие годы и даже десятилетия ярлык «раскольников» был облыжно наклеен как раз на тех, кто, отказавшись от идеологической непримиримости, согласился пойти на значительные уступки во имя прекращения внутрисполитической вражды, кто протянул своим оппонентам руку, которую они отказались пожать. Действительно, в 1935 году именно национал-либералы вышли из международной Сионистской организации, однако это случилось потому и только потому, что «левые» круги, в первый и в последний раз в своей истории проведя внутренний референдум среди своих сторонников, отвергли заключенные Давидом Бен-Гурионом с Владимиром Жаботинским соглашения, предусматривавшие конструктивное сотрудничество между различными идеологическими «лагерями» в еврейском национальном движении, тем самым не оставив национал-либералам практически никакого иного выхода. Фактически, раскольниками в едином сионистском движении были отнюдь не национал-либералы, а как раз социалисты и социал-демократы, и это случилось, к огромной трагедии, в тот самый год, когда в гитлеровской Германии были приняты Нюрнбергские расовые законы. Даже после того, как в ходе внутреннего референдума, проведенного в марте 1935 года среди членов Федерации профсоюзов, соглашение Бен-Гуриона – Жаботинского было отвергнуто 16.474 голосами против 11.522, В.Е. Жаботинский предложил провести совещание «круглого стола» с участием всех сионистских партий и движений, однако эта инициатива не получила

поддержки, после чего организационное отмежевание национал-либералов от социал-демократического лагеря и контролируемых им структур стало неизбежным.

Национал-либералы с самого начала выбрали себе, пожалуй, крайне неудачное название – «ревизионисты»; под этим названием еще в 1925 году В.Е. Жаботинским было основано политическое движение, которое, видоизменяясь и трансформируясь, в 1977 году пришло к власти в Израиле. Это самоназвание – «ревизионисты» – было неудачным прежде всего потому, что было в корне неверным, ибо, справедливо апеллируя к наследию и заветам основоположника политического сионизма Теодора Герцля, ушедшего из жизни за двадцать лет до этого, *В.Е. Жаботинский и его сторонники требовали не ревизии наследия Т. Герцля и заложенных им принципов, а, наоборот, возвращения к ним.* Это важно подчеркнуть особо, ибо от тысячекратных повторений слов (как правило, ругательных) о «раскольниках-ревизионистах» совершенно забылась суть дела, которая как раз состояла в стремлении В.Е. Жаботинского и его сторонников *вернуть* еврейское национальное движение ровно на те рельсы, по которым оно должно было двигаться, следуя принципам и заветам Теодора Герцля.

При всем социальном утопизме, проявления которого можно найти в единственном известном романе Т. Герцля *Altneuland* [в русском переводе – «Возрожденная древняя страна»], он на протяжении всей своей жизни оставался европейским либералом, очень чутко восприимчивым к росту в европейских странах политического национализма, часто сопровождавшегося

усилением антисемитизма; ни за какой социализм в будущем еврейском государстве, борьбе за которое он посвятил все последние годы своей жизни, Т. Герцль ни в коем случае не ратовал. Фактически, именно так называемое «рабочее движение» провело ревизию наследия Т. Герцля, сознательно или нет взяв на вооружение сталинский принцип «национальное по форме, социалистическое по содержанию»; этот принцип, который в СССР межвоенных лет, да и впоследствии, был определяющим для национальных автономных республик и областей, стал структурообразующим и для новой еврейской общины в Палестине/Эрец-Исраэль, частью Советского Союза, разумеется, не бывшей, однако с не меньшим рвением стремившейся построить именно такое общество. Разумеется, на разных этапах своего развития каждое общество может по-новому формулировать свои идейные ориентиры, однако важно понимать, что *ревизию основополагающих ценностей и установок сионизма совершили не национал-либералы, а, наоборот, их оппоненты*; так называемые «ревизионисты» как раз были наиболее последовательными сторонниками политического сионизма в его наиболее классической, развитой еще Т. Герцлем, версии.

Т. Герцль видел основную задачу еврейского национального движения в том, чтобы как можно быстрее добиться права на собственную государственность; ради этого, как известно, он был даже готов согласиться на создание еврейского государства в разных регионах мира, весьма отдаленных от Палестины/Эрец-Исраэль. Разрешение вопроса о том, каким должно быть это

государство по своему социально-экономическому характеру, Т. Герцль оставлял на усмотрение его жителей и органов власти, когда таковые будут созданы. Ни к какому «промежуточному периоду» продолжительностью в годы и тем более десятки лет, когда бы основы этого государства закладывались постепенно, в зависимости от наличия или отсутствия доброй воли властителей той или иной мировой державы, Т. Герцль не стремился, напротив: вся его интенсивная дипломатическая деятельность имела своей целью *добиться скорейшего признания права еврейского народа на свою государственную независимость.*

Однако в 1920-е и особенно в 1930-е годы в международной Сионистской организации возобладали сторонники совершенно другой точки зрения, ставившие во главу угла одновременную реализацию национального и социального идеалов: утверждалось, что национальное государство еврейского народа обязательно должно быть социалистическим по своему характеру, а процесс его создания может быть очень и очень длительным, проходя «под эгидой» внешней силы, а именно Великобритании. Англофилия многолетнего руководителя международной Сионистской организации Хаима Вейцмана, очевидным образом, плохо сочеталась со стремлением наследников Бера Борохова, Нахмана Сыркина и Аарона Давида Гордона (к середине 1920-х годов никого из них троих уже не было в живых) построить в еврейском «государстве в пути» социализм, ибо Британия, «под крылом» которой развивалось тогда это «государство в пути», от социализма была бесконечно далека. Однако тогдашние руководители

Сионистской организации, несколько странным образом, закрывали на это противоречие глаза, акцентируя внимание на том, что во внутреннюю жизнь еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль британские мандатные власти не вмешивались, а потому препятствий к ее развитию в социалистическом направлении не демонстрировали. Однако именно подобное развитие еврейского национального движения и представляло собой драматический отход от заложенных Т. Герцлем принципов, к которым как раз В.Е. Жаботинский и его единомышленники еврейское национальное движение и пытались вернуть. Хотя В.Е. Жаботинский, как и Б. Борохов, Н. Сыркин, А.Д. Гордон, Б. Кацнельсон и Д. Бен-Гурион, родился и вырос в Российской империи, его мировоззрение, в отличие от их, сформировалось не под влиянием народовольческих идеалов последней трети XIX века и духа первой русской революции 1905 года, а под воздействием ценностей европейского либерального национализма, и это, несомненно, сближало его с Т. Герцлем.

Те, кого объявили «раскольниками» и кто сам назвал себя «ревизионистами», не были виновны ни в каком расколе (которого они как раз пытались избежать) и ни в какой «ревизии», которую провели их идеологические оппоненты – и которую они как раз и стремились «отыграть назад». Представители т.н. «рабочего движения», лидер которого Давид Бен-Гурион в 1933 году впервые возглавил Исполнительный комитет международной Сионистской организации, а в 1948 году стал первым главой правительства Государства Израиль,

увели еврейское национальное движение весьма далеко от его фундаментальных основ, и национал-либералам потребовалось полвека, чтобы вернуть народ и страну на тот путь, которым они изначально должны были идти.

Холокост нанес еврейскому народу невосполнимую утрату, по большей части уничтожив восточноевропейское еврейство и его культуру. Давид Бен-Гурион как-то в пылу полемики по глупости даже назвал Жаботинского «Владимиром Гитлером», хотя, если уж на то пошло, с нацистскими эмиссарами в надежде спасти евреев и обеспечить возможность их спасения в Палестине/Эрец-Исраэль контакты поддерживали как раз видные деятели социал-демократического движения Хаим Арлозоров и Моше Шарет (Черток). В ретроспективе очевидно, что никто из сионистских активистов, каковы бы ни были их идеологические устремления, никак не мог повлиять на нацистскую машину уничтожения, в глазах которой евреи, каких бы взглядов они ни придерживались, не были достойны права на жизнь. Что бы ни придумывал в своей диссертации Махмуд Аббас (Абу Мазен), никто в еврейском национальном движении не относился к гитлеризму иначе, чем с болью и возмущением, но все попытки спасти европейское еврейство оказались, к огромному сожалению, тщетными.

В наибольшей степени провидцем оказался будущий первый глава правительства Израиля от национально-либеральных сил Менахем Бегин, который на международной конференции движения БЕЙТАР, прошедшей в Варшаве в 1938 году, провозгласил, говоря о преследованиях евреев в гитлеровской Германии и

Австрии, что «совесть человечества умолкла», однако даже Владимир Жаботинский жестко возразил ему, саркастически заявив, что «у человека, потерявшего веру в совесть человечества, нет иного пути, кроме как броситься в Вислу». Если бы В.Е. Жаботинский знал, что всего три года спустя именно так, сброшенными нацистами в реку, погибнут многие евреи Бреста, и среди них – отец и старший брат М. Бегина, он бы, несомненно, не произносил этих слов, однако до нападения Германии на Советский Союз В.Е. Жаботинскому дожить не довелось... Остановить печи Освенцима и Трешлипки не могли ни Берл Кацнельсон, Давид Бен-Гурион и их товарищи, ни Хаим Вейцман и его коллеги-интеллектуалы, ни идейные наследники Владимира Жаботинского, и никто от них таких возможностей не мог и ожидать. Однако никому из них, при всей их вере в собственные дипломатические таланты, не удалось побудить участников антигитлеровской коалиции сделать хоть что-нибудь для спасения безвинно уничтожавшихся в лагерях смерти евреев; железнодорожные рельсы, ведущие в Освенцим, так никто и не разбомбил до тех пор, пока этот самый страшный лагерь в мировой истории, где к тому времени оставалось всего около семи тысяч узников, не был 27 января 1945 года освобожден силами Красной Армии. Никому не удалось и подвигнуть британские власти отменить введенные в мае 1939 года драконовские ограничения на еврейскую иммиграцию в Палестину/Эрец-Исраэль. Холокост продемонстрировал политическое бессилие сионистского движения тогда, когда еврейский народ более всего нуждался в защите. Это

никак не было виной сионистских лидеров, которые не имели возможности позвать отовсюду изгоняемых и уничтожаемых евреев в свою страну и были вынуждены наблюдать полное безразличие к совершавшейся на глазах всей Европы трагедии со стороны руководителей всех, без исключения, стран мира...

Вопрос, однако, какие выводы кем и когда из всего этого были сделаны. В 1938 году В.Е. Жаботинский одергивал М. Бегина, но в 1944 году было уже совершенно очевидно, кто оказался прав в этом споре о том, осталась ли у человечества совесть. Небольшая группа активистов ЛЕХИ требовала начать вооруженную борьбу против британцев, чтобы заставить их открыть – для безуспешно пытавшихся спастись евреев Европы – границы Палестины/Эрец-Исраэль; командир этой группы Авраам Штерн был в феврале 1942 года застрелен офицером британской полиции в Тель-Авиве. Одним из трех руководителей ЛЕХИ стал Ицхак Шамир (урожденный Езерницкий), и эта организация, совместно с ЭЦЕЛем, которую к тому времени возглавил Менахем Бегин, в 1944 году объявила войну британцам. *Понятно, что не И. Шамир и не М. Бегин определяли итоги голосования на Генеральной Ассамблее ООН, где 29 ноября 1947 года решался вопрос о будущем Палестины/Эрец-Исраэль, но именно усилия возглавлявшихся ими организаций ЛЕХИ и ЭЦЕЛЬ в значительной мере привели к тому, что британцы решили отказаться от своего мандата на управление этой страной, и ООН в принципе начала эту тему обсуждать.* Прошло несколько десятилетий, и вначале Менахем Бегин, а за ним Ицхак Шамир

возглавили правительство Израиля, положив конец казавшейся многим вечной гегемонии социал-демократов, и доказав своими судьбами, что справедливость, пусть даже и с большим опозданием, но иногда торжествует.

Менахем Бегин и Ицхак Шамир были храбрыми подпольщиками, безгранично преданными своему народу и любимой ими стране, но эти качества отнюдь не всегда достаточны для того, чтобы принимать наиболее верные решения, находясь во главе органов исполнительной или законодательной власти (а И. Шамир, единственный из всех глав правительства Израиля, до этого был и председателем Кнессета). За те тринадцать лет, с 1977 по 1984 и с 1986 по 1992 годы, которые М. Бегин и И. Шамир стояли во главе Израиля, важные свершения сопровождалось многими трагическими ошибками, отдельные из которых имели очень значительные негативные последствия. Именно в период правления М. Бегина Израиль пережил крах крупнейших банков и гиперинфляцию, подорвавшую в то время и без того слабое доверие к национальной валюте.

Однако, каковы бы ни были их ошибки, именно М. Бегин и И. Шамир, еще в первой половине 1940-х годов начав борьбу против социалистического сионизма, смогли выиграть ее. Они начали разворачивать Государство Израиль в другую сторону, причем впервые люди, практически вне зависимости от их политических взглядов, членства в Федерации профсоюзов, этнического происхождения и степени религиозности почувствовали, что страна предоставляет им все те возможности, которые она могла предоставить. *До 1977 года в еврейском секторе*

существовали «первый Израиль» и «второй Израиль», и никакие разговоры о «плавильном котле» не могли затушевать этот факт. Для социал-демократов главной была верность идеологии; на равные права могли претендовать только те, кто их идеологию разделял. Именно это начало меняться при М.Бегине и И. Шамире, и именно за это Израиль им может быть более всего благодарен. Впрочем, Израиль может быть им благодарен отнюдь не только за это, в чем читатель настоящей книги, несомненно, убедится.

В книге рассматривается и влияние на национал-либеральное движение и на израильское общество в целом «процесса Осло» – многие в Израиле считают, что именно этот трагически закончившийся проект политически похоронил под собой его инициаторов. На рубеже 2000/2001 годов в ходе переговоров, которые вели с Ясиром Арафатом и его соратниками тогдашние лидеры Партии Труда Эхуд Барак, Шломо Бен-Ами и Йоси Бейлин, занимавшие, соответственно, посты главы правительства, министра иностранных дел и министра юстиции, израильтянам стало ясно, что на палестинской стороне нет партнера для мирного урегулирования. Провалившиеся двухлетние тайные переговоры Эхуда Ольмерта с Махмудом Аббасом, закончившиеся крахом в сентябре 2008 года, когда о них стало известно израильтянам, существенно усилили это понимание глубины проблемы. Инициированный Эхудом Барак уход из Ливана, а Ариэлем Шароном – из Газы, привели к существенному усилению исламистов из «Хизбаллы» и ХАМАСа, не признающих право Израиля на

существование ни в каких границах. *Вторая Ливанская война 2006 года и фактическая война против сектора Газа на рубеже 2008/2009 годов*, называемая в израильской военно-политической истории излишне поэтичным термином операция «Литой свинец», подвели хронологическую черту под «процессом Осло» и планами создания независимого Палестинского государства; все, кто не заметили этого, могут пенять исключительно на самих себя. *Национал-либералов десятилетиями обвиняли в том, что у них нет никакого конструктивного плана мирного урегулирования палестинской проблемы; к 2009 году стало ясно, что такого плана нет и ни у кого из их оппонентов и хулителей.*

В 2009 году в истории Израиля началась во многом новая эпоха, в которой ведущая роль принадлежит Биньямину Нетаньяху, еще в 1992 году впервые возглавившему национально-либеральный блок «Ликуд» [«Единство»]. Со времени его первой премьерской каденции в 1996–1999 гг. он драматически вырос как государственный деятель. Первый со времен Д. Бен-Гуриона политик, четырежды становившийся главой правительства страны, возглавлявший в разные годы министерства иностранных дел и финансов, *Б. Нетаньяху, несмотря на колоссальное давление, которому ему приходилось и приходится противостоять, изменил Израиль так, как никто из его предшественников.* Научившись говорить решительное «нет» президенту США (чем Барак Обама был возмущен и шокирован, но с чем так ничего и не смог сделать),

Б. Нетаньяху стоял и стоит на страже интересов Израиля так, как никто другой, кроме, пожалуй, Д. Бен-Гуриона и И. Шамира. И прежде не особенно демонстрировавший политику сдержанности в отношении враждебных стран и незаконных вооруженных формирований, Израиль в эпоху Б. Нетаньяху стал военно-политической державой, к мнению главы правительства которой чутко прислушиваются во всех ведущих мировых столицах.

Критики и хулители Б. Нетаньяху пророчили, что его деятельность приведет к бойкоту еврейского государства, однако правда состоит в прямо обратном: никогда прежде внешнеполитическое положение Израиля не было настолько стабильным и уважаемым, как в последние годы. Мудро воздержавшись от участия в каких бы то ни было санкциях, накладываемых странами Запада и Россией друг на друга после начала противостояния на Украине в 2014 году, и верно предсказав итоги президентских выборов в США в 2016 году, Б. Нетаньяху сумел завоевать уважение и доверие, как в Кремле, так и в Овальном кабинете Белого дома. Проведенная под его непосредственным руководством экономическая либерализация привела к беспрецедентному притоку капиталов в страну, вследствие чего израильский шеккель стал одной из самых стабильных мировых валют, а стремительный рост высокотехнологичных компаний привел к снижению безработицы до беспрецедентно низкого уровня. Всё это произошло в условиях развития науки, культуры, спорта и, что самое главное, гражданской открытости и терпимости.

Основоположником национально-либерального сионизма, без сомнения, был Владимир Жаботинский, интеллектуальному и политическому наследию которого посвящен первый раздел книги. Тот факт, что на Интернет-сайте правящего ныне в Израиле «Ликуда» раздел «История движения» освещает события, начиная лишь с 1973 года, представляется совершенно необъяснимым: к тому времени объединенный блок Партии свободы и Либералов, возглавлявшийся Менахемом Бегиним, давно уже обладал второй по численности депутатов фракцией в парламенте страны. Ладно бы речь шла об истории непосредственно партии «Ликуд», но история всего национально-либерального движения никак не может отсчитываться с 1973 года, что эта книга и продемонстрирует всем тем, кто ее прочтет.

Началось всё, конечно, с В.Е. Жаботинского, однако подобно тому, как изучение трудов и биографии Маркса лишь в небольшой степени позволяет понять, как принимали решения Ленин, Сталин, Хрущев или Брежнев, так и, анализируя деятельность Биньямина Нетаньяху, не надо преувеличивать значение трудов человека, умершего за девять лет до его рождения. Число публикаций о В.Е. Жаботинском, не говоря уже о собрании его собственных публицистических сочинений, достаточно велико, однако достойной литературы о его политических наследниках значительно меньше, и читателю зачастую просто нечего взять в руки кроме антиизраильской клеветы в жанре «фашизм под голубой звездой», с одной

стороны, романов о всепобеждающих и всесокрушающих агентах, защищенных «щитом Давида», с другой, и переливания из пустого в порожнее про «ястребов» и «голубей» в отношении отсутствующего «мирного процесса», который якобы приведет к урегулированию конфликта с палестинцами, с третьей. За девять последних лет Б. Нетаньяху тринадцать раз побывал в Москве, и российский читатель, безусловно, заслуживает возможности узнать больше и о самом главе правительства Израиля, и о том политическом движении, которое привело его на вершину государственной власти. Хочется верить, что данная книга выполнит эту задачу. При этом это не только книга о конкретном политическом движении в одной конкретной стране, но и честный рассказ о том, как одно из самых маленьких государств мира, которому в момент его создания многие пророчили скорую гибель, превратилось в одну из наиболее влиятельных мировых держав.

*

Количество опубликованной о Государстве Израиль литературы огромно, и многие – слишком, увы, многие – авторы (особенно это касается аспирантов) занимаются переписыванием друг друга и своих более старших коллег, не проводя, по сути, никаких самостоятельных исследований и «цитируя» источники, которые они зачастую в глаза не видели. Никто не в силах решить эту проблему в одиночку, но в этом процессе можно хотя бы не принимать личного участия.

Очевидно, что основательный двухтомник, посвященный политической истории Государства Израиль, будут читать те, кто в этой области уже накопил определенный багаж знаний. Этим читателям известны и знакомы труды Михаила Геннадьевича Агапова, Валерия Павловича Воробьева, Ирины Доновны Звягельской, Татьяны Анисимовны Карасовой, Александра Алексеевича Корнилова, Дмитрия Александровича Марьясиса, Владимира Ильича Месамеда, Татьяны Всеволодовны Носенко, Владимира Петровича Румянцева, Нины Абрамовны Семенченко, Евгения Яновича Сатановского, Екатерины Юрьевны Усовой, Андрея Васильевича Федорченко, Владимира Эммануиловича (Зеева) Ханина и некоторых других достойных специалистов, которые публикуются в основных издательствах и периодических изданиях, где израильская тематика занимает достойное место. Я с уважением отношусь ко всем этим людям – со всеми ними я знаком лично, а написанные многими из них статьи в разные годы публиковались в коллективных монографиях и сборниках, редактором и соредактором которых я был. Вместе с тем, поскольку эта книга выходит на русском языке, нет никакого смысла цитировать и пересказывать статьи и книги, уже опубликованные в Москве и других городах России специалистами, ведущими активную научную и преподавательскую деятельность и рассказывающими своим ученикам о своих работах. *Я вижу свою задачу в расширении источниковой базы, во введении в научный оборот прежде не цитировавшихся публикующимися в России учеными документов и материалов, в выдвижении новых гипотез.*

Значительное большинство протоколов заседаний правительства и Кнессета, цитируемых в настоящем двухтомнике, никогда не изучалось публикующимися в России учеными, а отдельные документы, рассекреченные совсем недавно (как, например, протоколы заседаний правительства в полном составе и его президиума в период накануне, во время и сразу после Шестидневной войны), вообще еще не становились предметом анализа требуемой глубины. Работа со стершимися от времени машинописными листами 1948–1973 годов (протоколы последующих лет и поныне засекречены полностью) на языке иврит была кропотливой, порой изнурительной, но только так, базируясь на первоисточниках, можно гарантировать читателю четкость и точность сообщаемых сведений. В этой связи нельзя не отметить, что первый том опирается на существенно большую источниковую базу, чем второй, который, в связи с закрытостью ключевых архивных документов, написан на основании мемуарных свидетельств и исследований ведущих политологов, чего, однако, не может быть достаточно.

В самые последние годы увидели свет мемуарно-аналитические книги бывших глав правительства Израиля Эхуда Ольмерта и Эхуда Барака, бывших министров обороны Моше Аренса и Моше (Буги) Яалона, бывшего главы Совета национальной безопасности Израиля Гиоры Айленда, бывшего председателя Верховного суда Израиля Меира Шамгара, бывшего посла Израиля в США Майкла Орена, издана важная книга Эрана Эльдара о последнем десятилетии правления Партии Труда перед «переворотом» 1977 года, появились новые биографии

Менахема Бегина и Ариэля Шарона. Ни одна из этих крайне содержательных книг не переведена до настоящего времени на русский язык – и более того, никакая из них, насколько я знаю, даже ни разу не цитировалась в публикациях об Израиле, увидевших свет в России, за которыми я пристально слежу уже двадцать лет. Я рад, что в настоящем двухтомнике читатель получит возможность услышать (пусть и в моем переводе и пересказе) «голоса» людей, оказывавших решающее влияние на ход израильской истории, но которые пока в русскоязычной литературе об Израиле не звучали вообще. Каждый из этих людей видел события со своей перспективы, зачастую противоположной мнению других видных государственных и общественных деятелей, однако только привлекая свидетельства лидеров страны и их доверенных лиц можно приблизиться к пониманию процессов, которые зачастую развивались отнюдь не так, как задумывались их инициаторами.

При этом ни Менахем Бегин, ни Ариэль Шарон, к огромному сожалению, о своей работе в Кнессете и в правительстве, которое они в разные годы возглавляли, мемуаров не оставили, а напишет ли таковые Биньямин Нетаньяху – неизвестно; пока их нет. Принимая во внимание, как много нового и важного внимательные читатели узнали из книг других, выросших в Партии Свободы и блоке «Ликуд», премьер-министров, Ицхака Шамира и Эхуда Ольмерта, можно только догадываться, насколько бы книги М. Бегина, А. Шарона и Б. Нетаньяху расширили бы наши знания по многим темам, о которых они могли бы рассказать то, что не может никто другой.

Ни одна моя книга никогда ни единым абзацем не повторяет никакую другую (кроме монографии, изданной под разными названиями в Москве и в Киеве пятнадцать лет назад) – я считаю самоцитирование абзацами и страницами явлением столь же неуместным, как подобное цитирование работ других авторов. Техническая возможность «склеить» текст любого объема из других, написанных и опубликованных ранее, часто самооправдываемая нехваткой времени и «обстоятельствами», является искушением вредным и опасным как для науки, так и для самого автора, который прекращает по-настоящему изучать сферу своей специализации, вместо этого репродуцируя, с небольшими изменениями, то, что было написано ранее. Поскольку целый ряд поднятых в этой монографии тем поднимался (хотя и иначе) и в других моих книгах, ссылки на них позволят внимательному читателю составить более целостное представление о том, как именно я вижу и понимаю анализируемые события. Вместе с тем, я верю, что как любая моя книга, и эта является самодостаточной, раскрывая заявленную в ней тему с требуемой полнотой.

*

Этот двухтомник не мог бы появиться на свет, если бы не огромная любовь к Израилю и еврейскому народу со стороны Юрия Ефимовича Гиверца, создателя Центра изучения Израиля и диаспоры, поддержавшего идею работы над ней тогда, когда ничего, кроме идеи, и не было – и я от всей души благодарен ему за доверие.

Созданный четверть века назад Евгением Яновичем Сатановским и Ефимом Леонидовичем Жигуном Институт Ближнего Востока служит мне профессиональным домом вот уже целых два десятилетия – и нет слов, которые могли бы выразить мою за это признательность. Вопреки тому, что мне многократно пришлось «узнавать» от людей, знающих обо мне больше, чем я сам, руководители Института Ближнего Востока никогда не вмешивались в мою работу, не ставя под сомнение мою интеллектуальную независимость. Я очень благодарен судьбе за то, что еще двадцать лет назад оказался в орбите этой небольшой, но сверхэффективной структуры, в 1990-е годы спасшей израилеведческие и ближневосточные исследования в России, а в последние годы превратившейся в «мозговой центр», под эгидой которого создаются и публикуются исследования, без преувеличения, мирового уровня.

Я также выражаю самую искреннюю благодарность своему коллеге историку Дмитрию Александровичу Санояну за помощь в работе над этой монографией. Мы знакомы с его студенческих лет, и я рад, что эта книга подарила нам незабываемый опыт совместной работы.

Особой благодарности заслуживает юрист по образованию и дотошный читатель по призванию Александр Александрович Тар, модератор сообщества «Национально-либеральный Израиль и диаспора» в социальных сетях, внимательно прочитавший весь текст монографии и сделавший ряд предложений, способствовавших ее улучшению.

Иерусалим – Москва, ноябрь 2018 г.

ГЛАВА I.

**ВЛАДИМИР ЖАБОТИНСКИЙ –
ИНТЕЛЛЕКТУАЛ, ОБОГНАВШИЙ ВРЕМЯ**

1. Европейец, либерал и палестинофил

У идейных и мировоззренческих истоков еврейского национал-либерального движения стоял выдающийся политический мыслитель Нового времени, поэт и публицист Владимир (Вольф, Зеэв) Евгеньевич (Евнович) Жаботинский (1880–1940). Будучи одним из лидеров политического сионизма, по своим взглядам В.Е. Жаботинский заметно отличался от большинства идейных наследников Теодора Герцля. Культурная и интеллектуальная атмосфера, в которой происходило формирование В.Е. Жаботинского как личности, была весьма непохожей на ту среду, из которой вышли Нахман Сыркин, Бер Борохов, Давид Бен-Гурион, Берл Кацнельсон и другие деятели социалистического сионизма. Детство и юность Жаботинского, родившегося в благополучной еврейской семье, прошли в Одессе. Воспетый впоследствии самим В.Е. Жаботинским в романе «Пятеро», этот город отличал дух космополитизма и просвещения. Помимо евреев, составлявших в конце XIX столетия третью часть населения Одессы, в городе проживали русские, украинцы, греки, армяне, представители других народов тогдашней Российской империи. Находившаяся как бы «на стыке» различных культур многонациональная Одесса¹, в которой рос В.Е. Жаботинский, представляла собой разительный

¹ См.: Чарльз Кинг, *Одесса – величие и смерть города грез* [2011] / пер. с англ. О. Кириченко (Москва: Издательство Ольги Морозовой, 2014).

контраст небольшим еврейским поселениям (т.н. «местечкам») в «черте оседлости», являвшихся родиной для большинства лидеров т.н. «рабочего движения», сформировавшегося в сионизме в начале XX века.

Жизнь евреев в черте оседлости характеризовалась господством религиозной ортодоксии, многочисленными проявлениями антисемитизма со стороны окружающих их народов, периодически переходившими в погромы. Одесса, напротив, была центром светской культуры и еврейского просвещения. Проблема антисемитизма (несмотря на очевидное наличие таковой) не ощущалась одесскими евреями столь остро, как в «черте оседлости». Атмосфера космополитичности и просвещения царила и в семье Жаботинского: его отец, Евно (Евгений Григорьевич), служащий Российского общества мореходства и торговли, занимался закупкой и продажей пшеницы, а сестра Тереза (Тамара) была учредительницей частной женской гимназии в Одессе. С 16 лет В.Е. Жаботинский стал публиковаться в крупнейшей российской провинциальной газете «Одесский листок» и был послан этой газетой корреспондентом в Швейцарию и Италию; также сотрудничал с газетой «Одесские новости». Владимир не только получил прекрасное светское образование, но и овладел несколькими иностранными языками; в частности, он прекрасно знал немецкий (в детстве он год прожил с родителями в Германии), итальянский и английский, а также французский. Напомним, что для большинства евреев Восточной Европы в рассматриваемый период времени языком разговорного общения являлся идиш. Процент евреев

черты оседлости, в совершенстве владевших какими-либо западноевропейскими языками, оставался мизерным; В.Е. Жаботинский же прекрасно знал государственные языки всех основных европейских стран.

Владение языками открыло для молодого В.Е. Жаботинского богатейший мир западноевропейской культуры. Как отмечал иерусалимский профессор Шломо Авинери, «воспитанный в лучших традициях русской культуры, обильно черпавший из культуры европейской, *Жаботинский, несомненно, значительно превосходил сионистское руководство периода между двумя мировыми войнами во всем, что касается культуры, утонченности и широты интеллектуальных горизонтов.* Среди лидеров сионистского движения он не имел подобных себе как поэт и переводчик, эссеист и писатель. В сотнях статей и очерков, написанных на разных языках, обнаруживается его удивительная способность “чувствовать себя дома” в сфере различных культур, быть хорошо знакомым с большинством теорий и взглядов, господствовавших в то время»².

Укорененность в европейской культуре оказала впоследствии огромное влияние на формирование В.Е. Жаботинского как политика, на его идейные взгляды и на его интеллектуальный облик в целом. Те европейские державы, которые после распада Османской империи пришли на Ближний Восток, не были для него, в отличие от подавляющего большинства деятелей т.н. «рабочего

² Шломо Авинери, *Происхождение сионизма* [1981] / пер. с иврита (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2004), стр. 350.

движения», *terra incognita*. Знание Европы и европейской культуры позволяло В.Е. Жаботинскому осознавать, на что, с точки зрения европейской интеллектуальной и политической элиты, сионистское движение может рассчитывать, а на что – нет.

С профессиональной точки зрения В.Е. Жаботинский был похож на Т.Герцля: оба они были не только европейскими космополитами, но и успешными журналистами; в значительной мере, именно то, что они увидели в ходе своей профессиональной деятельности в местах, весьма далеких от тех, где они родились (соответственно, Будапешт и Одесса), подтолкнуло их к пониманию необходимости создания независимого еврейского государства, которое станет убежищем для преследуемого народа. Из журналистов они стали дипломатами, но, в отличие от стандартной ситуации, когда дипломаты представляют те или иные страны, Т.Герцль и В.Е. Жаботинский были самоназначенными эмиссарами еврейского народа, которому они выбрали посвятить свои жизни.

Идейная основа «национализма» В.Е. Жаботинского сложилась в период его учебы в одном из престижнейших европейских вузов того времени – Римском университете (отметим, что лишь немногие представители российского еврейства на рубеже XIX и XX вв. могли позволить себе обучение в европейских высших учебных заведениях). В отличие от большинства лидеров т.н. «левых сионистов», политические и национальные воззрения которых формировались под влиянием социалистического движения и восточноевропейского, в первую очередь,

польского, национализма, В.Е. Жаботинский являлся идейным наследником Рисорджименто. Итальянский национализм, с отличавшей его героикой добровольческих легионов Гарибальди, едва ли не более, чем непосредственное соприкосновение с проблемами и бытом еврейского народа, сформировал национальные взгляды Жаботинского³. Сам В.Е. Жаботинский впоследствии называл Италию своей второй, «духовной», родиной. «Если у меня есть духовное отечество, то это Италия, а не Россия, – отмечал В.Е. Жаботинский в автобиографической книге «Повесть моих дней». – Со дня прибытия в Италию я ассимилировался среди итальянской молодежи и жил ее жизнью до самого отъезда. Все свои позиции по вопросам нации, государства и общества я выработал под итальянским влиянием. В Италии научился я любить архитектуру, скульптуру и живопись, а также литургическое пение»⁴.

С этой страной связано и развитие либерального мировоззрения В.Е. Жаботинского. Как отмечал Моше Бела, «увлеченность либерализмом сопровождала Жаботинского на протяжении всей его жизни. В его сознании жила надежда на то, что, невзирая на все общественные бури, которые обрушились на человечество в период между двумя мировыми войнами, наступит час

³ Шломо Авинери, *Происхождение сионизма*, стр. 355.

⁴ Владимир Жаботинский, «Повесть моих дней» [1937] / пер. с иврита Н. Бартман // *О железной стене: речи, статьи, воспоминания* / (Минск: МЕТ, 2004), стр. 471.

либерализма – в эпоху успокоения и отрезвления»⁵. Это же отмечал и Ицхак Шамир: «Жаботинский был сторонником свободной экономики в еврейском государстве, в создании которого всегда был уверен, и либералом до мозга костей; ... он всегда резко выступал против действий вне рамок закона»⁶. «Европейскость» В.Е. Жаботинского и его приверженность либеральным ценностям во многом объясняют его слабый интерес к социализму и левым идеям, захватившим большинство российских сионистов в начале XX века.

Перед Пасхой 1903 года В.Е. Жаботинский стал одним из организаторов первого в России отряда еврейской самообороны (ожидавшийся погром, однако, произошел не в Одессе, а в Кишиневе). Надо сказать, что опыт самообороны от антисемитских нападений сыграл важную роль в формировании личностей целого ряда последователей В.Е. Жаботинского. Так, Ицхак Шамир, вспоминая о том, как в 1932 году начал учиться в Варшавском университете, не скрывал, что, «как и всякий еврей в этом городе, имел основания для страха»⁷. Сам И. Шамир отмечал влияние этого негативного опыта отнюдь не только в юношеские годы: «Многие из моих

⁵ См.: Моше Бела, *Мир Жаботинского* [1972] / пер. с иврита А. Лоренсона и М. Короля (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 1992).

⁶ Ицхак Шамир, *Подводя итоги* [1994] / пер. с иврита Ю. Шлейфман, (Центр изучения наследия Иерусалима, 2000), стр. 22.

⁷ Там же, стр. 17.

одноклассников, еврейских студентов, не появлялись на улице без какого-либо средства защиты от банд хулиганов-антисемитов, чья агрессивность постоянно и неуклонно возрастала... В более поздний период моей жизни я привык всегда иметь при себе оружие... Но в эти первые недели в Варшаве меня раздражала необходимость постоянно помнить, что, идя в университет, следует сунуть в карман нож»⁸.

В августе 1903 года В.Е. Жаботинский был избран делегатом VI Сионистского конгресса в Базеле, и с этого момента начал принимать активное участие в сионистском движении. В начале 1904 года В.Е. Жаботинский переехал в Санкт-Петербург и вошел в состав редколлегии ежемесячного журнала на русском языке «Еврейская жизнь» (в дальнейшем – «Рассвет»), с 1907 года являвшимся основным печатным органом сионистского движения в России. В 1905 году В.Е. Жаботинский стал одним из создателей «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России». В 1906 году, будучи одним из делегатов Всероссийской конференции сионистов в Гельсингфорсе (ныне – Хельсинки), участвовал в составлении принятой там программы, требовавшей равных прав для евреев и для всех других народов Российской империи.

Европейское образование, широта взглядов, либерализм и «неприверженность» социалистическим идеям роднили В.Е. Жаботинского с отцом-основателем политического сионизма Теодором Герцлем (1860–1904).

⁸ Там же.

«Сионизм Герцля – это всё, что угодно, кроме отступления от либеральных чаяний», – справедливо указывала профессор Гарвардского университета Рут Вайс⁹. Именно *В.Е. Жаботинский* больше, чем кто-либо другой, стремился претворить в жизнь политическую программу Т. Герцля. Сущность этой программы, если сконцентрироваться на главном, заключалась в скорейшем создании еврейского государства, которое должно получить международное признание. Это государство, основанное на принципах демократии и свободной экономики, должно было стать домом для каждого еврея, живущего на планете, без каких-либо ограничений или отбора.

Следует отметить, что в отличие от *В.Е. Жаботинского*, доминировавшие в политических структурах еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль представители «рабочего движения» отошли от идеологии Т. Герцля, во-первых, приняв на вооружение концепцию постепенно создаваемого «государства в пути», а во-вторых, увязав реализацию сионистского проекта с воплощением в жизнь социалистических идеалов.

При всем сходстве мировоззрений Т. Герцля и В.Е. Жаботинского, между ними существовали и расхождения, важнейшим из которых являлось представление о месте Палестины/Эрец-Исраэль в процессе собирания евреев мира. Вопрос о территории, на

⁹ Рут Вайс, *Евреи и власть* [2007] / пер. с англ. Л. Черниной (Москва: «Книжники», 2009), стр. 121.

которой должно быть (вос)создано еврейское государство, стал предметом острой дискуссии на VI Сионистском конгрессе в Базеле в 1903 году. Во время Конгресса В.Е. Жаботинский, как и многие другие делегаты из России, отвергли идею формирования комиссии для изучения предложения британского правительства о предоставлении территории в Уганде для создания там еврейского национального очага. В.Е. Жаботинский примкнул к той группе делегатов Конгресса, которые отстаивали идею о необходимости добиваться провозглашения еврейского государства только в Эрец-Исраэль. Как известно, сам Т.Герцль не считал Палестину/Эрец-Исраэль единственной страной, в которой может быть создано еврейское государство. Этой же точки зрения придерживался и основатель и руководитель Еврейской территориальной организации (ЕТО) Израэл Зангвил (1864–1926). ЕТО возникла после смерти Т.Герцля как ответ части делегатов VII Сионистского конгресса 1905 года на отказ руководства движения от «угандийского» проекта. После провала «проекта Уганды», ЕТО пыталась достичь соглашения о приобретении территорий в Анголе (1907 г.), в Киренаике на территории нынешней Ливии (1908 г.), в Месопотамии (1909 г.), а также в Австралии, США, Мексике и других регионах, однако все эти попытки успеха не имели.

Для В.Е. Жаботинского, в отличие от Т.Герцля и И. Зангвила, еврейская государственность (а также полноценная еврейская культурная и духовная жизнь) могла быть (вос)создана только в Палестине/Эрец-Исраэль. В.Е. Жаботинский, в частности, писал: «Все, что

есть в нас еврейского, дано нам Палестиной; все остальное, что в нас имеется, не есть еврейское. Еврейство и Палестина – одно и то же. Там мы родились как нация и там созрели. И когда буря выбросила нас из Палестины, мы не могли расти дальше, как не может расти дальше дерево, вырванное из земли»¹⁰. Приверженность либеральным идеям в сочетании с представлением о центральном месте Палестины/Эрец-Исраэль в судьбе еврейского народа отличала В.Е. Жаботинского от большинства еврейских лидеров его эпохи.

2. На пути к народу, способному защищать себя

Непосредственно в Палестине/Эрец-Исраэль В.Е. Жаботинский впервые побывал в 1908 году. Несмотря на любовь к этой стране, которую он пронес через всю свою жизнь, иммиграция в периферийный регион Османской империи на тот момент не представляла интереса для космополита и глубокого европейского интеллектуала, коим будущий основатель национал-либерального направления в еврейской политической мысли первой половины XX века, несомненно, являлся. В то же время, В.Е. Жаботинский увидел опасность, угрожавшую еврейским поселенцам, исходившую от местного арабского населения. Осознав неизбежность предстоящего конфликта между арабами и евреями, он

¹⁰ Владимир Жаботинский, «Сионизм и Палестина» [1904] // Собрание сочинений. Т. IV. Кн. 1 (Минск: МЕТ, 2012).

сделал вывод о необходимости создания еврейского военного формирования, которое стало бы прообразом будущей армии независимого еврейского государства. Идея сильной, хорошо организованной армии, которая должна была прийти на смену отрядам еврейской самообороны, формировавшимся в Палестине/Эрец-Исраэль в начале XX века, функции которых сводились к защите поселений от грабителей, была еще одной отличительной чертой, отделявшей В.Е. Жаботинского от большинства тогдашних лидеров сионистского движения.

На протяжении многих лет В.Е. Жаботинский лелеял мечту о создании, насколько это возможно, независимой еврейской армии, которой будет под силу завоевать Палестину/Эрец-Исраэль для еврейского народа. В.Е. Жаботинский был уверен, что никакая держава не будет посылать своих солдат на битвы и на смерть ради того, чтобы овладеть Палестиной/Эрец-Исраэль, а потом преподнести ее еврейскому народу «на блюдечке с голубой каемочкой». В этом смысле начало Первой мировой войны создало условия для того, чтобы этот план, бывший до тех пор исключительно умозрительной фантазией, можно было попробовать начать реализовывать. По воспоминаниям самого В.Е. Жаботинского, первым, с кем он поделился этой мыслью, был Макс Нордау (1849–1923) – ближайший соратник Теодора Герцля, заместитель главы международной Сионистской организации, автор проекта Базельской программы, в которой впервые было высказано стремление к созданию независимого еврейского государства.

Обращает на себя внимание тот факт, что 34-летний на тот момент В.Е. Жаботинский, бывший тогда корреспондентом газеты «Русские ведомости» и в этом качестве путешествовавший по миру (с М. Нордау они встретились в Мадриде, куда тот был выслан из Франции в связи с его австро-венгерским подданством!), первым обратился не к государственному деятелю той или иной страны, способной содействовать созданию того, что потом стало называться Еврейским легионом, а к видному сионистскому общественному деятелю, за которым не стояло никакой государственной поддержки. Этот момент принципиально важен потому, что показывает ключевой вектор дипломатии В.Е. Жаботинского: в своем проекте он хотел вначале убедить Сионистскую организацию, чтобы она, а не он, выдвинула эту инициативу. То, что события пошли по принципиально иному пути, было не виной, а бедой В.Е. Жаботинского, план которого был решительно отвергнут Сионистской организацией. При их встрече В.Е. Жаботинский спросил М. Нордау: «Если бы можно было убедить англичан образовать еврейский контингент для участия в операциях на Восточном фронте – Палестинском – как бы Вы к этому отнеслись?». По воспоминаниям В.Е. Жаботинского, М. Нордау «отнесся скептически»¹¹.

Хуже того, когда, оказавшись в Лондоне, в первой половине 1915 года, В.Е. Жаботинский попытался

¹¹ Владимир Жаботинский, «Слово о полку» [1928] // *О железной стене: речи, статьи, воспоминания* / (Минск: МЕТ, 2004), стр. 306.

встретиться с входившим в состав британского правительства евреем по национальности Гербертом Сэмюэлем (1870–1963; не лишне упомянуть, что спустя пять лет именно он стал первым верховным эмиссаром Великобритании в Палестине), Нахум Соколов (1859–1936) и Ефим (Иехиэль) Членов (1863–1918), возглавлявшие тогда Сионистскую организацию, отговорили Хаима Вейцмана, бывшего тогда наиболее известным и уважаемым в правительственных кругах сионистским деятелем, содействовать организации этой встречи¹². Единомышленник В.Е. Жаботинского, Яков Ландау (1892–1952), живший тогда в Голландии и выступавший в печати со статьями о том, что еврейское национальное движение должно бороться против Турции, причем с оружием в руках, был исключен из Сионистской организации Голландии¹³ (в начале 1920-х годов он эмигрировал в США, где основал Еврейское телеграфное агентство [Jewish Telegraphic Agency], которое много лет возглавлял).

Летом 1915 года в Копенгагене состоялся очередной конгресс Сионистской организации. Не будучи избранным делегатом, В.Е. Жаботинский не планировал на нем присутствовать, однако был вызван телеграммой Е.В. Членова, после чего прибыл в Копенгаген – фактически для того, чтобы подвергнуться разносу со стороны тех, кого он считал своими соратниками и на чью помощь более всего рассчитывал. Руководители

¹² Владимир Жаботинский, «Слово о полку», стр. 327.

¹³ Там же, стр. 332.

Сионистской организации считали, что предсказать победителей и проигравших в мировой войне, которая была тогда в самом разгаре, невозможно, а раз так, то еврейскому национальному движению ни в коем случае нельзя занимать позицию в поддержку одних держав против других. Сионистская организация выступала за абсолютный нейтралитет еврейского национального движения в этой войне, к причинам которой она была абсолютно непричастна, и стороной в которой она не хотела быть. Среди ее руководителей бытовало мнение, что Турция, получив поддержку со стороны арабов не только Ближнего Востока, но и Северной Африки, сохранит свое влияние и после войны и никогда не откажется от Палестины¹⁴. В.Е. Жаботинский настойчиво считал обратное и даже написал целую книгу, в которой обосновывал неизбежность разгрома отсталой Турции более передовыми державами; хотя книга «Турция и война» вышла только весной 1917 года¹⁵, подобное понимание событий сформировалось у В.Е. Жаботинского еще в первые месяцы войны¹⁶, если даже не раньше: проведя год корреспондентом в Константинополе в 1908–1909 годах, В.Е. Жаботинский был уверен в скором распаде Османской империи, который, как он был убежден, «будет благом для всех народов Турции, начиная

¹⁴ Там же, стр. 328.

¹⁵ Vladimir Jabotinsky, *Turkey and the War* (London: T. Fisher Unwin, 1917).

¹⁶ Владимир Жаботинский, «Слово о полку», стр. 307.

с самих турок, и, возможно, и для нас»¹⁷. Хотя в Османской империи Палестина была частью вилайета, центром которого являлся Дамаск¹⁸, В.Е. Жаботинский мудро предвосхитил события, указав, что «Сирия должна стать очевидно французской, Палестина же должна оказаться частью британской сферы влияния»¹⁹; ровно так и случилось.

Нужно, однако, отметить, что пророческий дар В.Е. Жаботинского был отнюдь не безграничным. Хотя летом 1915 года он (в последний раз в своей жизни) побывал в России, его прогнозам относительно будущего его родины не суждено было оправдаться уже очень скоро. Так, беседуя летом 1916 года с работавшим тогда в министерстве иностранных дел Великобритании Томасом Вудхаусом Леггом, бароном Ньютоном (1857–1942), который отвечал за взаимодействие с иностранными средствами массовой информации и, одновременно, за проблемы военнопленных, Владимир Жаботинский выразил мнение, что «победа союзников, вероятно, укрепит этот самый русский режим лет еще на двадцать»; в действительности, тогдашнему российскому режиму до Февральской революции оставалось меньше года. Добавив, что «устранить этот факт Англия не может», В.Е. Жаботинский выразил мнение, что «Англия может

¹⁷ Владимир Жаботинский, «Повесть моих дней», стр. 521.

¹⁸ См.: Алек Д. Эпштейн, *Горизонты и миражи палестинской государственности* (Москва/Иерусалим: Институт Ближнего Востока – «Мосты культуры», 2016), стр. 81–95.

¹⁹ Vladimir Jabotinsky, *Turkey and the War*, p. 209.

создать ему противовес». На удивленный вопрос собеседника «как?», В.Е. Жаботинский ответил:

– Есть на свете одна только вещь, которую евреи любят еще больше, чем они ненавидят русский режим: эта вещь – Палестина. Только ради большой любви может масса закрыть глаза на большую ненависть: другого пути нет.

– Что же вы предлагаете? Издать манифест от имени английского правительства с выражением благоволения к сионизму?

– Это было бы желательно в высшей степени; но я думаю, что американские евреи сказали бы на это: очень приятно, только ведь манифест – бумага, а где факты? Видите ли, вся эта война началась с того, что пущено было в ход ядовитое слово – «клочок бумаги». Слово это получило огромную и нездоровую популярность, и никто больше манифестам не верит. Тем более, что русский режим состоит не из манифестов, а из фактов. Поэтому и противовес должен состоять не из одной бумаги.

– Какие тут возможны факты? Нельзя же отдать Палестину, когда она еще не завоевана... И вообще – Вы, конечно, понимаете, я весь этот вопрос обсуждаю пока только в теории...

– Единственным логическим фактом было бы учреждение еврейского контингента, предназначенного для участия в завоевании Палестины²⁰.

При этом нужно помнить, что В.Е. Жаботинский предлагал идею создания Еврейского легиона отнюдь не

²⁰ Владимир Жаботинский, «Слово о полку», стр. 341–342.

только собеседникам в Британии. Подобные переговоры он вел и в Италии (где некоторых депутатов знал со своих студенческих лет²¹) и во Франции, где его принял лично министр иностранных дел Теофиль Делькассе (Théophile Delcassé, 1852—1923), встреча с которым стала возможной вследствие усилий Хаима Вейцмана, побывавшего в Париже незадолго до В.Е. Жаботинского²². Иосиф Владимирович (Вольфович) Трумпельдор (1880—1920), после того, как ему, бывшему кавалером Георгиевского креста за мужество всех четырех степеней и уже имевшему офицерский чин в российской армии, в Британии в таком отказали, вернулся в Россию с целью убедить Временное правительство сформировать в составе русской армии еврейский полк. По его замыслу (который никогда не был реализован), полк должен был прорваться через турецкий фронт на Кавказе в Палестину/Эрец-Исраэль. В октябре 1917 года в Киеве под председательством И.В. Трумпельдора прошла конференция представителей союзов евреев-воинов, где было принято решение о создании Всеобщей федерации еврейских солдат в России и Всеобщей федерации еврейской самообороны. Этим планам не суждено было сбыться, и И.В. Трумпельдор уже в 1919 году покинул Россию и вернулся в Палестину/Эрец-Исраэль, где жил, начиная с 1912 года.

Для И.В. Трумпельдора, как и для В.Е. Жаботинского, критическое значение имело само создание еврейских вооруженных сил, которые, по его

²¹ Там же, стр. 332.

²² Там же, стр. 323–325.

замыслу, должны были освободить Палестину/Эрец-Исраэль для еврейского народа; под эгидой какой именно державы они будут созданы, значения для него не имело. В 1914–1915 годах об этой инициативе правящие круги Лондона совершенно не желали слышать, точно так же, как и их коллеги в Риме и в Париже; тот факт, что именно в Лондоне В.Е. Жаботинский, несмотря на это, продолжал свою агитационно-дипломатическую деятельность, был вызван исключительно тем, что по его анализу, который оказался совершенно верным, именно Великобритания станет той державой, которая будет более других стремиться обрести – и обретет – контроль над Палестиной/Эрец-Исраэль. Согласие на создание Еврейского легиона (он получил название 38-й батальон королевских стрелков) удалось получить лишь в августе 1917 года, после чего около полугода занял процесс его практической организации; иными словами, когда в декабре 1917 года войска под командованием генерала Эдмундом Алленби (1861–1936) заняли Иерусалим, никакого Еврейского легиона в их составе не было. Первый еврейский батальон промаршировал по улицам Лондона 2 февраля 1918 года, после чего начал длинный путь в Палестину/Эрец-Исраэль через Саутгемптон, Францию, Италию и Египет. Когда батальон прибыл в Каир, генерал Эдмунд Алленби со своей штаб-квартирой уже находился в Палестине²³. Таким образом, план В.Е. Жаботинского, согласно которому Еврейский легион завоюет Палестину/Эрец-Исраэль для еврейского народа,

²³ Там же, стр. 390.

реализован не был, но в 1918 году батальоны Еврейского легиона участвовали в боях в окрестностях Шхема и в Иорданской долине²⁴. В.Е. Жаботинский сам вступил в этот батальон рядовым, вскоре получил звание лейтенанта и пересек реку Иордан во главе его первой роты.

Нужно отметить, что, не добившись вступления воинов-евреев в Палестину/Эрец-Исраэль первыми, В.Е. Жаботинскому удалась не менее амбициозная задача: хотя Еврейский легион был создан в составе британской армии, мобилизация воинов в него проходила буквально по всему миру: не только в Великобритании, но и в США, Аргентине, Франции, Греции и среди еврейской общины самой Палестины/Эрец-Исраэль. Хотя командовал Легионом этнический ирландец полковник Джон Генри Паттерсон (1867–1947), который был одним из самых ярких представителей христианского сионизма за всю его историю, важную роль сыграли и офицеры-евреи, прежде всего, командовавшие входившими в состав Легиона батальонами уроженец Белгорода Лазарь Маркович Марголин (1874–1944), до этого живший в Австралии и имевший большой опыт службы в австралийской армии, и британский еврей полковник Фредерик Сэмюэл, до этого воевавший на французском фронте. Всего на службу в Еврейский легион добровольно призвались десять тысяч человек, из коих, однако, до Палестины/Эрец-Исраэль добралась только половина. Остальные, проведя несколько месяцев в английском городе Плимут на побережье пролива Ла-Манш, были там же

²⁴ Там же, стр. 405.

демообилизованы; среди них был, в частности, и знаменитый в будущем скульптор Джейкоб Эпстайн (1880–1959). Однако и эти пять тысяч человек сыграли значимую роль. Не преувеличивая ее, В.Е. Жаботинский писал: «Чисто военное значение легиона было не больше и не меньше того, какое могут иметь три батальона в большой войне. Британская армия могла бы освободить Палестину и без нас. Но она освободила Палестину с нами; и в ответственный момент она поручила нам ответственную роль на опасном, исключительно тяжелом посту. Это не много и не мало; это то, что есть»²⁵. Но главное, что «пока стояли в Палестине пять тысяч еврейских солдат – даже когда, в самую опасную минуту, они остались почти одни на весь край – в Палестине было тихо. Когда они ушли, в Палестине трижды пролилась еврейская кровь»²⁶.

На праздник Хануки 1919 года Легион получил почетное право называться «Первым полком Иудеи»; был также утвержден значок полка – семисвечник с надписью *Кадима* [«Вперед»] на подставке. К Легиону были присоединены остатки полков еврейских добровольцев из-за границы, и его командиром был назначен полковник Лазарь (Элиэзер) Марголин. Весной 1920 года Палестину посетил командующий британскими войсками на всем Ближнем Востоке генерал Конгрейв. В письме в военное министерство в Лондоне он очень лестно отзывался о Легионе, однако выразил несогласие с продолжением его

²⁵ Там же, стр. 451.

²⁶ Там же, стр. 451.

существования в качестве обособленной единицы. Он писал: «В случае внутренних беспорядков, могущих вспыхнуть в стране на основе расовых противоречий, использование еврейских солдат лишь усилит вражду и умножит опасность»²⁷. В соответствии с этими соображениями, генерал посоветовал в подходящий момент демобилизовать солдат и распустить Легион. Несмотря на все усилия, прежде всего Хаима Вейцмана, избежать подобного развития событий, 31 июля 1920 года это произошло; история Еврейского легиона завершилась.

3. От Еврейского легиона – к самообороне

В.Е. Жаботинский надеялся, что помощь Еврейского легиона странам Антанты в войне против Османской империи станет фактором, который поспособствует скорейшему созданию в Палестине/Эрец-Исраэль еврейского государства – и его признанию Великобританией и другими державами. Однако после окончания войны, Легион, в котором сам В.Е. Жаботинский служил в чине лейтенанта, был расформирован – и никакой ни военной, ни политической роли более не играл. В тот период В.Е. Жаботинский подчеркивал важность немедленного развертывания широкомасштабной еврейской иммиграции в Палестину/Эрец-Исраэль и создания, на базе Легиона,

²⁷ Цит. по: Иехуда Слуцкий, *Хагана – еврейская боевая организация в Эрец-Исраэль* / пер. с иврита (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1978), книга I, стр. 94–95.

еврейских вооруженных сил; однако другие сионистские лидеры не поддержали этот план. Так, Менахем Усышкин (1863–1941), с 1919 по 1921 год возглавлявший *ваадат ха'цирим* (в дословном переводе с иврита – Совет представителей; на английском принятое название – Zionist Commission in Palestine) – чрезвычайный орган, координировавший сионистскую деятельность в Палестине/Эрец-Исраэль, утверждал, что еврейское государство нельзя создавать в спешке, напоминая о том, что и Моисей сорок лет водил евреев по пустыне; что касалось иммиграции, то и она, по его мнению, должна быть постепенной, как имело место после вавилонского плена²⁸. В этом вопросе, как и во многих других, В.Е. Жаботинский, наиболее верный и убежденный последователь Теодора Герцля, был одинок.

Обнародованная 2 ноября 1917 года Декларация, гласившая, что британское правительство «относится благосклонно к восстановлению национального очага для еврейского народа в Палестине и приложит все усилия к облегчению достижения этой цели», равно как и фактическое вхождение Палестины/Эрец-Исраэль в состав Британской империи, укрепили надежду В.Е. Жаботинского и его сторонников на скорейшую

²⁸ Вальтер Лакер, *История сионизма* (Москва: «Крон-Пресс», 2000), стр. 489. Вавилонское пленение – собирательное название серии изгнаний населения Иудеи в правление Навуходоносора; эти изгнания происходили на протяжении шестнадцати лет (598–582 гг. до н. э.) и были карательными мерами в ответ на восстание Иудеи.

реализацию сионистского проекта. Однако произошедшие в 1920 году события не только изменили взгляды В.Е. Жаботинского на дальнейшую перспективу сотрудничества с Великобританией, но и оказали значительное влияние на развитие сионистского движения в целом, фактически приведя к расколу внутри него и созданию сторонниками В.Е. Жаботинского альтернативных сионистскому «мейнстриму» политических организаций и структур в диаспоре.

В 1920 году недовольство арабского населения Палестины Декларацией Бальфура и притоком еврейских иммигрантов приняло открытые формы. Начавшиеся 27 февраля 1920 года беспорядки достигли своего пика 4 апреля, в день мусульманского праздника Наби Муса. В этот день, подстрекаемые муфтием Иерусалима Амином аль-Хусейни, арабские погромщики (многие из них специально прибыли в Иерусалим из Хеврона) совершили нападение на Еврейский квартал Старого города. В результате продолжавшихся два дня погромов, пятеро евреев были убиты и более двухсот получили ранения²⁹. Расквартированные в городе британские войска по так и не ставшей известной причине были выведены из него за несколько дней до этих событий. Единственной силой, которая пыталась оказать сопротивление и восстановить порядок, стали отряды еврейской самообороны, организованные и возглавляемые В.Е. Жаботинским.

²⁹ Авива Халамиш, *Иерусалим в период британского мандата* / пер. с иврита (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1998), стр. 102.

Показательно, что и тогда он оказался провидцем. 12 марта 1920 года В.Е. Жаботинский писал Х.Е. Вейцману о том, что в Иерусалиме «каждый день может вспыхнуть погром»³⁰. В Иерусалиме существовал городской комитет еврейской самообороны, но его члены не чувствовали грозившую опасность. Входившая в этот комитет Рахель Янаит-Бен-Цви (ее муж в 1952 году был избран вторым президентом Государства Израиль) вспоминала: «С началом праздника Песах в городе начали распространяться тревожные слухи. ... В особенности множились известия из Старого города и отдаленных районов. Однако трудно утверждать, что мы всерьез восприняли эти слухи. Мы не могли и помыслить о том, что в Иерусалиме нам грозит серьезная опасность»³¹.

О чем не могли помыслить активисты социалистической партии *Ахдут ха'авода* Рахель Янаит (урожденная Голда Лишанская, 1886–1979) и ее муж Ицхак Бен-Цви (урожденный Шимшелевич, 1884–1963), то у Владимира Жаботинского стояло перед глазами. Автор-составитель официального восьмитомника по истории военной организации так называемого «рабочего движения» «Хагана» [«Оборона»] профессор Иехуда Слуцкий (1915–1978) никак не может быть причислен к сторонникам национал-либерального движения, но вот что он отмечал: «Присоединение Жаботинского к

³⁰ Иехуда Слуцкий, *Хагана – еврейская боевая организация в Эрец-Исраэль*, книга I, стр. 108.

³¹ Цит. по: Авива Халамиш, *Иерусалим в период британского мандата*, стр. 101.

руководству организации самообороны вызвало решительное изменение характера и объема ее деятельности. Организация стала крепнуть и расширяться и в течение считанных недель стала массовой; она включала в себя представителей всех слоев населения»³².

В.Е. Жаботинский, как подлинный наследник Т. Герцля, делал упор на политико-дипломатическую деятельность, используя посредничество Петра (Пинхаса) Моисеевича Рутенберга (1879–1942), имевшего хорошие связи в руководстве британской администрации в Палестине/Эрец-Исраэль³³. В.Е. Жаботинский настойчиво требовал вооружения отдаленных поселений и городских кварталов и мобилизации специальных полицейских сил, чтобы использовать их, в случае необходимости, при чрезвычайных обстоятельствах. Власти решительно отвергли требование о предоставлении евреям оружия, уверяя, что это может вызвать волнения среди арабов. В самом конце марта 1920 года В.Е. Жаботинский представил штабу еврейской самообороны план защиты города. Все защитники Иерусалима были разбиты на четыре роты, при этом ни одно подразделение не было назначено на охрану Старого города. В.Е. Жаботинский считал, что подстрекательство со стороны арабов

³² Иехуда Слуцкий, *Хагана – еврейская боевая организация в Эрец-Исраэль*, книга I, стр. 108.

³³ См. фундаментальную двухтомную биографию этого незаурядного человека: Владимир Хазан, *Пинхас Рутенберг: от террориста к сионисту* (Москва/Иерусалим: Еврейский университет в Иерусалиме – «Мосты культуры», 2008).

направлено против сионистских учреждений и иммигрантов, проживавших в новых кварталах Иерусалима, а не против ортодоксальной иудейской общины Старого города. Этот прогноз оказался неверным. Погромы еврейских магазинов и избивание прохожих-евреев началось на улице Яффо на участке от Яффских ворот Старого города до Русского подворья. Дальше погромщики вошли в Старый город, где начали нападать на евреев, разрушать и грабить их дома. Никакая организованная сила не противостояла погромщикам в первые часы беспорядков.

Как только начались погромы, В.Е. Жаботинский и П.М. Рутенберг встретились с военным губернатором Иерусалима полковником Рональдом Сторрсом (в Иерусалиме он служил с конца декабря 1917 года и, в целом, хорошо разбирался в проблемах Ближнего Востока, так как до этого на протяжении десяти лет служил в британской администрации в Египте³⁴) и решительно потребовали немедленного создания еврейской полицейской части и выдачи оружия ее бойцам, но это требование было отклонено³⁵. Британцы ввели в городе комендантский час, полагая, что этой меры достаточно, так как волнения в целом завершились. Однако на следующий день погромы возобновились, но не в Еврейском квартале Старого города, а в других районах.

³⁴ См.: Татьяна Носенко, *Иерусалим – три религии, три мира* (Москва: «Олма-пресс», 2003), стр. 316.

³⁵ См.: Иехуда Слуцкий, *Хагана – еврейская боевая организация в Эрец-Исраэль*, книга I, стр. 113.

На второй день беспорядков силы самообороны действовали намного активнее, а на некоторых, в авральном порядке созданных, блокпостах в распоряжении защитников были не только палки и камни, но и пистолеты и гранаты, вследствие чего погибшие и раненые были и с арабской стороны.

6–7 апреля британцы арестовали двадцать членов организации еврейской самообороны, включая самого В.Е. Жаботинского. При обыске в штабе самообороны были обнаружены три винтовки, два пистолета и боеприпасы. Уже в середине месяца состоялся суд, на котором лично полковник Р. Сторрс выступал на стороне обвинения. Не отрицая фактов, которые ему инкриминировались, В.Е. Жаботинский взял на себя «ответственность за создание организации еврейской самообороны, цель которой – защита евреев от нападений»³⁶. Вечером 19 апреля арестованные были переведены в центральную иерусалимскую тюрьму, где им был зачитан приговор, который был особенно жестоким в отношении именно В.Е. Жаботинского – пятнадцать лет каторжных работ.

На следующий день после опубликования приговора еврейский Иерусалим провел всеобщую забастовку протеста; были закрыты все учебные заведения в городе. Так, *не ведя для этого никакой агитации, сам В.Е. Жаботинский стал важнейшим цементирующим фактором, объединившим евреев Палестины/Эрец-Исраэль, вне зависимости от их этнического*

³⁶ Цит. там же, стр. 115.

происхождения, степени религиозности и политических взглядов. Накануне первых выборов в Собрание представителей [на иврите – *Асефат нивхарим*] в еврейской общине Палестины/Эрец-Исраэль распространялись листовки, гласившие: «Вина Жаботинского – это вина всех нас»³⁷. Возмущение вынесенным приговором высказывалось и многими деятелями еврейства диаспоры.

В результате этого, британские власти пересмотрели собственное решение, и в начале мая 1920 года приговор был смягчен: вместо многолетней каторги В.Е. Жаботинский был приговорен к году тюрьмы, а его соратники – к шести месяцам заключения. Однако они отказались признать и новый приговор. 6 июня 1920 года арестованные объявили о своем решении начать голодовку. В разных городах Палестины/Эрец-Исраэль состоялись митинги солидарности с бойцами иерусалимской самообороны. Ставший 1 июля 1920 года первым британским гражданским верховным эмиссаром в Палестине Герберт Сэмюэл решил, что наилучшим вступительным аккордом для начала его работы в новой должности будет всеобщая амнистия для тех, кто был осужден по делам о погромах; как арабы, бывшие зачинщиками и участниками беспорядков, так и бойцы еврейской самообороны, были освобождены уже 7 июля.

Но В.Е. Жаботинский отказался признать амнистию, настаивая на своей полной невиновности. В августе он выехал в Лондон, где продолжил борьбу за отмену

³⁷ Там же, стр. 116.

приговора. В марте 1921 года Военное министерство переслало судебное дело британскому ближневосточному командованию в Каир, и там В.Е. Жаботинский и его товарищи были полностью оправданы³⁸. Так В.Е. Жаботинский стал первым евреем Палестины/Эрец-Исраэль, который заставил – причем несколько раз – британскую военно-гражданскую машину пересмотреть свои решения в интересах строителей еврейской государственности. Выйдя на свободу, он больше, чем когда бы то ни было прежде, был убежден, что евреям необходима армия для самообороны³⁹. Однако действовал В.Е. Жаботинский почти исключительно политико-дипломатическим путем.

Вопрос о создании легальной «еврейской армии» в Палестине/Эрец-Исраэль стал предметом обсуждения на заседаниях Исполкома международной Сионистской организации в 1921 году, членом которого Владимир Жаботинский, наряду с двумя своими тогдашними соратниками – уроженцем Берлина Рихардом Лихтхеймом (Richard Lichtheim, 1885–1963) и уроженцем Манчестера Джозефом Коуэном (Joseph Cowen, 1868–1932) – был избран. Однако выдвинутая В.Е. Жаботинским совместно с Х.Е. Вейцманом идея восстановления Еврейского легиона натолкнулась на сопротивление со стороны тех, кто считал лучшим решением проблемы национальной безопасности

³⁸ Йосеф Недава, «Владимир Жаботинский: вехи жизни» / пер. с иврита // Герцль. Жаботинский. Исторические силуэты (Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998), стр. 194–195.

³⁹ Вальтер Лакер, *История сионизма*, стр. 490.

в Палестине/Эрец-Исраэль создание нелегальных отрядов самообороны, которые не будут находиться под британским командованием. Настаивая на преимуществах легальной еврейской военной организации перед отрядами самообороны, В.Е. Жаботинский писал: «В придачу ко всем своим недостаткам, неофициальная самооборона лишена главного достоинства армии: она не имеет почти никакой профилактической ценности. Войско, с его формой, парадами и официальным обаянием, импонирует; если численность его достаточна – и если солдаты настроены твердо, и население в этом не сомневается, – тогда по большей части, и не понадобится пускать в ход силу. Но незримая самооборона импонировать не может. Если и удастся ей иногда подавить плохо организованный погром, то главного она сделать не может: предотвратить самую возможность погромов, уничтожить в корне само искушение. Нам в Палестине нужна не расправа с убийцами и поджигателями – нам нужно спокойствие, такое спокойствие, при котором до расправы и дело не дойдет. Неофициальная самооборона этого дать не может»⁴⁰.

Сложно сказать, что ждало бы Еврейский легион, если бы Сионистская организация настаивала на его сохранении; англичане стремились распустить его и, скорее всего, сделали бы это в любом случае. Однако позиция лидеров «рабочего движения», уже игравших довольно важную роль в Сионистской организации (хотя и

⁴⁰ Владимир Жаботинский, «Легион» [1923] // *Избранные речи и статьи* (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 1991).

не сравнимую с той, которую они будут играть в 1930-е годы), была следствием еще одного, открыто ими не высказываемого, но очевидного соображения: они хотели создать свои вооруженные формирования, которые бы не были ни деидеологизированными, ни внепартийными. Им нужны были свои силовые структуры, которым бы они могли доверять; а В.Е. Жаботинскому, ценности социалистического сионизма не разделявшему, они не доверяли. В июне 1924 года Ицхак Бен-Цви санкционировал убийство боевиками «Хаганы» в Иерусалиме литератора и общественного деятеля, активиста еврейского ортодоксального религиозного движения «Агудат Исраэль» Якоба Исраэля де Хаана (Jacob Israël de Naan, 1881–1924). Каковы бы ни были претензии к этому человеку со стороны сионистского движения, невозможно представить себе, чтобы Владимир Жаботинский поддержал соучастие в подобном политическом убийстве. Поэтому «левым» силам нужны были преданные им и их идеалам силовые структуры, не скованные решениями и этикой британской или какой-либо иной внешней армии, и не связанные ни с кем из их идеологических оппонентов, коим национально ориентированный либерал В.Е. Жаботинский, конечно, был.

Чувствуя, что он почти ничего не может изменить, в январе 1923 года В.Е. Жаботинский вышел из Исполкома Сионистской организации; видный историк В. Лакер не погрешил против истины, указав, что этот шаг «никого не

огорчил»⁴¹. Поняв, что так называемое «рабочее движение» превращает «Хагану» в свою организацию, у В.Е. Жаботинского практически не осталось иного выбора, кроме как создавать ей альтернативу, причем, увы, с нуля.

Первой такой структурой стала молодежная сионистская организация БЕЙТАР, основанная в Риге в 1923 году. Политической целью БЕЙТАРА являлось создание еврейского государства на всей территории Палестины на обоих берегах реки Иордан. Основным идеологическим принципом организации было стремление к скорейшему воссозданию национальной государственности в Палестине/Эрец-Исраэль, свободной от влияния какой-либо другой идеологии, например, социалистической. Как отмечал сам В.Е. Жаботинский, «движение БЕЙТАР – это новое поколение юношей, посвятивших свою жизнь единственной идее – построению еврейского государства – и не признающее других идеалов. ... Как только одна из идей становится камнем преткновения (даже косвенного) на пути создания еврейского государства, мы должны без всякой жалости отказаться от нее в пользу одного единственного идеала, ибо идей есть много, и мы можем все их признавать, но идеал может быть только один. Все остальные идеи должны отступить перед этим идеалом, и рядом с ним не может существовать никакой другой, ибо два идеала – это абсурд, как два Бога, а поклоняться можно только одному. Все остальное, как бы мы ни симпатизировали ему, всегда имеет второстепенное значение, как только оно угрожает

⁴¹ Вальтер Лакер, *История сионизма*, стр. 493.

нашему делу. Это основной критерий, отличающий движение БЕЙТАР от всех других сионистских юношеских движений»⁴².

БЕЙТАР воспитывал у своих членов стремление активно участвовать в еврейской самообороне. В 1930-е годы БЕЙТАР стал одной из самых многочисленных еврейских молодежных организаций в мире⁴³. При этом следует отметить две особенности организации, которые впоследствии будут свойственны всем политическим и общественным структурам, созданным В.Е. Жаботинским. Во-первых, основным центром ее деятельности являлись страны еврейской диаспоры, а не Палестина/Эрец-Исраэль (несмотря на наличие отделений БЕЙТАРа и там). Во-вторых, в организации отсутствовала единая централизованная иерархия: руководителем БЕЙТАРа являлся В.Е. Жаботинский, но в реальности местные ячейки были самостоятельны в принятии решений, касавшихся их деятельности. *Фактически, В.Е. Жаботинскому удалось на практике реализовать принцип федерации сильных и самостоятельных диаспор, противостоящих ассимиляции и сцементированных совместной поддержкой еврейского государственного возрождения в Палестине/Эрец-Исраэль.*

⁴² Владимир Жаботинский, «Идея БЕЙТАРа» [1934] / пер. с иврита Д. Таубин и Т. Груз // *О железной стене: речи, статьи, воспоминания* / (Минск: МЕТ, 2004), стр. 253–254.

⁴³ Вальтер Лакер, *История сионизма*, стр. 514.

4. Одинокий наследник Т. Герцля

Политическая деятельность многолетнего руководителя международной Сионистской организации Хаима Вейцмана базировалась на нескольких принципах, которые для него самого были незыблемыми, даже если они нигде эксплицитно не высказывались. Во-первых, Х.Е. Вейцман заранее пытался оценить, каковы шансы на реализацию тех или иных запросов – и когда считал, что шансов на положительный ответ немного, то с такой просьбой и не обращался, каким бы важным ни был данный вопрос для сионистского движения. Иными словами, в Х.Е. Вейцмане был очень силен «внутренний цензор», и этот цензор видел перед собой не столько Старый город Иерусалима, Тель-Авив или киббуцы Изреэльской долины, сколько Вестминстер и Даунинг-стрит. Отсюда следовал второй принцип деятельности Х.Е. Вейцмана – избегать публичной критики в адрес британских министров и других высокопоставленных чиновников, даже если их действия очевидно вредят реализации проекта воссоздания еврейской государственности в Палестине/Эрец-Исраэль. Именно поэтому при обсуждении с британскими представителями любых проблем – вне зависимости от сходства или различия позиций сторон – Х.Е. Вейцман представлял себя верным другом Британии, который не только понимает ее интересы, но и стремится всячески

способствовать их достижению⁴⁴. Иными словами, и это имело краугольные, судьбоносные и крайне негативные последствия во время Второй мировой войны и Холокоста, англофилия Х.Е. Вейцмана ограничивала пространство его маневров исключительно зоной британских интересов; когда же эти интересы очевидным образом противоречили даже самым первостепенным нуждам еврейского народа, Х.Е. Вейцман оказывался в интеллектуальном и дипломатическом тупике, из которого не было выхода.

Не менее важно и то, что дипломатия Х.Е. Вейцмана, как, кстати, и Т. Герцля и, собственно, всех остальных сионистских лидеров, была глубоко «аристократической», а не «демократической» в своей основе. Х.Е. Вейцман всегда рассчитывал исключительно на личный, максимально приватный диалог с властью предрержащими, которым он всегда гарантировал абсолютную конфиденциальность. О том, чтобы обратиться не к властям, а к общественному мнению, то есть непосредственно к народам, перед которыми, вообще говоря, ответственны эти власти, и речи быть не могло.

Владимир Жаботинский контрастно отличался от Хаима Вейцмана по каждому из вышеперечисленных параметров. Х.Е. Вейцман долгие годы жил в Англии, прекрасно знал английский язык, и именно эта страна стала его второй, после Российской империи, родиной. Его благодарность Великобритании, где он стал уважаемым

⁴⁴ Бен-Цион Нетаньяху, *Пять отцов-основателей* [1981] / пер. с ивр. М. Липкина (Минск/Москва: «Ковчег», 2006), стр. 262.

видным ученым и общественным деятелем, была фактически безграничной. В.Е. Жаботинский также прекрасно знал английский язык, но он, равным образом, свободно говорил по-итальянски, по-немецки и по-французски, причем во всех странах, где эти языки являются государственными, он провел тот или иной период своей жизни. Представляется правильным вывод о том, что дипломатическая стратегия В.Е. Жаботинского развивалась именно в духе аналогичной стратегии Т. Герцля, который, как известно, искал признания еврейских национальных чаяний и у Абдул-Хамида II, и у кайзера Вильгельма, и у Вячеслава Константиновича Плеве, и у англичан, в итоге предложивших ему «угандийский вариант», – везде, где был шанс не уйти с пустыми руками. Эта стратегия позволяла В.Е. Жаботинскому, как и Т. Герцлю, способствовать созданию ситуации, при которой различные державы как бы конкурируют между собой за симпатии еврейского национального движения. Дипломатическая стратегия Х.Е. Вейцмана превращала еврейское национальное движение в ультимативно зависимое от доброй воли одной единственной страны – Великобритании, которая эту добрую волю, как правило, не демонстрировала, как ее не демонстрировали и остальные, но при этом не имела поводов для беспокойства, ибо ее руководители понимали, что, как бы они себя ни вели, Х.Е. Вейцман останется исключительно в их орбите.

Сама биография Хаима Вейцмана превратила его в едва ли не большего патриота Англии, чем подавляющее большинство англичан, и не случайно самый последний

абзац его написанной в 1948 году книги воспоминаний посвящен Великобритании, а точнее – чувству глубокого разочарования от ее политики. По дороге из США в только что провозгласившее свою независимость Государство Израиль, Х.Е. Вейцман, как он писал, «предполагал посетить Англию, на что был ряд личных и семейных причин», однако эта поездка не состоялась, и Х.Е. Вейцман с горечью сам объяснил, почему: «Я понимал, что теперь не имею на это право. Арабские армии атаковали Израиль с земли и с воздуха; во главе нападавших был Арабский легион, экипированный Великобританией, финансируемый Великобританией, обученный британскими офицерами. По горькой иронии судьбы, главный удар этого Легиона был направлен против Святого города. Еврейский университет и Медицинский центр «Хадасса» в Иерусалиме подверглись обстрелу. Еврейские святыни, пережившие вторжение средневековых варваров, теперь были разрушены. Весь мир был потрясен. В такой Великобритании для меня не было места. Мне было очень горько сознавать, что я не могу ступить на землю страны, чей народ и чьи традиции я так глубоко уважал и с которым я так долго и упорно пытался объединить еврейский народ узами взаимных интересов и сотрудничества»⁴⁵.

В этом и состояла трагедия всей жизни Х.Е. Вейцмана. Очевидно, что если бы не его усилия,

⁴⁵ Хаим Вейцман, *В поисках пути* [1948] / пер. с англ. Р. Нудельмана (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1983), стр. 460–461.

сионистское движение едва ли получило бы 2 ноября 1917 года Декларацию Бальфура, однако то, что ему удавалось добиваться от Дэвида Ллойда-Джорджа (1863–1945) и Артура Джеймса Бальфура (1848–1930), не были готовы гарантировать их политические преемники. Таким образом, чем больше времени проходило после окончания Первой мировой войны и завоевания Палестины/Эрец-Исраэль британцами, тем менее эффективной и полезной для проекта воссоздания еврейского государства деятельность Х.Е. Вейцмана была, на что В.Е. Жаботинский справедливо обращал не только его внимание. В.Е. Жаботинский настаивал на том, что если британские официальные лица отказываются содействовать реализации духа и буквы Декларации Бальфура, то необходимо обращаться «через голову» британского правительства к общественному мнению в Британии, а также в США, где постепенно сформировалась, развивалась и крепла еврейская община⁴⁶. В.Е. Жаботинский считал, что в новую, демократическую эпоху общественное мнение гражданского общества имеет не меньшее значение, чем кулуарные договоренности, в которых так поднаторел Х.Е. Вейцман. Фактически, *В.Е. Жаботинский был первым и единственным в то время демократически ориентированным лидером в еврейском национальном движении, верившим в значимость не столько «придворных договоренностей», сколько в общественное мнение и необходимость любого правительства*

⁴⁶ Бен-Цион Нетаньяху, *Пять отцов-основателей*, стр. 270–271.

считаться с ним. И в этом В.Е. Жаботинский значительно опередил свое время, оставшись непонятым коллегами по сионистскому движению, основная забота которых была в том, чтобы ни в коем случае не прогневать кого-либо из обличенных гражданской или военной властью англичан.

Х.Е. Вейцман, отдавая должное тому, что В.Е. Жаботинский «был весьма красноречив и высокообразован», обвинял его в том, что он был «совершенно лишен уравновешенности и объективности и – что еще хуже – способности к тем зрелым, спокойным суждениям, которая была так необходима в этом маленьком, но таком сложном мире»⁴⁷. Чрезвычайно обидно, что и после Холокоста, когда он писал эти строки, Х.Е. Вейцман не осознавал, что именно те суждения, которые ему казались «зрелыми» и «спокойными», в конечном счете, и привели к той катастрофической ситуации, когда британские власти больше двадцати лет тянули время в бесплодных поисках приемлемых для всех компромиссов, а потом гитлеровский режим открыл врата ада, и англичане, вставшие – в отличие от чехов или французов – на защиту свободы своего Отечества, не сделали ничего для того, чтобы от этого ада спасти евреев. Если бы руководители Сионистской организации еще в самом начале 1920-х годов поддержали В.Е. Жаботинского в его требовании скорейшего, а не постепенного, диктуемого англичанами, создания независимого еврейского государства, то миллионы людей имели бы страну, где они могли бы искать спасения от гитлеровского

⁴⁷ Хаим Вейцман, *В поисках пути*, книга 1, стр. 231.

нацизма; к великому сожалению, В.Е. Жаботинского объявили «экстремистом», а от его позиции отмахнулись. В своих воспоминаниях Хаим Вейцман посмертно похвалил Хаима Арлозорова, который был «верным союзником и единомышленником» и «вел беспощадную борьбу с группой экстремистов, позже составивших ревизионистское движение»⁴⁸. В ретроспективе очевидно, что эта «беспощадная борьба» очень дорого стоила еврейскому народу.

Процесс создания независимых от Сионистской организации структур во многом происходил вследствие разногласий, которые еще более углубились после того, как британское правительство начало ограничивать права евреев на иммиграцию в Палестину/Эрец-Исраэль, а также исключило Трансиорданию из территории, предназначенной, согласно условиям мандата Лиги Наций, для еврейского национального очага. В.Е. Жаботинский требовал от коллег по руководству движением начать решительную международную кампанию против Великобритании, они же, в свою очередь, настаивали, что ссориться с британскими «покровителями» ни в коем случае нельзя.

Осознание невозможности реализации изначальных идей Т. Герцля в рамках существовавших на тот момент политических структур сионистского движения подвигло В.Е. Жаботинского к созданию новой политической организации. Этот шаг был во многом обусловлен и идеологическим противостоянием сторонников

⁴⁸ Там же, стр. 299.

В.Е. Жаботинского и представителей т.н. «рабочего движения», с точки зрения которых основной целью сионистов в рассматриваемый период должно было стать заселение и освоение Палестины/Эрец-Исраэль, прежде всего, путем создания сельскохозяйственных поселений, постепенное формирование экономической и социально-политической структуры будущего еврейского государства.

Критикуя эту концепцию, названную ими «малым сионизмом», сторонники В.Е. Жаботинского доказывали, что без международно-правовых гарантий превращения «национального очага» в независимое еврейское государство сколь угодно крупные успехи в поселенческой работе и экономические достижения сами по себе не способны привести к его созданию. Предельно ясно высказался на этот счет сам В.Е. Жаботинский: «Покупать акры [земли], строить дома, но никогда не забывать о политике: сионизм должен включать девяносто процентов конкретной поселенческой работы и лишь десять процентов политики, но эти десять процентов – неперемutable условие успеха».

В.Е. Жаботинский выдвинул требование ревизии (отсюда – название течения) курса Всемирной сионистской организации с целью ее возвращения к заветам Т. Герцля, придававшего первостепенное значение политической и дипломатической деятельности. Сторонники В.Е. Жаботинского полагали, что становление еврейской государственности может и должно произойти сразу после окончания режима мандатного правления, который этим и должен завершиться, для чего Сионистской организации необходимо постоянно

оказывать массированное политическое давление на правительство Великобритании, побуждая его взять на себя полноту ответственности за развитие еврейского национального очага.

По словам В.Е. Жаботинского, «дать миру побольше доказательств, что мы недовольны Англией – главная наша теперешняя задача в политической плоскости. С точки зрения политической, ... мир должен знать, что положение в Палестине не нормально... Чем сильнее станет спор, тем лучше станет перспектива на будущее. Попутно настоящее тоже станет лучше: чем тяжелее станет спор, тем больше получим уступок от той же Англии, ... [ибо] английская администрация, как всякая администрация, делает уступки только той стороне, которая не боится спора»⁴⁹.

Политические устремления В.Е. Жаботинского И. Шамир сформулировал одной фразой: «Еврейское большинство в еврейском государстве, на территории неделимой Эрец-Исраэль, по обе стороны реки Иордан»⁵⁰. При этом не было понятно, как именно данная цель может быть достигнута. В своей статье, название которой знают все, но которую от начала до конца внимательно прочитали немногие, В.Е. Жаботинский признал «полную невозможность получить добровольное согласие арабов Палестины на превращение этой самой Палестины из

⁴⁹ Владимир Жаботинский, «Ориентация» [1932].

⁵⁰ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 22.

арабской страны в страну с еврейским большинством»⁵¹. Сам В.Е. Жаботинский не видел в этом ничего удивительного, постулируя: «Каждый туземный народ, все равно, цивилизованный или дикий, смотрит на свою страну как на свой национальный дом, где он хочет быть и навсегда остаться полным хозяином; не только новых хозяев, но и новых соучастников или партнеров по хозяйству он добровольно не допустит. Это относится и к арабам. Примирители в нашей среде пытаются уговорить нас, будто арабы – или глупцы, которых можно обмануть смягченной формулировкой наших истинных целей, или продажное племя, которое уступит нам свое первенство в Палестине за культурные или экономические выгоды. Отказываюсь наотрез принять этот взгляд на палестинских арабов»⁵².

Указав, что к Палестине арабы относятся с «инстинктивной любовью и органической ревностью», В.Е. Жаботинский охарактеризовал надежду на то, что «они добровольно согласятся на осуществление сионизма в обмен на культурные или материальные удобства, которые принесет им еврейский колонизатор», как «детскую фантазию»⁵³. «Каждый народ борется против колонизаторов, пока есть хоть искра надежды избавиться от колонизационной опасности. Так поступают и так будут

⁵¹ Владимир Жаботинский, *О железной стене // О железной стене: речи, статьи, воспоминания* / (Минск: МЕТ, 2004), стр. 263.

⁵² Там же, стр. 263–264.

⁵³ Там же, стр. 264.

поступать и палестинские арабы, пока есть хоть искра надежды»⁵⁴. Суммировав свой анализ ситуации выводом о том, что «ни палестинским, ни остальным арабам мы никакой компенсации за Палестину предложить не можем», В.Е. Жаботинский призвал осознать, что никакое добровольное соглашение их с сионистским движением «немыслимо». Отсюда он делал вывод о том, что «наша колонизация или должна прекратиться, или должна продолжаться наперекор воле местного населения. А поэтому она может продолжаться и развиваться только под защитой силы, не зависящей от местного населения – железной стены, которую местное население не в силах прошибить»⁵⁵.

Таким образом, получалось, что все чаяния В.Е. Жаботинского по реализации проекта создания еврейской государственности должны были воплощаться англичанами. Он считал, что в Декларации Бальфура «внешняя сила приняла на себя обязательства создать в стране такие условия управления и охраны, при которых местное население, сколько бы оно того не желало, было бы лишено возможности мешать нашей колонизации административно или физически. И мы все, все без исключения, каждый день понукаем эту внешнюю силу, чтобы она эту свою роль исполняла твердо и без поблажек»⁵⁶.

⁵⁴ Там же, стр. 264.

⁵⁵ Там же, стр. 267.

⁵⁶ Там же, стр. 267.

Если вдуматься, этот подход был бесконечно проблематичным: Декларация Бальфура была одним конкретным документом, принятым конкретным британским правительством в определенное время, в определенных исторических обстоятельствах и даже его формулировки были очень аморфными, что сразу же вызвало огорчение ряда сионистских активистов, в том числе Хаима Вейцмана, о чем он непосредственно и писал в своих воспоминаниях. Когда, после заседания кабинета министров 2 ноября 1917 года, сэр Марк Сайкс (Sir Mark Sykes, 1879–1919) вынес долгожданный документ, воскликнув: «Поздравляю, доктор Вейцман, – с мальчиком!», сам Х.Е. Вейцман особой радости не испытывал: «Что греха таить – не очень-то мне понравился этот “мальчик” поначалу. Не такого я ожидал»⁵⁷. Главное же, однако, состояло в том, что эта Декларация не имела силы закона, а потому любое правительство Великобритании могло формулировать иную политику в вопросе о Палестине/Эрец-Исраэль, в том числе и очень отличную от принципов Декларации Бальфура – и у В.Е. Жаботинского и его сторонников не было никакой фактической возможности этому помешать и на это повлиять. Вся концепция «железной стены» базировалась на предположении о том, что эту стену в защиту сионистского движения от арабов будут строить англичане; при этом оставалось непонятным, почему именно так они себя должны вести – и что делать, если они себя так вести не будут.

⁵⁷ Хаим Вейцман, *В поисках пути*, книга 1, стр. 213.

В Декларации Бальфура ничего не говорилось ни о политическом статусе будущего «еврейского национального дома», ни о его границах, ни о времени его создания; в ней не упоминалось никакое еврейское государство. В.Е. Жаботинский – и отнюдь не он один – вычитали в тексте Декларации то, что в ней не было написано, а потом требовали от англичан выполнять обязательства, которые они этой Декларацией якобы на себя взяли, отказываясь при этом признавать очевидное право каждого нового демократически избранного правительства корректировать политику своих предшественников, исходя из мировоззрений ключевых фигур каждого нового кабинета министров и изменяющихся внешнеполитических обстоятельств. Это была трагедия всей жизни В.Е. Жаботинского, которую ему так и не удалось разрешить – и которая летом 1940 года привела к расколу среди тех, кто до этого считались его верными последователями; Впрочем, не будем забегать вперед.

5. Формирование структур национал-либерального движения

После продолжительной подготовительной работы новая политическая организация сторонников В.Е. Жаботинского получила юридическое оформление в апреле 1925 года в Париже. Вначале Всемирный союз сионистов-ревизионистов был провозглашен политической партией в составе международной Сионистской организации. Первым президентом

организации был избран Владимир Ионович Темкин (1861–1927), который, однако, вскоре скончался, после чего организацию возглавил сам В.Е. Жаботинский. *Основание Всемирного союза сионистов-ревизионистов можно без преувеличения считать завершением стадии формирования еврейского национал-либерального движения. Именно в этот период оно заявило о себе как политическая организация с четкими целями и задачами.*

На рубеже 1922/1923 годов коллеги по руководству Сионистской организации всячески стремились выжить В.Е. Жаботинского из его состава. Тем не менее, хотя В.Е. Жаботинский и оказался в меньшинстве, он не собирался подавать в отставку. «Поверьте мне, что очень неприятно работать среди людей, которые тебя не приемлют, – говорил он, – поэтому я с удовольствием вышел бы из руководства. Но что делать с совестью? Она говорит мне: ты избран, чтобы защищать свои взгляды. Я чувствую опасность. Мы приближаемся к политическому и финансовому краху. Как я могу уйти? Я защищаю свои взгляды и это моя обязанность»⁵⁸. Однако на другой день после очередного напряженного заседания он послал заявление с просьбой об отставке, в котором написал: «Поскольку я не признаю больше этого руководства, считаю себя вышедшим из Сионистской организации»⁵⁹. В беседе с корреспондентом журнала «Рассвет»,

⁵⁸ Цит. по: Йосеф Недава, «Владимир Жаботинский: вехи жизни», стр. 206.

⁵⁹ Цит. там же.

опубликованной через несколько дней, В.Е. Жаботинский разъяснил причины этого шага следующим образом: «Меня все больше одолевают сомнения, есть ли вообще смысл числиться в рядах Сионистской организации. ... Задача публициста или общественного деятеля, как я ее понимаю, не в том, чтобы следовать за общественным мнением или “выражать” его, а в том, чтобы провести его или, если хотите, протащить. Если хватит моих сил, я это буду делать, если нет, честнее будет разойтись»⁶⁰.

В.Е. Жаботинский был лидером, не боявшимся вести за собой людей к идеалам, в которые верил. Проблема была в том, что, разочаровавшись в коллегах по сионистскому руководству, В.Е. Жаботинский оказался в очень сложном положении, оставшись лидером, за которым не стояли сторонники, на чью поддержку он мог бы опираться. Достаточно сказать, что когда 25 апреля 1925 года в Париже состоялся учредительный съезд движения, объявившего, что выступает за ревизию курса международной Сионистской организации, то единственным делегатом, прибывшим из Палестины/Эрец-Исраэль, был врач Яков Вейншал (1891–1980), в том же году избранный депутатом муниципального совета Тель-Авива и – повторно – членом Собрания представителей еврейской общины, в состав которого он входил с 1920 года.

По своему происхождению Яков Вейншал существенно отличался от верхушки так называемого «рабочего движения»: он родился в Тбилиси, а вырос и

⁶⁰ Цит. там же, стр. 207.

окончил школу в Баку; его отец, Владимир Савельевич Вейншал, известный врач-эпидемиолог (однажды, еще до революции, он даже лечил молодого И.В. Сталина, который затем на протяжении десяти дней оставался в его доме на реабилитационный период⁶¹), был участником трех сионистских конгрессов. Яаков Вейншал прибыл в Палестину/Эрец-Исраэль с женой и сыном, когда ему уже шел тридцать второй год, а за его плечами была не только учеба в университетах Мюнхена и Женевы, но и служба врачом в русской армии, значительный опыт практикующего хирурга и написанная им в соавторстве с профессором Константином Финкельштейном книга по общей хирургии⁶². Начав свою общественную деятельность еще в Баку, где он был одним из авторов альманаха «Еврейский кавказский вестник», Яаков Вейншал, прибыв в Палестину/Эрец-Исраэль, сразу же высоко оценил Владимира Жаботинского как человека, интеллектуала и общественного деятеля. В то время в Палестине/Эрец-Исраэль медицинским обслуживанием населения ведала Федерация профсоюзов, находившаяся под безраздельным контролем «рабочего движения».

⁶¹ См.: Михаил Шпанин, *Перечитывая страницы нашей истории* (Лондон: Russian Media House, 2010), стр. 38–40. Искренняя благодарность Ноберту Михайловичу Евдаеву, обратившего наше внимание на эту книгу и безвозмездно переславшего ее экземпляр.

⁶² См. его биографию в книге: *Энциклопедия первопроходцев и строителей ишув*, под ред. Давида Тидхара, том 2 (Иерусалим, 1947), стр. 901 [на иврите].

Собственно говоря, как ни трудно в это поверить, до 1994 года (!) евреи Палестины/Эрец-Исраэль, а затем граждане Государства Израиль вносили единый налог, часть которого поступала на нужды здравоохранения, а часть – Федерации профсоюзов, и все члены этого объединения трудящихся в обязательном порядке были обязаны платить его, не имея возможности выбрать иную программу медицинского страхования, чем та, что предлагала Федерация профсоюзов. Для доктора Якова Вейншала эта ситуация была очень проблематичной, но она оставалась таковой до 1933 года, когда по его инициативе и в его доме состоялось собрание врачей, объявивших о создании альтернативной по отношению к Федерации профсоюзов системы медицинской помощи; частная клиника доктора Якова Вейншала, находившаяся в Тель-Авиве на улице Грузенберга, дом 23, была превращена в первую поликлинику новой Национальной больничной кассы.

Однако, возвращаясь хронологически на восемь лет назад, в 1925 год, повторим, что Яков Вейншал был единственным представителем из Палестины/Эрец-Исраэль на учредительном съезде т.н. «сионистов-ревизионистов», а сам В.Е. Жаботинский был единственным представителем этого движения на прошедшем в том году XIV Сионистском конгрессе. Однако за эти восемь лет ситуация изменилась драматичным образом: на XV Конгрессе в 1927 году В.Е. Жаботинский и его сторонники получили девять мандатов делегатов (из 281); на XVI Конгрессе в 1929 году – 21 (из 310), а на XVII Конгрессе в 1931 году – 52 (из

254)⁶³. Именно в ходе XVII Конгресса В.Е. Жаботинский и его сторонники внесли проект резолюции, которая гласила: «Цель сионизма, выраженная как “еврейское государство”, “еврейский национальный дом” или “безопасное убежище”, обеспеченное международным правом, это создание еврейского большинства среди населения Эрец-Исраэль по обе стороны реки Иордан»⁶⁴. В ретроспективе это кажется невозможным, однако тогдашние руководители Сионистской организации отказались ставить это предложение на голосование. Возмущенный В.Е. Жаботинский разорвал свою карточку делегата Конгресса. Было понятно, что «Боливар не вынесет двоих» – либо В.Е. Жаботинский и его сторонники сумеют вернуть Сионистскую организацию на те рельсы, с которых она сошла за время, прошедшее после смерти Т. Герцля, либо же необходимо создавать альтернативные структуры, которые будут бороться за реализацию идеалов, от отстаивания которых отказалось большинство.

В рамках идейной и политической полемики с левыми сионистами, В.Е. Жаботинский и его соратники выступали против классового и социалистического характера контролируемых «рабочим движением» структур, в частности, Федерации профсоюзов. Основанная в 1920 году в Хайфе организация *Хистадрут ха'овдим ха'клалит*, под контролем и во владении которой

⁶³ См.: Йосеф Недава, «Владимир Жаботинский: вехи жизни», стр. 215–216.

⁶⁴ Цит. там же, стр. 219.

– уникальный случай в истории тред-юнионизма – находились многие предприятия, являлась много большим, чем просто профсоюзной организацией. В.Е. Жаботинский и его сторонники всего лишь требовали превращения *Хистадрута* в чисто профсоюзную организацию – но, увы, прошло более семидесяти лет, пока это требование было, наконец, реализовано, на благо всей израильской экономики. В связи с очевидной дискриминацией рабочих и служащих, являвшихся идейными сторонниками В.Е. Жаботинского, в сфере трудоустройства, в 1930 году было принято решение о создании Организации рабочих-ревиозионистов, которая в 1934 году была преобразована в Национальный профсоюз – *Хистадрут ха'овдим ха'леумит*. Согласно уставу организации, ее целью являлось объединение всех национально настроенных рабочих Палестины/Эрец-Исраэль, поддерживавших идею создания еврейского государства на всей ее территории. Несмотря на целый ряд прогрессивных для своего времени требований (введение принудительного арбитража для урегулирования трудовых конфликтов, создание независимых бирж труда и т.д.) и финансовую поддержку ревиозионистских организаций в диаспоре, Национальному профсоюзу, к сожалению, не удалось стать серьезной альтернативой монстру, созданному «рабочим движением», располагавшему гораздо более мощными организационными и политическими ресурсами. Однако система медицинской помощи, основанная доктором Яаковом Вейншалем, которая была распространена на всех членов Национального профсоюза, существует и

поныне. По состоянию на 2015 год, она обеспечивала медицинскую страховку более чем 730 тысячам граждан Израиля, располагая 320 поликлиниками и 150 аптеками для обслуживания жителей во всех районах страны.

Возможности В.Е. Жаботинского и его сторонников влиять на ситуацию в Палестине/Эрец-Исраэль стали еще более ограниченными после того, как живший с 1919 года в Иерусалиме лидер был вынужден переселиться в Европу. Пока В.Е. Жаботинский находился в лекционной поездке по странам Южной Америки, британский верховный эмиссар Палестины Джон Роберт Чанселлор (Sir John Robert Chancellor, 1870–1952) аннулировал его въездную визу в страну. Не смирившийся с этим решением В.Е. Жаботинский обратился в британские судебные инстанции, однако добиться его пересмотра ему не удалось. В.Е. Жаботинский был *единственным* из видных лидеров еврейского национального движения, которого британские власти выслали из Палестины/Эрец-Исраэль, лишив возможности лично участвовать в том, что было ему самым важным – воссоздании еврейской государственности; это отчетливо говорит о том, насколько особенным человеком он был.

С 1929 года и до своей смерти в 1940 году В.Е. Жаботинский оставался за пределами Палестины/Эрец-Исраэль, имея возможность осуществлять руководство возглавляемыми им структурами лишь опосредованно. Он был вынужден вновь поселиться в Париже, затем переехал в Лондон, а последний год жизни провел в Нью-Йорке.

Драматические события, связанные с убийством 17 июня 1933 года в Тель-Авиве Хаима Арлозорова, возглавлявшего Политический департамент созданного под эгидой Сионистской организации Еврейского агентства, разделили историю сионистского движения на «время до» и «время после». В этом убийстве сразу же были обвинены, без всяких на то оснований, трое политических сторонников В.Е. Жаботинского: Цви Розенблат (1911–1984), Авраам Ставский (1906–1948) и доктор Аба Ахимеир (настоящая фамилия – Гайсинович, 1897–1962). Спустя год все трое были оправданы независимым судом, однако масштабная подстрекательская кампания вражды и ненависти против «убийц-ревизионистов» сыграла свою роль. Число делегатов – сторонников В.Е. Жаботинского на всех Сионистских Конгрессах с 1925 по 1931 годы неуклонно росло, однако на XVIII Конгрессе, прошедшем в 1933 году в Праге, вектор изменился в противоположную сторону: доля делегатов-«ревизионистов» упала с 25 до 14%⁶⁵. В тот год, когда к власти в Германии пришел Гитлер, и еврейскому народу более всего было нужно единство перед лицом страшной беды и опасности, так называемые «рабочие силы» в сионизме энергично боролись не столько против нацизма, сколько против «внутренних врагов». Трудно в это поверить, но в начале 1930-х годов так называемое «рабочее движение» организовывало забастовки в Иерусалиме, Петах-Тикве, Кфар-Сабе и других городах с требованиями увольнения *еврейских*

⁶⁵ Вальтер Лакер, *История сионизма*, стр. 441.

рабочих и служащих, не бывших членами Федерации профсоюзов!

Политическая конфронтация между сторонниками «рабочего движения» и так называемыми «ревизионистами» обострялась из-за настойчивого стремления Федерации профсоюзов монопольно распоряжаться распределением рабочих мест. Биржи труда, принадлежавшие Федерации профсоюзов, отнюдь не были политически нейтральными: те, кто состоял в Партии Труда, или, хотя бы, считался ее сторонником, могли рассчитывать получить работу при содействии этих бирж, тогда как их идеологические оппоненты оказывались обреченными на безработицу.

Убийству фактического «министра иностранных дел» международной Сионистской организации Хаима Арлозорова предшествовала его активная дипломатическая деятельность в нацистской Германии. Стремясь достичь с правительством Германии соглашения о репатриации немецких евреев в Палестину/Эрец-Исраэль, Арлозоров стал организатором переговоров между Сионистской федерацией Германии, Англо-палестинским банком и экономическими органами нацистской Германии. Эта деятельность Х. Арлозорова встретила серьезное противодействие, как в еврейской диаспоре, так и в самой Палестине/Эрец-Исраэль. Большинство еврейских организаций выступало за полный бойкот гитлеровской Германии. В газете «Народный фронт» и других изданиях сторонников т.н. «ревизионистского движения» развернулась активная кампания против Арлозорова. Под прикрытием

обвинения «ревизионистов» в подстрекательстве к убийству (которое через год рассыпалось в суде), множество последователей В.Е. Жаботинского было уволено из контролируемых «рабочим движением» учреждений и предприятий; их даже исключали из Федерации профсоюзов, лишая, тем самым, медицинского обслуживания. Оказавшись без средств к существованию, многие из этих людей были вынуждены отойти от активной общественной деятельности или даже уехать из Палестины/Эрец-Исраэль. Представители «рабочего движения» захватили контроль над процессом выдачи иммиграционных сертификатов, которые стали выдавать лишь политически лояльным кандидатам. Таким образом, убийство Арлозорова было использовано «рабочим движением» для зачистки «политического поля» и привело к еще большему нарастанию противостояния между конфликтующими лагерями, первый из которых строил еврейское государство, а второй мечтал об общине, которая строит обособленный еврейский социализм (арабов ни в какие партии и в Федерацию профсоюзов не принимали, даже если они этого хотели, чего, впрочем, почти не случалось) на земле пророков.

После убийства Хаима Арлозорова и основания в 1934 году Национального профсоюза конфликт между т.н. «ревизионистами» и «рабочим движением» вступил в новую фазу, которая отличалась частыми вспышками насилия с той и другой стороны. Как т.н. «рабочее движение», так и сторонники В.Е. Жаботинского искали выход из затянувшегося конфликта. В октябре 1934 года по инициативе Пинхаса Рутенберга, основателя и

руководителя Палестинской электрической корпорации, в Лондоне прошла серия встреч между Владимиром Жаботинским и Давидом Бен-Гурионом, к тому времени уже возглавлявшим Партию Труда (тогда она называлась МАПАЙ – *Партия рабочих Эрец-Исраэль*) и Еврейское агентство. Несмотря на серьезные расхождения в политических взглядах, оба лидера пришли к соглашению о нормализации отношений между «ревизионистами» и «рабочими» партиями. Документы, подписанные В.Е. Жаботинским и Д. Бен-Гурионом по окончании переговоров, предусматривали: взаимное прекращение враждебной агитации; реинтеграцию Всемирного союза сионистов-ревизионистов с Всемирной сионистской организацией; возобновление Еврейским агентством выдачи евреям – сторонникам ревизионистского движения сертификатов на въезд в Палестину/Эрец-Исраэль (в рамках общих квот, выделяемых мандатной администрацией), достижение профсоюзными организациями договоренности о единстве действий.

Однако если два лидера смогли найти общий язык, то у возглавляемых ими движений это так и не получилось. В.Е. Жаботинскому, пусть и не без сложностей, удалось добиться утверждения его соглашения с Д. Бен-Гурионом своими сторонниками (хотя на съезде в Кракове в феврале 1935 года ревизионисты объявили, что будут настаивать на своем праве вести политическую деятельность, независимую от решений Всемирной сионистской организации⁶⁶), а вот

⁶⁶ Вальтер Лакер, *История сионизма*, стр. 527.

так называемое «рабочее движение» встало на дыбы, доказав, что социалистические идеалы для него важнее национальных. Руководители Федерации профсоюзов потребовали, чтобы соглашения Бен-Гуриона – Жаботинского были вынесены на референдум ее членов, на котором в марте 1935 года они были отвергнуты⁶⁷; осуществление согласованных в Лондоне договоренностей В.Е. Жаботинского и Д. Бен-Гуриона было сорвано.

После того, как контролируемая Партией Труда Федерация профсоюзов провалила попытку сплотить еврейское национальное движение, окончательное отделение национал-либералов от Сионистской организации стало лишь вопросом времени. Формальный раскол был зафиксирован в апреле 1935 года, когда исполнительный комитет Союза сионистов-ревизионистов принял решение о создании независимой от международной Сионистской организации структуры. Национал-либералы бойкотировали выборы делегатов XIX Сионистского конгресса. Вскоре после его окончания в Вене прошел съезд сионистов-ревизионистов (его делегаты прибыли из 32 стран), на котором была учреждена Новая сионистская организация (НСО). Программные установки организации, в целом, повторяли главные идеи основоположника политического сионизма Теодора Герцля. При этом подчеркивалось стремление добиться еврейского большинства на обоих берегах реки

⁶⁷ См.: Коби Двир, «Лондонские соглашения – крах тайных переговоров об объединении в сионистском движении» // *Израильтяне*, №5 (2013), стр. 87–113 [на иврите].

Иордан. Провозглашалось, что цели организации стоят выше интересов групп, личностей или классов. Главой Новой сионистской организации был избран В.Е. Жаботинский, а местом пребывания ее центральных органов был определен Лондон. В.Е. Жаботинский и его сторонники, по отношению к которым часто выдвигались обвинения в «секторальном раскольничестве», которое, якобы, и привело к распаду единой международной Сионистской организации, апеллировали к идейным истокам еврейского национального движения, к тем основам, которые были заложены еще Т.Герцлем на рубеже XIX и XX веков.

Интересно отметить, что создание еврейского государства не рассматривалось основателем ревизионизма в качестве конечной цели движения; фактически, В.Е. Жаботинский синтезировал т.н. «политический сионизм» Теодора Герцля с т.н. «духовным сионизмом» Ахад ха'Ама. Как отмечал Жаботинский во вступительной речи на конгрессе в Вене в сентябре 1935 года, во время которого была основана Новая сионистская организация: «Еврейское государство – это только первый шаг в процессе осуществления высшего сионизма. После первого шага наступит очередь второго – возвращение нации в Сион, исход из рассеяния, решение еврейского вопроса. Истинная, конечная цель проявится только на третьем этапе, то, во имя чего, в сущности, существуют великие нации – создание

национальной культуры, которая будет излучать свой свет на весь мир, ибо сказано: “Тора выйдет из Сиона”»⁶⁸.

На протяжении практически всей своей политической деятельности В.Е. Жаботинский противопоставлял «официальному сионизму» социал-демократических и центристских партий, сочетавшему практическое заселение страны с осторожной дипломатией, концепцию радикальной сионистской деятельности, настойчиво и бескомпромиссно требовавшую создания еврейского государства на обоих берегах Иордана и массовой иммиграции евреев из стран диаспоры в Палестину/Эрец-Исраэль. В.Е. Жаботинский не отступил от этих важнейших для него принципов и в последние годы жизни. В феврале 1937 года, выступая перед членами британской Королевской Комиссии по Палестине, он подчеркнул, что если Великобритания не может выполнить взятых на себя обязательств, она должна вернуть мандат Лиге Наций: «Что бы ни подразумевалось в Декларации Бальфура, это было обещано в 1917 году, но с тех пор английский народ честно пришел к выводу, что он этого сделать не может... Если Великобритания действительно не способна это сделать (не просто не желает, а именно не способна), мы склонимся перед ее решением, но тогда мы будем ожидать, что Великобритания поступит так, как любая мандатная держава, которая считает, что не может

⁶⁸ Владимир Жаботинский, «Высший сионизм» [1935] / пер. с иврита Д. Таубин и Т. Груз // *О железной стене: речи, статьи, воспоминания* / (Минск: МЕТ, 2004), стр. 261.

выполнить своих обязательств по мандату: вернет мандат...»⁶⁹.

Во второй половине 1930-х гг. в связи с экспансией нацизма положение евреев Центральной и Восточной Европы продолжало ухудшаться. В этом контексте выдвигаемые В.Е. Жаботинским и Новой сионистской организацией требования приобрели особую актуальность. В 1938 году В.Е. Жаботинский и его соратники разработали проект переселения в Палестину/Эрец-Исраэль значительного числа евреев из стран Восточной и Центральной Европы. В ходе деятельности, направленной на осуществление этого проекта, В.Е. Жаботинский встретился с премьер-министром Польши Фелицианом Славой-Складовским и с министром иностранных дел этой страны Юзефом Бекком. Ему удалось также заручиться поддержкой короля Румынии Кароля II, президента Чехословакии Эдварда Бенеша, президента Литвы Антанаса Сметоны, однако, реализовать этот проект не удалось⁷⁰. Выступая в 1937 году в Лондоне, В.Е. Жаботинский почти кричал о том, что «на востоке Европы есть три или четыре миллиона евреев, которые буквально стучатся в двери, прося разрешения на въезд [в

⁶⁹ Владимир Жаботинский, Выступление перед Королевской Комиссией по Палестине [1937] // *Сионизм в контексте истории*. Хрестоматия (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1993), книга 2, стр. 315–316.

⁷⁰ Вальтер Лакер, *История сионизма*, стр. 533.

Палестину/Эрец-Исраэль], то есть на спасение»⁷¹. Такого разрешения они, увы, так и не получили...

С началом Второй мировой войны В.Е. Жаботинский возобновил попытки создания еврейской армии, однако этот план с самого начала был обречен на провал. Евреи Восточной Европы, этот основной потенциал новобранцев, вскоре оказались на оккупированной нацистами территории. Ни активная деятельность В.Е. Жаботинского и возглавляемой им Новой сионистской организации, ни усилия руководства международной Сионистской организации во главе с Х.Е. Вейцманом не смогли предотвратить последовавшую вслед за этим самую страшную трагедию в национальной, да, пожалуй, что и в мировой истории – Холокост европейского еврейства. Сам В.Е. Жаботинский, ушедший из жизни в 1940 году в США, ужасов Катастрофы не увидел.

После смерти В.Е. Жаботинского его дело было продолжено идейными наследниками. В.Е. Жаботинский верил в новое поколение национально ориентированной еврейской молодежи, воспитанной в созданной им организации БЕЙТАР. Одному из представителей этого поколения – уроженцу Брест-Литовска, Менахему Бегину, в 1939 году в возрасте 26 лет возглавившему крупнейшее отделение БЕЙТАРА – польское (а до этого возглавлявшему чехословацкое), было суждено сыграть важнейшую роль не только в развитии еврейского национально-либерального движения, но и в

⁷¹ Владимир Жаботинский, Выступление перед Королевской Комиссией по Палестине, стр. 301.

политической истории Государства Израиль в целом. БЕЙТАР являлся одной из ключевых структур национально-либерального движения; В.Е. Жаботинский всегда уделял этой организации особое внимание. Именно вследствие этого, несмотря на то, что он не оставил после себя политического «преемника», роль такового сыграл ведущий руководитель БЕЙТАРа в Восточной Европе Менахем Бегин, оказавшийся в Палестине/Эрец-Исраэль в 1942 году в составе польской Армии Андерса. Менее чем через два года М. Бегин встал во главе военизированной организации ЭЦЕЛЬ, возглавившей восстание, сыгравшее центральную роль в решении Великобритании уйти из Палестины/Эрец-Исраэль, что сделало возможным создание независимого еврейского государства. Таким образом, последователи В.Е. Жаботинского, М. Бегин и его соратники по борьбе, внесли решающий вклад в осуществление мечты своего учителя и идейного наставника.

ГЛАВА II.

МЕНАХЕМ БЕГИН И ЕГО СОРАТНИКИ

В БОРЬБЕ ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

СУВЕРЕНИТЕТ ИЗРАИЛЯ

1. Трудный путь в Иерусалим

В ходе избирательной кампании в Учредительное собрание, объявившее себя Кнессетом первого созыва, многие считали, что родившийся в Брест-Литовске Менахем Бегин (1913–1992), которому было тогда всего тридцать пять лет, слишком молод для того, чтобы возглавлять партию, претендующую на то, чтобы быть одной из ключевых в стране. Это мнение было небезосновательным: шедший во главе списка Общих сионистов Перец Бернштейн (1890–1971) был на двадцать три года старше Менахема Бегина, возглавлявший список Объединенной рабочей партии (МАПАМ) Ицхак Табенкин (1888–1971) – на четверть века, а лидер Партии Труда (МАПАЙ) Давид Бен-Гурион (1886–1973) – на целых двадцать семь лет! В этих трех партиях, бывших основными конкурентами национал-либералов, среди первых десяти кандидатов лишь двоим еще не исполнилось ко дню выборов сорока лет: Моше Даяну (1915–1981), шедшему десятым в списке Партии Труда, и Моше Снэ (настоящая фамилия – Кляйнбойм, 1909–1972), занимавшему девятое место в списке Объединенной рабочей партии; Бегин же был не девятым и не десятым – он список Партии Свободы (Херут) возглавлял! Этот фактор, однако, оказался для национал-либералов поистине спасительным: когда все государственные деятели поколения создателей Государства Израиль уже ушли – вначале с политической арены, а потом и из жизни – Менахем Бегин остался «последним из могикан», что

сыграло свою немаловажную роль в его – с девятой попытки! – победе на всеобщих выборах.

Когда человек достигает значительных успехов, будь то в политике или в любой другой сфере человеческой деятельности, то биографы зачастую представляют его жизнь как путь, который неизбежно должен был привести его туда, где он в итоге оказался. Детство лидера, юность лидера, зрелость лидера... Еще в самые ранние годы родители, а вслед за ними и окружающие, обязаны были заметить незаурядные таланты человека, во всей своей полноте раскрывшиеся впоследствии. Эта модель, в принципе, редко реализуется в реальности – не соответствовала ей и жизнь Менахема Бегина, пусть даже уже в 35 он стал депутатом парламента страны, где к тому времени не жил и семи лет. Отец будущего главы правительства Израиля, Зеэв-Вольф, на протяжении ряда лет был фактическим руководителем еврейской общины Бреста, но старший сын, который в честь основоположника политического сионизма был наречен Герцлем, был куда ближе к отцу, чем Менахем. В июле 1941 года Зеэв-Вольф и Герцль были убиты нацистами в Бресте; Менахема спасло то, что он был 20 сентября 1940 года арестован органами НКВД и во время вторжения немецких войск на территорию Советского Союза находился в Печорлаге. Как и много лет спустя Биньямин Нетаньяху, ставший израильским лидером мирового масштаба после гибели его старшего брата, Менахем Бегин тоже реализовывал потенциал «за двоих».

Для понимания личности Бегина-политика огромное значение имеют его отроческие и юношеские годы.

Начнем с того, что роды у его матери принимала Блума Шейнерман⁷² – Менахем Бегин в самом прямом смысле слова появился на свет с помощью бабушки своего многолетнего политического соратника и будущего преемника на посту главы правительства Израиля Ариэля Шарона (1928–2014). Он любил читать и еще в детстве испортил себе зрение, вследствие чего с восьми лет был вынужден носить очки, но учился в школе он отнюдь не блестяще, получив в аттестате лишь оценку «удовлетворительно» по математике⁷³. Впрочем, в выпускном классе гимназии учеба интересовала его существенно меньше, чем общественная деятельность. Именно в юности Менахем Бегин завоевал авторитет в том политическом движении, которое он десятилетия спустя привел к его самому большому успеху, в 1937 году возглавив БЕЙТАР в Чехословакии, а в марте 1939 став руководителем этой организации в Польше. М. Бегин не отличался особенными организаторскими способностями, но был блестящим полемистом и ярким оратором-импровизатором, поэтому заседаниям в штабе движения он предпочитал поездки по городам, где жили евреи, и где он мог выступать перед ними⁷⁴. Тогда же, в мае 1939 года, он женился на Ализе Арнольд (1920–1982), с которой

⁷² См.: Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин* (Иерусалим: «Эйданим», 1978), стр. 13 [на иврите].

⁷³ Аттестат зрелости хранится в Центре наследия Менахема Бегина в Иерусалиме, папка 20, документ 16.

⁷⁴ См.: Ави Шилон, *Бегин* (Тель-Авив: «Ам овед», 2007), стр. 25 [на иврите].

прожил до конца ее дней – а после ее кончины менее чем через год добровольно ушел в отставку, полностью покинув политическую жизнь.

Самые ранние годы жизни Менахема Бегина пришлось на Первую мировую войну, вследствие чего они прошли вдали от дома и родного города, который семье пришлось оставить. Покинув в 1915 году российский Брест, семья Бегиных спустя четыре года вернулась в Брест польский. Именно там, в возрасте семнадцати лет, в 1930 году, будущий глава правительства Израиля окончил гимназию, после чего поступил на юридический факультет Варшавского университета, где в 1935 году получил диплом юриста, причем в университете его знали под польским именем Мечислав. Юристом М. Бегин, по его воспоминаниям, хотел быть с детства, чтобы защищать бедных, но практикующим адвокатом он так и не стал.

Отношение молодого человека к еврейству в то время было достаточно противоречивым. С одной стороны, в семье Бегиных соблюдали субботу и другие религиозные традиции (однако сам Менахем Бегин, за исключением того периода, когда он прятался от стремившихся его арестовать британцев, не носил кипу, тем самым не демонстрируя свою приверженность иудейской традиции). С другой стороны, национальные устремления, бывшие очевидной антитезой ортодоксальному иудаизму, как минимум, в той форме, как его понимал тогдашний раввин города Хаим Соловейчик (1853–1918), были настолько близки Зеэву-Вольфу, что, как уже указывалось, он назвал своего старшего сына по фамилии основоположника

Сионистской организации Теодора Герцля. Однако третьим, не менее важным, остовом, формировавшим мировоззрение Менахема Бегина, были идеи польского национализма. Эпическая поэма Адама Мицкевича (1798–1855) «Пан Тадеуш» с ее духом мессианского национализма и богатой поэтической образностью, оказала значительное воздействие на молодого М. Бегина, чему способствовала и биография самого А. Мицкевича, парижского изгнанника, жившего в ожидании воссоединения со своей родиной⁷⁵. При том, что их отец был управляющим делами еврейской общины Бреста, в котором было тогда две еврейских школы, и Герцль, и Менахем Бегины учились и закончили государственную гимназию, обучение в которой велось на польском языке, а занятия проходили, в том числе, и в субботу (дети Зеэва-Вольфа, наравне с остальными учениками, ходили в гимназию и по субботам, но, дабы соблюдать каноны иудаизма, не вели записей в этот день)⁷⁶. М. Бегин, разумеется, не был польским националистом, но его приверженность идеалу еврейского национального возрождения формировалась под очевидным влиянием аналогичных идей, которые в самой Польше не принесли национальным меньшинствам, и в особенности евреям, ничего хорошего.

Семью Бегиных во многих апологетических публикациях представляют «цитаделью сионизма»; и все

⁷⁵ См.: Ned Temko, *To Win or to Die: A Personal Portrait of Menachem Begin* (New York: William Morrow, 1987), p. 32.

⁷⁶ См.: Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин*, стр. 35.

же не будет лишним напомнить, что с 1924 года и до начала в 1939 году Второй мировой войны из Польши в Палестину/Эрец-Исраэль эмигрировали более шестидесяти тысяч человек, но никого из членов семьи Бегиных среди них не было. Верно, что в те годы многие сионисты не жили в вожделенной ими стране: так, даже многолетний глава Всемирной сионистской организации и будущий первый президент Государства Израиль Хаим Вейцман (1874–1952) до 1937 года жил в Великобритании, а Владимир (Зеэв) Жаботинский (1880–1940), будучи лишенным британскими мандатными властями возможности вернуться в Палестину/Эрец-Исраэль, где он прожил большую часть 1920-х годов, все 1930-е годы провел между Парижем и Лондоном. И все же бороться за возрождение еврейской государственности в Эрец-Исраэль уместнее всего было непосредственно в Эрец-Исраэль, где, однако, ни родители Менахема Бегина, ни его старший брат Герцль никогда не жили и, насколько известно, даже не побывали. Поэтому семью Бегиных правильнее охарактеризовать не как сионистов, а как сторонников сионизма: всемерно поддерживая идеологию еврейского национально-политического возрождения, сами они все же не были его частью.

В возрасте шестнадцати лет, т.е. еще до окончания школы, Менахем Бегин вступил в только возникшую брестскую ячейку движения БЕЙТАР, которую вскоре и возглавил. В том же году он впервые услышал в местном городском театре выступление Владимира (Зеэва) Жаботинского, произведшее на него неизгладимое впечатление; в своей книге воспоминаний М. Бегин

назвал В.Е. Жаботинского «носителем надежды», которая с его смертью «ушла безвозвратно»⁷⁷. Как патетически отметил один из школьных друзей Бегина, «Жаботинский стал для него Богом»⁷⁸.

В.Е. Жаботинский, разумеется, на роль Бога никогда не претендовал, причем не только в непосредственно теологическом смысле, но и в контексте гражданской религии, сформировавшейся во многих странах; с его точки зрения, он лишь стремился реализовать устремления, начертанные Теодором Герцлем на заре политического сионизма. Как известно, В.Е. Жаботинский, хотя и был секулярным человеком, считал, что главной целью еврейского национального движения должно стать создание собственного независимого государства на обоих берегах реки Иордан, то есть на всей территории, где еврейская государственность существовала в библейские времена. При этом, в отличие от доминировавших тогда в общественной жизни как стран диаспоры, так и еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль социал-демократов или, тем более, идеалистов-пацифистов из движений «Брит шалом» [«Союз мира»] и «Ихуд» [«Единение»], В.Е. Жаботинский считал, что еврейское национально-политическое возрождение не может и не должно зависеть от согласия и наличия доброй воли арабов, британцев или кого-либо еще. Эта концепция, противоречившая мировоззрению Теодора Герцля, на протяжении многих

⁷⁷ Менахем Бегин, *В белые ночи* [1952] / пер. с иврита Л. Злотник (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 1991).

⁷⁸ Цит. по: Ned Temko, *To Win or to Die*, p. 37.

лет боровшегося как раз за дипломатическое признание прав евреев на политическое самоопределение, стала стержнем всей идеологии сторонников В.Е. Жаботинского, среди которых преобладали молодые активисты, одним из которых был Менахем Бегин.

Возглавив отделение БЕЙТАРа в Бресте, М. Бегин еженедельно выступал на его собраниях; к сожалению, протоколов этих собраний не велось, и о том, что и как именно говорил на них М. Бегин, известно немного. Однако яркий ораторский дар М. Бегина проявился уже тогда. Будучи, как и его хорошо знавший немецкий язык отец, германофилом, он цитировал немецких поэтов и мыслителей, но при этом важно отметить, что выступал он на языке идиш, желая быть уверенным, что присутствующие в зале, в основном представители бедных слоев населения, полностью понимают все сказанное им⁷⁹. Как вспоминал один литовский еврей, у Бегина был «большой талант затрагивать самую душу *штетла* [еврейского местечка], говорить четко и ясно, без полутонов – и предлагать пути *геулы* [спасения]. Полного и настоящего спасения!»⁸⁰.

Выдающиеся ораторские способности Бегина и присущий ему дар убеждения были несомненными, но все же не будет лишним указать, что к тому времени в новой еврейской общине Палестины/Эрец-Исраэль, в

⁷⁹ См.: Даниэль Гордис, *Менахем Бегин. Битва за душу Израиля* / пер. с англ. В. Гопмана (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2014), стр. 33–34.

⁸⁰ Цит. по: Ned Temko, *To Win or to Die*, pp. 34–37.

особенности в сельскохозяйственных коммунах, языком повседневного общения уже стал иврит, на котором велись занятия не только в школах, но и в основанном в 1924 году в Иерусалиме Университете. Понятно, что в общинах восточноевропейской еврейской диаспоры ситуация была другой, однако заслуживает внимания тот факт, что недостаточность темпов и масштабов еврейского национально-политического возрождения критиковалась тогда М. Бегиним не из Иерусалима, Тель-Авива или одного из *киббуцев* Изреэльской долины, а из Бреста и из Варшавы, где он говорил на языке, который как раз в ходе процесса возрождения национальной государственности был отвергнут.

В 1931 году, когда ему было всего восемнадцать лет, Менахем Бегин был избран членом руководства польского БЕЙТАРа в Варшаве. Нужно при этом понимать, что это была тогда в полном смысле слова общественная организация, практически не имевшая свободных средств, вследствие чего, отправляясь с поездками по отделениям БЕЙТАРа в Польше и других странах Восточной Европы, Бегин, которому было неловко напрашиваться на бесплатный ночлег в незнакомых домах, порой ночевал на садовых скамейках⁸¹; нередко он оставался голодным, чтобы использовать сэкономленные деньги на издание брошюр и плакатов БЕЙТАРа. Возглавив вначале отделение этой организации в Чехословакии, а затем и в Польше, М. Бегин вёл очень скромную жизнь, ибо, в отличие от лидеров социал-демократического движения,

⁸¹ См.: Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин*, стр. 39.

опирающихся на разветвленную инфраструктуру как Сионистской организации, так и созданных ими учреждений (прежде всего, Федерацию профсоюзов, бывшую крупнейшим работодателем в еврейской общине Палестины/Эрец-Исраэль), национал-либералы должны были сами всё организовывать – и сами за всё платить. Платить же было нечем, и, понимая, что и его самым преданным сторонникам нужно на что-то жить, В.Е. Жаботинский рекомендовал одному из своих знакомых юристов в городе Борислав в Галиции (ныне – в Львовской области) молодого М. Бегина в качестве практиканта⁸².

Отношение М. Бегина к В.Е. Жаботинскому, изначально бывшее поистине благоговейным, постепенно трансформировалось в несколько более критическое. В значительной мере, различия между ними объяснялись особенностями возраста и жизненного опыта: когда М. Бегин возглавил брестскую ячейку БЕЙТАРа, ему было всего семнадцать; В.Е. Жаботинский же в тот год отпраздновал пятидесятилетие. Он жил в разных странах, в том числе почти десять лет в Палестине/Эрец-Исраэль, воевал в Первую мировую войну, и имел значительный жизненный опыт, который, однако, фатально подвел его в самые последние годы жизни, когда он верил в то, что коллективная совесть человечества остановит нацизм; это действительно случилось, но шесть миллионов евреев – и десятки миллионов сынов и дочерей других народов – к тому времени погибли. М. Бегин же тогда демонстрировал

⁸² См. там же, стр. 40.

очевидный юношеский максимализм, который, однако, в самом главном вопросе оказался пронзительно-пророческим.

М. Бегин, конечно, не мог быть «соперником» В.Е. Жаботинского; различные авторы, утверждающие обратное, задним числом создают драматургию, реальным событиям не соответствовавшую. При этом ораторский дар М. Бегина многие считали выдающимся – и не уступавшим риторическим способностям самого В.Е. Жаботинского⁸³.

Как указывалось выше, мировоззрение М. Бегина, равно как и его единомышленников из польского БЕЙТАРа, в значительной мере формировалось под влиянием польского национализма – они хотели национальное возрождение такого же рода для своего народа. Кстати говоря, польский национализм очень сильно повлиял и на сменившего М. Бегина на посту главы правительства Израиля Ицхака Шамира, который вспоминал о том, что хотя, будучи в старших классах школы, он читал книги почти исключительно на иврите и на идише, он «начал проявлять некоторый сочувственный интерес к длительной борьбе поляков за свою национальную независимость, выучив наизусть большие отрывки из эпической поэмы Адама Мицкевича “Конрад Валленрод”, написанной в надежде сохранить тлеющий уголек веры поляков в будущую свободу»⁸⁴.

⁸³ См.: Ави Шилон, *Бегин*, стр. 17.

⁸⁴ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 15–16.

При этом наибольшее влияние на И. Шамира, как это ни покажется удивительным, оказали биографии борцов за независимость Ирландии. «Когда я вступил в организацию “Борцы за свободу Израиля” (ЛЕХИ) и должен был выбрать себе подпольную кличку, я вспомнил о волнении, охватившем меня, когда я читал о подвигах Майкла Коллинза (Michael John Collins, 1890–1922), возглавлявшего разведку Ирландской республиканской армии, затем Армии правительства Ирландии и, в конце концов, убитого из засады своими противниками, – вспоминал Ицхак Шамир уже в 1990-е годы. – Дух и обстоятельства его борьбы с британцами живо вставали перед моим мысленным взором еще в далекой Польше и надолго сохранились в памяти; так я сделался в ЛЕХИ [где в целях конспирации активисты выбирали себе те или иные псевдонимы] “Михаэлем”»⁸⁵.

В.Е. Жаботинский же, как личность, сформировался в другое время и под влиянием других событий, в частности, объединения Италии; М. Бегин справедливо называл его «настоящим либералом»⁸⁶. В интеллектуальном мире родившегося в образованной и во многом ассимилированной семье, учившегося в Римском университете и прожившего и в Петербурге полиглота Владимира Жаботинского первый глава возрожденного Польского государства маршал Юзеф Пилсудский (1867–1935) занимал совершенно периферийное положение; его героями были Джузеппе Гарибальди (1807–1882) и

⁸⁵ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 15–16.

⁸⁶ Менахем Бегин, *В белые ночи*.

движение Рисорджименто. Пройдет почти полвека, и когда на плечи М. Бегина ляжет реальная ответственность за судьбу еврейского государства, он будет действовать куда больше в духе уроков и заветов В.Е. Жаботинского, чем реализуя максималистские устремления собственной молодости. К огромному сожалению, В.Е. Жаботинскому не было дано дожить до этого.

Важно при этом понимать, что и для В.Е. Жаботинского, и для М. Бегина, и для И. Шамира – при том, что первый был на полтора поколения старше второго и третьего – опыт и наследие национальных движений других народов имели огромное значение: в первом случае – итальянское, во втором – польское, в третьем – ирландское. Этот факт отчетливо демонстрирует, что национально ориентированная еврейская политическая мысль развивалась не в вакууме и не исключительно под влиянием наследия иудаизма (ни один из троих не вел религиозный образ жизни, а В.Е. Жаботинский и И. Шамир были людьми в полном смысле слова секулярными).

В.Е. Жаботинский верно понимал, что худшее, что только может ждать еврейскую общину Палестины/Эрец-Исраэль – это война одновременно на два фронта: против арабов и против англичан. В.Е. Жаботинский также очень высоко ставил значимость национального единства: несмотря на существенные расхождения во взглядах с социал-демократами по целому ряду вопросов, он всегда был готов протянуть Д. Бен-Гуриону руку для сотрудничества. На протяжении месяца, с 10 октября по 11 ноября 1934 года, Д. Бен-Гурион и В.Е. Жаботинский

провели по инициативе и при посредничестве Пинхаса Рутенберга в Лондоне шестнадцать встреч⁸⁷, на которых договорились о прекращении вражды и сотрудничестве социал-демократов, социалистов и национал-либералов во имя успеха общего дела. Еще летом 1920 года П.М. Рутенберг написал В.Е. Жаботинскому обстоятельное пронзительное письмо, в котором изложил своё кредо: «Вы можете быть самого отвратительного мнения о каждом еврее в отдельности. Но все евреи вместе составляют Его Величество Еврейский народ, горем и кровью своими оплачивающий величайшие ценности, им созданные и создаваемые, великую роль им в мировой истории выполняемую»⁸⁸. Очевидно, что В.Е. Жаботинский и сам это и понимал, и чувствовал – и именно поэтому, во имя настоящего и будущего еврейского народа, на соглашение с теми, кто его не так давно поносил, и пошел. Это не осталось без внимания осудившего эти соглашения М. Бегина, на международной конференции БЕЙТАРа в Кракове напомнившего аудитории: «В отличие от моего учителя, я не склонен забывать, что Бен-Гурион назвал его Владимиром

⁸⁷ К сожалению, в обстоятельной академической биографии П.М. Рутенберга этим переговорам, организованным по его инициативе, посвящена всего половина абзаца; см.: Владимир Хазан, *Пинхас Рутенберг: от террориста к сионисту*, стр. 542.

⁸⁸ Копия письма находится в Архиве Жаботинского в Израиле; оно воспроизведено и цит. по: Владимир Хазан, *Пинхас Рутенберг: от террориста к сионисту*, стр. 537.

Гитлером»⁸⁹. В.Е. Жаботинский, к тому времени относившийся к Д. Бен-Гуриону с искренним уважением, одернул М. Бегина: «Я никогда не забуду, что такие люди, как Бен-Гурион, носили форму Еврейского легиона, сражались бок о бок со мной, и я уверен, что во имя интересов сионизма они, если потребуется, без колебаний снова наденут эту форму и пойдут в бой»⁹⁰. Эти слова крепко запали М. Бегину в душу, и три десятилетия спустя, в 1967 году, он вошел в правительство, возглавляемое сподвижниками и последователями Д. Бен-Гуриона...

В ответ на начатые в Палестине/Эрец-Исраэль в 1936 году арабами беспорядки, М. Бегин потребовал предпринять самые радикальные меры как против арабов, так и против, как он считал, относившихся к погромщикам излишне терпимо британских мандатных властей. И в этом он не нашел поддержки В.Е. Жаботинского, призвавшего использовать для борьбы с англичанами исключительно законные политические методы, воздерживаясь от методов насильственных. Год спустя на международной конференции БЕЙТАРа в Варшаве М. Бегин заявил, что эпоха исключительно политического сионизма закончилась, и что еврейское национальное движение должно направить всю свою энергию на завоевание страны. Именно в ходе этой конференции было поддержано предложение М. Бегина относительно присяги, приносимой вступающими в ряды БЕЙТАРа. Изначально текст, написанный В.Е. Жаботинским,

⁸⁹ Цит. по: Даниэль Гордис, *Менахем Бегин*, стр. 39.

⁹⁰ Цит. там же, стр. 39.

включал в себя строки: «Я буду использовать силу только для самообороны». М. Бегин предложил другой вариант, который в итоге и был принят: «Сила нужна для защиты моего народа и для отвоевания моей родины»⁹¹. Таким образом, решительная готовность М. Бегина использовать силовые методы для завоевания независимости еврейского государства в Палестине/Эрец-Исраэль нашла горячую поддержку многих представителей национально-либерального движения и стала одной из причин упрочения политического статуса самого М. Бегина.

1937-й год был в значительной мере переломным для положения М. Бегина в еврейском национально-либеральном движении. После того, как в рамках возглавляемой им кампании протеста в связи с ограничениями на выдачу британскими властями т.н. «сертификатов» – разрешений на иммиграцию – митинг протеста, сопровождавшийся беспорядками, был организован непосредственно напротив посольства Великобритании в Варшаве, М. Бегин был арестован и провел несколько недель в тюрьме, где, среди прочего, был обрит наголо. Готовность молодого активиста идти в тюрьму за свои убеждения была по достоинству оценена его соратниками. В марте 1939 года В.Е. Жаботинский назначил именно М. Бегина руководителем польского БЕЙТАРа.

В апологетической литературе нередко воспевается прозорливость В.Е. Жаботинского в отношении гитлеровского нацизма, однако факты, увы, не столь

⁹¹ Цит. там же, стр. 42

однозначны: в обширнейшей публицистике В.Е. Жаботинского можно без особого труда найти самые разные цитаты, но судьба его первого ученика и последователя, вместе со всей своей семьей остававшегося там, где они жили (и где почти все они вскоре погибли), является ярчайшим свидетельством того, насколько никто не предполагал возможным тот беспросветный кошмар, который случился в реальности. То же самое верно и о семье второго главы правительства Израиля от национально-либеральных сил – Ицхака Шамира. Еврей городка Рожаны, откуда он был родом, были на телегах направлены к поездам, на которых были депортированы в Освенцим; там погибли его мать и сестра Ривка. Другая сестра, Мириам, вместе с мужем и детьми были застрелены местным польским лесником, с которым они предварительно договорились о покупке избы в лесу. Отец И. Шамира, Шломо Езерницкий, разлученный со всей остальной семьей, также попросил помощи у своих знакомых поляков, которым верил, а они предали его и убили⁹². При этом эмигрировать из Польши сам Шломо Езерницкий не хотел; сын вспоминал, как отец «возражал против известного плана эвакуации евреев Европы, предложенного В.Е. Жаботинским. Причины своего несогласия он изложил в письме ко мне такими словами: “Как может Жаботинский требовать от евреев, чтобы они все как один оставили Польшу, после того, как они так много вложили в ее историю!”»⁹³.

⁹² Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 14.

⁹³ Там же, стр. 23.

Трагическая судьба семей Менахема Бегина (в которой погибли все, кроме него самого и одной из его сестер) и Ицхака Шамира (в которой погибли все, кроме него самого) отчетливо свидетельствует о том, что даже среди тех, кто глубоко уважал В.Е. Жаботинского и разделял его программные установки, не было ощущения, что те кошмары, которые вошли в коллективную память человечества под названием Холокост, реально возможны. В.Е. Жаботинский умер от разрыва сердца 4 августа 1940 года; в каком-то смысле ему повезло, ибо самые страшные ужасы, которые выпали на долю еврейского народа, он не увидел...

Когда нацистская Германия вторглась в Польшу, М. Бегин с супругой сумели на поезде добраться до Львова, откуда перебрались в Вильнюс. «В ту осень действительность была ужаснее самых кошмарных снов. Париж пал. Франция капитулировала. Британская армия утешала себя удачным отступлением. Миллионы евреев попали в руки Гитлера и Гиммлера... Куда ни посмотришь: горе, страдания, море страдания, глубокое и широкое море», – лаконично, но точно написал М. Бегин тринадцать лет спустя в книге «В белые ночи»⁹⁴. В Вильнюсе за М. Бегиним была установлена слежка⁹⁵, в сентябре 1940 года он был арестован органами НКВД, а в

⁹⁴ Менахем Бегин, *В белые ночи*.

⁹⁵ См. оперативную сводку из Архива ЦК КП Белоруссии, фонд 4, оп. 21, ед. хран. 2076, стр. 169–170; фотокопия находится в Центральном архиве истории еврейского народа при Национальной и университетской библиотеке в Иерусалиме.

марте 1941 года приговорен к восьми годам заключения за сионистскую деятельность и сослан в Печорлаг (суда, которому М. Бегин надеялся доказать свою невиновность, не было вообще). Как указывалось выше, это его, парадоксальным образом, и спасло; в Вильнюсе, где были убиты почти все евреи⁹⁶, ему едва ли удалось бы выжить. Согласно устному свидетельству Яакова Баная, будучи в Вильнюсе, М. Бегин очень переживал за своих находившихся в Бресте родных и даже сумел найти большие деньги на взятку какому-то поляку, обещавшему выволить их оттуда; получив деньги, мошенник-самозванец пропал⁹⁷, а родители и старший брат М. Бегина остались там, где они тогда жили – и где вскоре погибли...

Ставшие к настоящему времени доступными историкам протоколы допросов Менахема Бегина следователями НКВД⁹⁸ рисуют портрет человека редкой твердости и – как ни сложно представима такая характеристика применительно к сталинским застенкам – интеллектуального, именно интеллектуального, мужества. С самого начала не скрывая, что был руководителем БЕЙТАРа Польши, он категорически отказывался

⁹⁶ См.: Harry Gordon, *The Shadow of Death: The Holocaust in Lithuania* (Lexington: University Press of Kentucky, 2000).

⁹⁷ Это свидетельство приводится в книге: Ави Шилон, *Бегин*, стр. 35.

⁹⁸ Следственное дело №782783 по обвинению М.В. Бегина в преступлениях, предусмотренных статьей 58 УК РСФСР, в настоящее время находится в Архиве Жаботинского в Израиле.

подписать протокол, в котором говорилось, что он признал свою вину в контрреволюционной деятельности. В написанной по требованию следователя на языке идиш (М. Бегин не владел письменным русским) автобиографии он подтвердил, что со школьной скамьи и до назначения руководителем БЕЙТАРа в Польше «трудился для дела возвращения еврейского народа на его историческую родину». Раз за разом М. Бегин повторял, что действовал на территории Польши, законы которой эту деятельность не запрещали: «Я действовал в Польше, и там моя деятельность была абсолютно легальной. Ни один из законов страны не запрещал нашей официально признанной деятельности». Ни в коем случае не отрицая, что является пламенным сионистом, М. Бегин отказывался признать себя в этой связи виновным в чем бы то ни было. «Вижу, что преступную деятельность вы начали очень рано», – «констатировал» следователь. «Почему преступную? – парировал Бегин. – Я думаю, что моя деятельность была правильной и законной». Следователи НКВД были совершенно не готовы к такому повороту событий: с их точки зрения, обвиняемый мог пытаться доказывать свою непричастность к инкриминируемым ему фактам, но вот в своем исключительном праве на их интерпретацию, исходя из статей Уголовного кодекса, они были абсолютно убеждены. М. Бегин же раз за разом настаивал на обратном. «Я говорил, что возглавлял БЕЙТАР в Польше и готов теперь сказать то же самое. Но я не могу подписаться под словами “признаю себя виновным”. Мне ясно, что вы считаете это ужасной виной, но я в этом никакой вины не

вижу. Напротив, я считаю, что выполнял свой долг, в этом был смысл моей жизни». Часами напролет, с очевидным риском для собственной жизни, М. Бегин настаивал: «Я не могу подписать, что признаю себя виновным в вере в свои идеалы». М. Бегин стоял, как скала, и чтобы добиться его подписи под протоколом, следователю пришлось переписать его. «Признаю, что был председателем БЕЙТАРа в Польше», – единственное, чего органы НКВД смогли добиться от будущего главы правительства еврейского государства. Следователь в лицо смеялся над М. Бегиним, убеждая его в том, что все эти надежды на обретение своего государства на своей земле – лишь его фантазии. История рассудила по-другому. Но история не совершается сама по себе, она движима волей конкретных обстоятельств и людей, и Менахем Бегин, спустя менее чем четыре года после этих допросов, стал одним из ключевых лидеров в борьбе за независимое еврейское государство. Важно отметить, что и в совершенно чрезвычайных обстоятельствах М. Бегин оставался исключительно интеллектуально честным, мужественным человеком. Эти его качества не раз проявились и в дальнейшем.

В конце 1941 года по договоренности между советскими властями и главой польского правительства в изгнании Владиславом Сикорским (1881–1943), М. Бегин, наряду с десятками тысяч других граждан Польши, был выпущен из лагеря и присоединился к сформированной в Советском Союзе польской армии под командованием Владислава Андерса (1892–1970).

3 декабря 1941 года Владислав Сикорский был принят И.В. Сталиным, после чего 25 декабря 1941 года Государственный комитет обороны СССР принял постановление «О польской армии на территории СССР», определявшее ее численность (96 тысяч человек), количество дивизий и дислокацию. Фактически же численность «Армии Андерса» достигла 73 тысяч военнослужащих и 30 тысяч гражданских лиц, состоящих при армии (в основном, члены семей военнослужащих)⁹⁹. При этом еще 10 ноября 1941 года правительству СССР была вручена памятная записка правительства США, где прямо говорилось о желательности вывода польской армии из СССР в Иран. И действительно, в конце марта 1942 года был проведен первый этап эвакуации «Армии Андерса» в Иран; СССР покинули 31.488 военнослужащих польской армии и 12.400 гражданских лиц. 12 августа 1942 года «Армия Андерса» получила новое наименование: «Польская армия на Востоке». 1 сентября 1942 года ее эвакуация была закончена; в общей сложности из СССР выехали 75.491 военнослужащих и 37.756 гражданских лиц¹⁰⁰. В дальнейшем части «Армии Андерса» были выведены из Ирана в Ирак и Палестину/Эрец-Исраэль.

⁹⁹ О формировании Армии Андерса см.: Валентина Брио, *Польские музы на Святой земле. Армия Андерса: место, время, культура. 1942–1945 гг.* (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2017), стр. 16–29.

¹⁰⁰ См.: Ю.В. Иванов, «Польская армия генерала В. Андерса в СССР (август 1941 — август 1942 года)» // *Новая и новейшая история*, №3 (2012), стр. 52–58.

Национальный состав «Армии Андерса» был неоднороден: помимо поляков, в ней служило большое количество русинов, украинцев и белорусов, а также около четырех тысяч евреев. После того, как в конце 1942 года «Армия Андерса» была перемещена на территорию Палестины/Эрец-Исраэль, около трех тысяч из служивших в ней евреев демобилизовались и остались в стране, которую считали своей. Одним из этих людей был Менахем Бегин.

2. Поднимая восстание: в борьбе за свое государство

М. Бегин почти полтора года пробыл в Палестине/Эрец-Исраэль, находясь в составе «Армии Андерса», при этом налаживая отношения с подразделениями БЕЙТАРа в стране, постепенно завоевав в их среде большой авторитет. На повестке дня тогда с еще большей остротой стоял тот же вопрос, который за несколько лет до этого привел М. Бегина к расхождению с В.Е. Жаботинским: сотрудничать с британскими властями, ведшими войну с гитлеризмом, или противостоять им, так как они держат границы Палестины/Эрец-Исраэль закрытыми для еврейской иммиграции? М. Бегин был убежден, что если евреи намереваются создать независимое государство на земле своих предков, то у них не остается иного выбора, кроме как относиться к англичанам как к врагам. События в Европе свидетельствовали о том, что евреи, оказавшись в безвыходном положении, нуждались в своей стране. Было

очевидно: англичане, не пускавшие в Палестину/Эрец-Исраэль еврейских беженцев, фактически превращались в соучастников убийства сотен тысяч человек (что счет пойдет на миллионы, тогда никому в голову не приходило).

М. Бегин и его единомышленники считали, что британские власти изменяют свою политику только если осознают, что их пребывание в Палестине/Эрец-Исраэль становится слишком опасным и чрезвычайно дорогостоящим для них самих. Именно на это и была направлена энергия М. Бегина и его соратников по борьбе: непрестанно атаковать британцев, пока они не разрешат въезд евреев в Палестину/Эрец-Исраэль. Цель эта достигнута так и не была: драконовские ограничения, введенные британскими властями в т.н. «Белой книге» Малькольма Макдональда (1901–1981) 17 мая 1939 года, не были отменены до самого конца мандатного правления. При этом не приходится сомневаться в том, что вооруженная антибританская деятельность, которую вели М. Бегин и его соратники по борьбе, стала одним из значимых факторов, предопределивших решение Великобритании о прекращении периода мандатного правления и, в конечном счете, уходе из Палестины/Эрец-Исраэль. Именно поэтому об этой деятельности нужно рассказать несколько подробнее.

Официально демобилизовавшись из рядов польской армии, М. Бегин в декабре 1943 года возглавил ЭЦЕЛЬ – Национальную военную организацию. Эмблемой организации был сжатый кулак, поднятый в знак вызова: только путем вооруженной борьбы евреи смогут завоевать

свою независимость. Нужно сказать, что, вопреки ошибочному представлению, бытующему в умах многих, М. Бегин не был ни основателем ЭЦЕЛЯ, ни даже его вторым руководителем (первым молва почему-то ошибочно считает В.Е. Жаботинского): организация возникла еще в 1931 году, и до М. Бегина ее последовательно возглавляли семь других человек: уроженец Одессы Авраам Техоми (настоящая фамилия – Зильберг, 1903–1991), уроженец Варшавы Роберт (Борис) Биткер (1907–1977), уроженец украинского города Мариуполь Моше Розенберг (1898–1987), уроженец белорусского местечка Сморгонь Давид Разиэль (1910–1941), уроженец Литвы Ханох Калай (настоящая фамилия – Стерлиц, 1910–1979)¹⁰¹, уроженец городка Липно в Польше Яков Меридор (настоящая фамилия – Винярский, 1913–1995) и родившийся в окрестностях Иерусалима в семье выходцев из Болгарии Шломо Лев-Ами (настоящая фамилия – Леви, 1919–2011)¹⁰². В 1937–1940 гг. (и только в эти годы) В.Е. Жаботинский считался, в значительной мере символически, верховным руководителем организации, однако то обстоятельство, что за все годы существования ЭЦЕЛЯ В.Е. Жаботинский

¹⁰¹ Х. Калай был фактическим командиром ЭЦЕЛЯ после ареста Д. Разиэля 19 мая 1939 г., но в официальной историографии организации в число ее руководителей не включается.

¹⁰² Ш. Лев-Ами был фактическим командиром ЭЦЕЛЯ короткое время между Я. Меридором и М. Бегиним (см. Ави Шилон, *Бегин*, стр. 54); в официальной историографии организации в число ее руководителей не включается.

ни разу не был в Палестине/Эрец-Исраэль, очевидно, существенно ограничивало его влияние на происходящее, ибо там, где он жил, будь то Франция, Англия или Соединенные Штаты, ЭЦЕЛЬ никакой деятельности не вёл.

Отдельно нужно сказать о Давиде Разиэле, стоявшем особняком среди деятелей «ревизионистского» движения, потому что он не только, как и многие другие, вырос в религиозной семье, но и два года проучился в *иешиве* «Мерказ ха'рав» в Иерусалиме. Ицхак Шамир вспоминал, что «внимание Разиэля было направлено, прежде всего, на создание основ современной еврейской армии, которая сумела бы возродить наследие воинов ТАНАХа. Этих героев Разиэль видел перед собой как живых. Их победы и поражения, тактика и стратегия были ему известны досконально, он знал их в мельчайших деталях и анализировал всесторонне»¹⁰³. И. Шамир отмечал в Д. Разиэле «основательность истинного *талмид-хахама*»¹⁰⁴. При этом его отличало удивительное стратегическое видение: еще в 1937 году, выступая перед участниками курса молодых бойцов ЭЦЕЛЯ, он рассказывал им, каким станет еврейское государство, когда его летчики будут летать в небе Багдада и Каира¹⁰⁵. Прошло десять лет, прежде чем было принято решение о

¹⁰³ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 37.

¹⁰⁴ Там же, стр. 38. Так в традиционной еврейской среде было принято называть учеников, изучавших иудаизм с особой тщательностью и глубиной.

¹⁰⁵ Там же, стр. 38.

создании Государства Израиль, тридцать лет – прежде чем его летчики разбомбили самолеты египетских ВВС на аэродроме под Каиром, и почти сорок пять лет – прежде чем ставший преемником Д. Разиэля на посту командира ЭЦЕЛЯ М. Бегин, возглавивший к тому времени правительство Израиля, распорядился о бомбардировке силами израильских ВВС объектов на территории Ирака. Во второй половине 1930-х годов, когда еврейская община Палестины/Эрец-Исраэль была взята в заложники восстанием палестинских арабов, в 1939 году приведшем к ужасной для *ишува* так называемой «Белой книге» М. Макдональда, а в Германии уже были приняты Нюрнбергские расовые законы, открывшие путь к «окончательному решению еврейского вопроса», предвидеть такое, было, казалось бы, невозможно – однако именно подобным видением обладал Д. Разиэль.

Сложившееся в массовом сознании представление об ЭЦЕЛе как антитезе вооруженной организации социал-демократов «Хагана», несомненно, верно: создатель ЭЦЕЛЯ А. Техоми до 1931 года был командиром «Хаганы» в районе Иерусалима. Когда же А. Техоми выступил с резкой критикой центрального руководства «Хаганы», которое он обвинил в неспособности обеспечить в достаточной мере безопасность еврейских поселений, и потребовал ее коренной реорганизации в боевую структуру, призванную отвечать на каждый акт арабского террора операцией возмездия, и эти его требования были отвергнуты, то, вместе с группой поддержавших его сторонников, он объявил о выходе из «Хаганы» и создании в Иерусалиме альтернативной военной

организации, изначально названной «Хагана Б». К идеологическим спорам добавились проблемы персонального характера, которые в те годы казались чрезвычайно важными, а ныне совершенно забыты: А. Техоми отправился в поездку в США, и на время его отсутствия командующим «Хаганы» в районе Иерусалима был назначен Авраам Икер (урожденный Койфман, 1899–1980), который отказался уступить пост А. Техоми после его возвращения. Как бы там ни было, ЭЦЕЛЬ, а именно так вскоре стала называть себя «Хагана Б», очевидно, возник как антитеза «Хагане».

Однако три других, столь же широко распространенных, мнения об ЭЦЕЛе являются, в целом, ошибочными. Во-первых, В.Е. Жаботинский не имел ни к расколу в «Хагане», ни к созданию ЭЦЕЛЯ никакого прямого отношения. А. Техоми испытывал к В.Е. Жаботинскому большое уважение, а арабское восстание, вспыхнувшее в Палестине/Эрец-Исраэль в 1936 году, продемонстрировало иллюзорность надежд интернационалистов на мирное сосуществование в стране евреев и арабов. ЭЦЕЛЬ со временем действительно стал военной организацией национал-либералов, но это произошло отнюдь не с самого начала.

Во-вторых, невозможно говорить о какой-то особенно неразрывной связи именно деятелей ЭЦЕЛЯ с Эрец-Исраэль. В общественной полемике представители «национального» лагеря нередко обвиняли и обвиняют «левых» в недостаточном патриотизме и неглубокой связи с Землей Израиля. Уместно в этой связи напомнить, что двое первых командиров ЭЦЕЛЯ еще до создания

Государства Израиль покинули Палестину/Эрец-Исраэль, и, несмотря на то, что жить им оставалось еще многие десятилетия, никогда больше не стремились играть значимую роль в его судьбе. Авраам Техоми в 1945 году эмигрировал в США, где прожил до 1968 года, когда вернулся в Израиль, который он впоследствии покинул вновь, прожив последние годы своей жизни в Гонконге (где и скончался). Роберт (Борис) Биткер покинул Палестину/Эрец-Исраэль, перебравшись в Шанхай, откуда он позднее выехал в США, где и прожил до конца своих дней. Разумеется, каждый человек имеет право на свободу выбора желаемого места жительства – важно лишь осознавать, насколько соответствуют реальности те или иные идеологические клише.

В-третьих, и это представляется самым главным, ЭЦЕЛЬ видится многим как самая радикальная антибританская организация еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль. В этой связи достаточно напомнить о том, как и почему погиб ее четвертый командир Давид Разиэль. В мае 1939 года он был арестован мандатными властями, но в связи с тем, что в начале Второй мировой войны между ЭЦЕЛем и британской администрацией был заключен договор о прекращении вооруженного противостояния, в октябре того же года Д. Разиэль был освобожден. 17 мая 1941 года, после прогерманского переворота, совершенного под руководством Рашида Али аль-Гайлани (1892–1965) в Ираке, Давид Разиэль возглавил группу членов ЭЦЕЛЯ, отправившуюся по заданию британской разведки взорвать нефтехранилища в районе Багдада. 20 мая по дороге на

английскую военную базу Хаббания автоколонна подверглась атаке немецкого бомбардировщика, в ходе которой Д. Разиэль был убит; похоронен он был на английском военном кладбище в Хаббании. После гибели Д. Разиэля ЭЦЕЛЬ возглавил Яаков Меридор, в 1942 году обратившийся к британским властям с предложением о создании еврейского подразделения, так называемого «батальона мести», численностью триста человек, для осуществления диверсионных актов в Европе. Батальон этот не был создан исключительно потому, что британское командование отклонило это предложение. Однако совершенно очевидно, что вышеизложенные обстоятельства ни в коей мере не позволяли считать в то время ЭЦЕЛЬ организацией, находившейся в авангарде борьбы против британских мандатных властей. Собственно, именно по этой причине, в связи с неготовностью и нежеланием ЭЦЕЛЯ вести вооруженную борьбу против Великобритании, от организации и откололась группировка, назвавшая себя ЛЕХИ; о координации действий между собой ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ договорились лишь в июле 1945 года, т.е. уже после окончания Второй мировой войны в Европе и Холокоста европейского еврейства!

Именно в сфере отношений с британскими мандатными властями изменения, инициированные М. Бегиним, были особенно драматичными. В январе 1944 года он провозгласил восстание против британского владычества в Палестине/Эрец-Исраэль, отметив, что решение о сотрудничестве с англичанами во время Второй мировой войны было принято еврейской общиной до того,

как правда об ужасах нацистского геноцида дошла до Палестины/Эрец-Исраэль. Теперь, когда «кровь нашего народа вопиет с чужой земли, на которой она была пролита»¹⁰⁶, а британская администрация продолжает держать закрытыми ворота Палестины/Эрец-Исраэль, М. Бегин решил, что пришло время отказаться от такого сотрудничества.

Под руководством М. Бегина ЭЦЕЛЬ совершил многочисленные нападения на британские военные и административные объекты. Британские власти ответили широкой волной репрессий. В поисках М. Бегина полиция и армия проводили массовые облавы, а за его выдачу было назначено вознаграждение в десять тысяч палестинских фунтов¹⁰⁷. Все это время отрастивший бороду М. Бегин с супругой Ализой и их родившимся в 1943 году сыном Биньямином жил в Тель-Авиве, представляясь соседям не как прежде – фальшивым именем Йона Кенигсхофер, а в качестве якобы раввина Исраэля Сассовера¹⁰⁸. Хотя в повседневной жизни М. Бегин не придерживался традиций ортодоксального иудаизма, глубокое уважение к ним отличало его на всём протяжении жизненного пути.

Основную цель своей борьбы руководство ЭЦЕЛЯ «времени Бегина» формулировало следующим образом: сделать цену пребывания англичан в Палестине/Эрец-Исраэль невыносимо высокой. Ставилась также задача

¹⁰⁶ Цит. по: Даниэль Гордис, *Менахем Бегин*, стр. 64.

¹⁰⁷ См.: Ави Шилон, *Бегин*, стр. 65.

¹⁰⁸ См.: Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин*, стр. 88–89 и 121; Ави Шилон, *Бегин*, стр. 62.

опровергнуть одну из основных отговорок британской администрации: якобы их нахождение в Палестине обеспечивало еврейской общине защиту от арабов, которую были способны предоставить только англичане. М. Бегин же считал, что евреи могут – и должны – организовывать силы самообороны, которые будут способны противостоять любому реальному и вероятному противнику. Чтобы подорвать главный аргумент, оправдывавший пребывание англичан в Палестине/Эрец-Исраэль, ЭЦЕЛЬ не должен был быть сильнее британцев (такая задача была бы, очевидно, заведомо невыполнимой); нужно было, во-первых, показать, что евреи способны сами бороться за реализацию своих национальных чаяний, и, во-вторых, поколебать уверенность мирового общественного мнения в том, что англичане в состоянии эффективно управлять подмандатной Палестиной.

3. Безграничный коллаборационизм: «рабочее движение» против идейных оппонентов

В августе 1944 года бойцы ЛЕХИ совершили покушение на жизнь британского верховного эmissара в Палестине (он занимал этот пост с 1938 года, ревностно блокируя въезд в страну искавших спасения от нацизма еврейских беженцев) Гарольда Мак-Майкла (Harold Alfred MacMichael, 1882–1969); ранение получила его жена, сам он не пострадал. 6 ноября 1944 года бойцы ЛЕХИ Элияху Хаким (1925–1945) и Элияху Бейт-Цури (1922–1945) убили в Каире британского министра по делам Ближнего

Востока Уолтера Эдварда Гиннеса, барона Мойна (Walter Edward Guinness, 1880–1944). Их судили, после чего в марте 1945 года повесили в Каире, но им удалось привлечь к борьбе еврейского населения Палестины/Эрец-Исраэль за свое государство едва ли не больше внимания, чем когда-либо прежде, хотя, конечно, на рубеже 1944/1945 годов нигде в мире палестинский вопрос не был среди относимых к первостепенным.

Желание расквитаться с Г. Мак-Майклом и У. Гиннесом у еврейского подполья возникло еще в 1942 году. Одним из самых вопиющих примеров их равнодушия к страданиям евреев в годы Второй мировой войны является история судна «Струма», на котором в декабре 1941 года 789 беженцев пытались эвакуироваться в Палестину/Эрец-Исраэль из румынского порта Констанца¹⁰⁹. Причиной, побудившей большинство из них покинуть Румынию, стал рост антисемитизма, происходивший в этой стране после прихода к власти в 1940 году пронацистски ориентированного Иона Антонеску (1882–1946). «Струма» была зафрахтована для того, чтобы, с согласия румынского правительства, вывозить евреев из страны. После вступления румынских войск в Одессу 16 октября 1941 года, И. Антонеску заявил о необходимости проведения депортации всех евреев, прибывших в Румынию до 1914 года, а также их потомков. Страшные известия о гибели полутора тысяч евреев в

¹⁰⁹ См.: Douglas Frantz and Catherine Collins, *Death on the Black Sea: The Untold Story of the Struma and World War II's Holocaust at Sea* (London: HarperCollins, 2003).

Одессе, Кишиневе и Транснистрии, были весомым доводом в пользу скорейшего отплытия «Струмы», которая 12 декабря 1941 года покинула Констанцу. Для обеспечения нейтрального статуса судна, над ним был поднят панамский флаг; при этом экипаж корабля состоял из болгарских моряков. Вечером на второй день плавания «Струма» бросила якорь в стамбульском порту.

Вследствие технической неисправности судна, «Струма» должна была оставаться в Стамбуле. При этом корабль был изолирован и находился под охраной турецкого катера. Высадка на берег пассажиров была запрещена, но представители турецкого «Красного полумесяца», наладив контакт с еврейской общиной города, обеспечивали беженцев пищей и медикаментами; благодаря их усилиям, удалось спустить на берег двадцать тяжело больных пассажиров. Однако 769 беженцев оставались на корабле, который оказался «между небом и землей»; основной причиной этого являлось политическое давление, оказывавшееся Великобританией на турецкое правительство. Верховный эmissар в Палестине Гарольд Мак-Майкл и министр по делам Ближнего Востока Уолтер Гиннесс были категорически против предоставления пассажирам «Струмы» убежища в Палестине/Эрец-Исраэль, ссылаясь на отсутствие среди них «обладателей востребованных профессий» и якобы необходимость предотвратить проникновение в страну нацистских агентов под прикрытием беженцев. Более того: посольство Соединенного королевства заявило, что любая помощь судну с нелегальными иммигрантами будет

воспринята как враждебный по отношению к самой Великобритании акт.

Еврейские организации обвинили британские власти в бесчеловечности, утверждая, что если бы на «Струме» находились вражеские солдаты, то, в соответствии с Женевской конвенцией, их бы сразу перевели в лагерь для военнопленных, условия в которых были гораздо лучше, чем на стареньком корабле. Преданный гласности список пассажиров «Струмы», включавший более ста детей, вызвал взрыв возмущения. Наконец, 15 февраля 1942 года Г. Мак-Майкл дал согласие на выдачу тридцати одной въездной визы для детей в возрасте от 11 до 16 лет, однако перспектива новых «дополнительных осложнений» при процедуре разлучения детей (визы получивших) с родителями (визы не получивших) стала для турецких властей поводом к отбуксировке судна в открытое море за пределы турецких территориальных вод, что произошло 23 февраля 1942 года. На следующий день судно погибло, по всей видимости, будучи потопленным советской подводной лодкой. Из всех пассажиров «Струмы» в живых остался лишь один человек – уроженец Кишинева Давид Столяр (1922–2014); он нашел крупный обломок корабля, на котором продержался до прибытия спасательной лодки на следующий после катастрофы день. После спасения он был интернирован властями Турции, провел шесть недель в местной тюрьме, а затем направлен в Палестину/Эрец-Исраэль, где был передан британским представителям. Д.Я. Столяр служил в британской армии, участвовал в боях с нацистами в Северной Африке, а в 1948 году – и в Войне за независимость Израиля. То, что из более чем семисот

пятидесяти пассажиров корабля с еврейскими беженцами из Румынии выжил лишь один, было непосредственным результатом решений, которые приняли Гарольд Мак-Майкл и Уолтер Гиннесс, продемонстрировавшие чудовищное равнодушие к судьбе людей, бежавших от геноцида, проводимого нацистами и их приспешниками.

Хотя ЭЦЕЛЬ не был причастен ни к покушению на Гарольда Мак-Майкла, ни к убийству барона Мойна, безраздельно контролировавшееся в то время «рабочим движением» руководство еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль потребовало не только от ЛЕХИ, но и от ЭЦЕЛЯ немедленного прекращения вооруженной борьбы. Обе организации, как и следовало ожидать, ответили отказом, в ответ на что их политические оппоненты приняли одно из самых аморальных решений в своей истории: по мере возможности, сдавать в руки англичан бойцов этих организаций – несмотря на то, что им, в самом прямом смысле слова, грозила гибель.

Сегодня очень трудно в это поверить, но в то самое время, когда ежедневно тысячи евреев гибли в Освенциме, Трешлинке и других созданных нацистами лагерях уничтожения, когда Адольф Эйхман и его приспешники всюду занимались депортациями в эти лагеря сотен тысяч евреев Венгрии, а британские мандатные власти держали двери Палестины/Эрец-Исраэль герметично закрытыми перед пытавшимися всего лишь выжить еврейскими беженцами, руководители «левых» сионистов поручили разведывательной службе верной им организации «Хагана» [«Оборона»] составлять списки евреев,

подозреваемых в ведении антибританской деятельности; списки эти передавались мандатным властям! Многие арестованные англичанами активисты были высланы из Палестины/Эрец-Исраэль в лагеря в Эритрее. В то время, когда еврейская община была такой немногочисленной (спустя всего несколько лет Давид Бен-Гурион задаст вопрос о том, «найдется ли народ для государства?»), деятели так называемого «рабочего движения» считали оправданным способствовать депортации своих политических оппонентов из страны, за государственную независимость которой боролись, как прежде считалось, вместе.

Вдохновителем этой позорной кампании был лично Д. Бен-Гурион, который пришел к выводу, что следует даже сотрудничать с англичанами в действиях против «отступников». «Перед нами два пути, – говорил он своим соратникам по «рабочему движению» на съезде Федерации профсоюзов Эрец-Исраэль, состоявшемся 20 ноября 1944 года, – террор или политическая борьба за сионизм. И если мы хотим политической борьбы за сионизм, мы обязаны выступить против террора и террористических организаций. Необходимо действовать – и не ограничиваться разговорами»¹¹⁰. Сложно представить себе, что, заявляя о своем стремлении бороться против террора, Д. Бен-Гурион фактически объявил своим идейно-политическим противникам войну,

¹¹⁰ Цит. по: Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион* / пер. с иврита С. Векслер (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1985), книга 1, стр. 276.

которая велась с применением методов, которые иначе, как террористические, охарактеризовать очень трудно. В разных уголках страны активистов ЭЦЕЛЯ хватали, перевозили их в заброшенные здания в городах или в отдаленные киббуцы, где допрашивали, избивали, а в отдельных случаях и пытали. Списки имен членов организации [около 700 человек] были переданы британской полиции, осуществлявшей аресты. В отдельных случаях члены «Хаганы» и ПАЛЬМАХа непосредственно передавали активистов ЭЦЕЛЯ в руки британской полиции.

Несколько сот активистов ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ, сосланных в лагеря на территории Судана, Эритреи и Кении, оказались насильственно отторгнуты от борьбы за национальную независимость еврейского государства, однако и там эти люди держались вместе, а некоторым из них удалось бежать, как бы трудно это ни было, учитывая, что почти вся Северная, Экваториальная и Западная Африка находилась тогда под британским владычеством, и даже тем, кому удавалось оказаться за воротами лагерей для интернированных и мест лишения свободы, было крайне трудно добраться куда-либо, где они не будут схвачены вновь. Особенно трагична в этой связи история Якова Меридора, который бежал, сумел добраться до Аддис-Абебы, но был выдан императором Хайле Селассие I (1892–1975) англичанам в обмен на одного из его собственных злейших политических противников, которым англичане были готовы пожертвовать ради того, чтобы вновь посадить в тюрьму бывшего командира ЭЦЕЛЯ. В этот раз Яков Меридор был сослан в Кению,

откуда ему вновь удалось бежать и добраться до Бельгийского Конго¹¹¹. Оттуда он на самолете прилетел в Брюссель, 4 апреля 1948 года прибыл в Париж, а 15 мая – в новосозданное Государство Израиль¹¹². Нужно помнить при этом, что Я. Меридор был сдан англичанам членами ПАЛЬМАХа 13 февраля 1945 года, и именно поэтому до мая 1948 года он вынужденно находился вне Палестины/Эрец-Исраэль.

Более того: «левые» круги (в тогдашнем, очень далеком от нынешнего, понимании слова «левые») воспользовались ситуацией для сведения собственных счетов и зачистки политического поля, которую они были рады провести чужими руками. Об этом отчетливо свидетельствует меморандум, отправленный 1 марта 1945 года британским верховным эmissаром в Палестине в Министерство колоний:

«1. В общей сложности, Еврейское агентство предоставило пока что данные на 830 подозреваемых, из которых к настоящему моменту было обнаружено и задержано 337. Из них 241 удерживаются [под арестом] в рамках введенного чрезвычайного положения, остальные были освобождены под надзор, либо безоговорочно. ... Несколько полезных арестов [так в оригинальном документе!] было также проведено в штабе ЭЦЕЛЯ [в

¹¹¹ Яков Меридор, *Длинна дорога к свободе* (Иерусалим: «Ахиасаф», 1964; переиздание – Иерусалим: Центр наследия М. Бегина, без даты), стр. 516–523 [на иврите].

¹¹² Там же, стр. 523 и 533.

документе, написанном на английском языке, используется ивритское слово *Иргун*] в Тель-Авиве.

2. К сожалению, Еврейское агентство в списки так называемых террористов по-прежнему включает множество людей, которые не имеют связей с террором, но политически считаются нежелательными для Еврейского агентства. Это усугубляет трудности для полиции, которая должна отделять овец от коз [так в оригинальном документе!]¹¹³.

Задумаемся над этим документом: высший британский чиновник в Палестине/Эрец-Исраэль жалуется на то, что Еврейское агентство включает «в списки так называемых террористов» множество людей, которые не имеют никаких связей с террором, но являются политическими оппонентами руководителей самого Еврейского агентства, и всё это происходит тогда, когда в Европе еще не закончился ужас Войны и Холокоста!

В газете «Эшнав», которую «Хагана» полуподпольно выпускала в 1941–1947 годах, публиковались многочисленные материалы, в которых сообщались очень далекие от действительности, чтобы не сказать клеветнические, сведения о бойцах ЛЕХИ и ЭЦЕЛЯ. В частности, когда из заключения в лагере в Латруне бежали 23 активиста ЛЕХИ во главе с Натаном Елиным-Мором (Фридманом), то в газете «Эшнав» было сообщено, что

¹¹³ Public Records, Colonial Office 733/457 // National Archives, Kew Richmond, Surrey, Great Britain.

британские власти сознательно дали им бежать, будто бы ради того, чтобы они внесли раскол в деятельность еврейского подполья. Менахема Бегина в этой газете представляли польским агентом, Якова Меридора – бизнесменом, прикрывающимся статусом подпольщика в целях обогащения и т.д. Сам Я. Меридор и много лет спустя удивлялся тому, что десятки тысяч читателей газеты были готовы принимать этот абсурд за правду¹¹⁴.

Мало этого: бывали случаи, когда по наводке Службы безопасности «Хаганы» ее спецназ (на иврите – *плуга меухедет*) похищал активистов ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ и держал их в наскоро оборудованных секретных тюрьмах, как правило, в отдаленных киббуцах. Особенно вопиющим был случай с командиром разведки ЭЦЕЛЯ Яковом Тавином (1919–1994), которого похитили на улице в Тель-Авиве 27 февраля 1945 года и держали в тюремных условиях в киббуце Эйн-Харод на протяжении полугода, подвергая пыткам!

Элияху Голомб (1893–1945), которого бывший член Кнессета от Партии Труда и председатель парламентской комиссии по образованию и культуре Михаэль Бар-Зохар охарактеризовал как «некоронованного вождя Хаганы», без обиняков сказал Менахему Бегину в ходе их личной встречи: «Мы с вами покончим»¹¹⁵. Эти слова были в 1944 году обращены вожаком сети боевых дружин социалистического сионизма (женатым, кстати, на родной сестре Моше Шарета, ставшего в 1953 году вторым главой

¹¹⁴ Яков Меридор, *Длинна дорога к свободе*, стр. 74.

¹¹⁵ См.: Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион*, книга 1, стр. 274.

правительства Израиля) не к нацистам и даже не к англичанам, прикладываявшим недюжинные усилия для того, чтобы искавшие спасения от уничтожения ни в чем не повинные люди не обрели его в Палестине/Эрец-Исраэль, а к руководителю организации, объявившему восстание с целью скорейшего обретения еврейским народом своего государства!

Бывало и так, что активисты «рабочего движения» сами способствовали задержанию деятелей ЭЦЕЛЯ, которых сдавали англичанам. Именно так командир ПАЛЬМАХа в Тель-Авиве Дов Цесис (1921–1996) 1 января 1945 года сдал англичанам направлявшегося из Тель-Авива в Иерусалим бывшего командира ЭЦЕЛЯ Шломо Лев-Ами, который был сослан ими в Африку, где находился в лагере для интернированных на протяжении трех с половиной лет, до июля 1948 года! Кабинет Дова Цесиса находился при этом не где-нибудь, а непосредственно в здании Исполкома Федерации профсоюзов на улице Алленби в Тель-Авиве, ответственным сотрудником которого он числился¹¹⁶.

Человеком, который отвечал в Службе безопасности (ее изначальное название – Служба контрразведки) «Хаганы» за сбор информации об ЭЦЕЛе, ЛЕХИ и их активистах, был уроженец Буковины Зеэв Шерф (1906–1984), в 1945–1947 годах также работавший секретарем Политического департамента Еврейского агентства – главной политической структуры еврейской общины

¹¹⁶ См.: Иехуда Лapidот, *Сезон: охота на братьев* (Тель-Авив: Институт наследия Жаботинского, 1994) [на иврите].

Палестины/Эрец-Исраэль в предгосударственный период. Чудовишно, но факт: «Борцы за свободу Израиля» (ЛЕХИ) мстили британским чиновникам за гибель более чем семисот пятидесяти еврейских беженцев из Румынии, а в это самое время политический приспособленец, прибывший в Палестину/Эрец-Исраэль из той же Румынии в 1925 году, собирал досье на подпольщиков, чтобы сдать их тем, по чьей вине погибли пассажиры «Струмы»! Одной своей рукой, в статусе одного из руководителей разведки «Хаганы», Зеэв Шерф собирал информацию о политических оппонентах т.н. «рабочего движения», а другой, в качестве официального представителя Еврейского агентства, передавал эту информацию англичанам – да с таким политическим пристрастием, что они даже выражали возмущение.

Именно эта политическая пристрастность, однако, позволила Зеэву Шерфу сделать впечатляющую карьеру: как только возникло Государство Израиль, Давид Бен-Гурион назначил его секретарем (начальником аппарата) правительства, что позволяло ему участвовать во всех его заседаниях, и на этом посту он оставался шесть лет, после чего такой же срок был руководителем департамента государственных доходов в Министерстве финансов. В 1965 году по списку Партии Труда он прошел в Кнессет, где оставался восемь лет, семь из которых он параллельно входил и в состав правительства, последовательно занимая посты министра торговли и промышленности, министра финансов и министра строительства, т.е. являясь ключевой фигурой в экономике страны.

Главную роль во взаимодействии с британскими властями ради борьбы с активистами ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ играл Тедди Коллек (1911–2007), в 1944 году возглавивший специально с этими целями созданный в Еврейском агентстве Особый отдел. Он был наиболее ценным британцами информатором, которого они также уважали за блестящую образованность, широкий кругозор, европейские манеры (естественные для человека, выросшего в Вене) и любовь к хорошему алкоголю – но главное, что в основном именно на полученных от него материалах базировалась борьба англичан против еврейских подпольщиков, стремившихся изгнать их из Палестины/Эрец-Исраэль¹¹⁷. Его младший брат Пауль Коллек (1922–2005) действовал в Службе безопасности «Хаганы» в Хайфе и, насколько можно судить, был лично замешан в похищении и убийстве активиста ЭЦЕЛЯ Ядидии Сегая (1926–1948). Давид Бен-Гурион высоко оценил деятельность Тедди Коллека, вначале отправив его посланником в Вашингтон, а в 1952 году назначив главой администрации премьер-министра (на этом посту Т. Коллек оставался всё то время, пока Д. Бен-Гурион оставался главой правительства, т.е. одиннадцать последующих лет). Впоследствии Тедди Коллек на протяжении двадцати восьми лет был мэром Иерусалима, сделав на этом посту очень много, в особенности, для сохранения и реставрации исторических

¹¹⁷ См.: Steven Wagner, “Britain and the Jewish Underground, 1944–1946: Intelligence, Policy and Resistance”. M.A. Thesis (University of Calgary, 2010), pp. 50 and 53.

районов и развития в городе разнообразных учреждений культуры; созданные под его патронажем замечательные Израильский музей и Иерусалимский театр и поныне являются главными площадками для культурных мероприятий в израильской столице. Англичане, несомненно, были правы, считая Тедди Коллека высококультурным человеком; трагедия состояла в том, что ценили они его, прежде всего, отнюдь не за это.

4. Предотвращая гражданскую войну

Десятки активистов ЭЦЕЛЯ были подвергнуты изнурительным допросам, в ходе которых от них требовали сообщить, где скрывается Менахем Бегин, но сила духа этих людей была такой, что ни один из них не выдал правдивую информацию о лидере движения. Сам М. Бегин, и в этих условиях, приложил все усилия, чтобы не увеличивать масштабы фактической «гражданской войны», жертвами которой становились его соратники и единомышленники. Так как М. Бегин считался не председателем или генеральным секретарем, а именно командиром ЭЦЕЛЯ, то во многих публикациях его, пусть даже невольно, представляют тем, кем он никогда не был, и эти ошибочные характеристики нет смысла приводить; правда же состоит в том, что единственный раз в жизни М. Бегин держал в руках оружие в Вильнюсе в 1940 году¹¹⁸. *М. Бегин, по характеру своей личности, был отнюдь не военным и даже не политиком, а идеологом-стратегом,*

¹¹⁸ См.: Ави Шилон, *Бегин*, стр. 34.

чувствовавшим свою ответственность не перед тем или иным раскладом сил в партии или Федерации профсоюзов (которые, как показал срыв Лондонских соглашений Бен-Гуриона – Жаботинского, были высшими авторитетами для его политических оппонентов), а перед всей еврейской историей в целом. Именно поэтому он не отдал распоряжения о прекращении антибританской деятельности и, наряду с этим, не предпринимал никаких действий против «Хаганы», призывая своих сторонников воздержаться от «братоубийственной войны».

Когда в апреле 1942 года «проблема ЭЦЕЛЯ» обсуждалась правлением Еврейского агентства, дальше всех пошла Голда Меир (тогда Меирсон, урожденная Мабович, 1898–1978), выступившая за «физическое уничтожение» руководителей «отступников». Давид Бен-Гурион сразу же одернул ее – нет, не потому, что предлагаемое действие было запредельно аморальным, а лишь опасаясь за жизнь участников совещания: «А если они ответят тем же?»¹¹⁹. Этот потрясающий обмен мнениями между будущим четвертым и будущим первым премьер-министрами Государства Израиль отчетливо демонстрирует кардинальное различие в политической этике между теми, кто называл себя «рабочим движением», и теми, кто звался «ревизионистами».

Сотрудничество с ненавистными мандатными властями вызвало у немалого числа бойцов военизированных формирований «рабочего движения» острый душевный кризис; отдельные из них отказывались

¹¹⁹ Цит. там же, стр. 62.

участвовать в охоте на своих соплеменников. Ситуация грозила перерасти в гражданскую войну – этого не случилось благодаря позиции, занятой руководителем ЭЦЕЛЯ. «Не ведите вооруженной борьбы против этой молодежи, – призвал Менахем Бегин. – Не они виновны. Они наши братья. Их одурманивают и подстрекают... Не будет между нами братоубийственной войны»¹²⁰.

Настойчивость и упорство, которые М. Бегин проявлял, удерживая бойцов ЭЦЕЛЯ от ответа на репрессии, которым подвергались одни и которые грозили другим, вследствие коллаборационизма их политических оппонентов с их врагами, были отражением его уникального чувства национальной ответственности. Как бы ни вели себя те, кто боролся против него, М. Бегин руководствовался не принципом «мера за меру», а соображениями общенационального характера. Это был не последний раз, когда М. Бегин предпринял решительные усилия для предотвращения гражданской войны в Эрец-Исраэль; спустя четыре года, а затем и через семь лет, судьба – и его политические оппоненты – поставили М. Бегина перед вызовами аналогичного рода, на которые он давал подобный же ответ: ни в чём не отказываясь от своих убеждений и продолжая максимально активно и публично отстаивать их, он всеми силами стремился избежать эскалации насилия, жертвами которого могут стать

¹²⁰ Цит. по: Менахем Бегин, «Не будет гражданской войны!» // *Херут* [«Свобода»], №39 от 3 декабря 1944 г. [на иврите]; Архив Центра наследия Менахема Бегина, Иерусалим.

евреи. М. Бегин отнюдь не был пацифистом, но мысль о том, что, вследствие инициированных им действий, евреи могут погибнуть или быть ранены, была для него категорически неприемлемой.

Захватившие власть в Еврейском агентстве и других общинных структурах лидеры так называемого «рабочего движения» видели в М. Бегине и его соратниках врагов – и вели себя соответственно; он же видел в них заблуждающихся собратьев. Это отличие в мировоззрениях было кардинальным – и объясняло очень многое. *Именно поэтому правильнее охарактеризовать М. Бегина не как политика, а именно как исключительного национального лидера.* Д. Бен-Гурион, несомненно, тоже был выдающимся национальным лидером, но, наряду с этим, он всегда оставался и политиком; о М. Бегине такое, положив руку на сердце, сказать нельзя. Д. Бен-Гурион был очень авторитарным человеком, и все же он отвечал перед профсоюзами, партией, «рабочим движением» в целом, народом и страной; М. Бегин же – лишь перед еврейским народом, страной и собственной совестью.

В многочисленных книгах и статьях, воспевающих подвиги командиров и бойцов «Хаганы» и ПАЛЬМАХа, рассказывается о том, как они защищали еврейскую общину от нападений арабов, во-первых, как способствовали организации нелегальной еврейской иммиграции в страну, во-вторых, и как при этом внедряли шпионов в британские мандатные структуры, в-третьих. Всё это, безусловно, правда – но не нужно забывать и о том, что было в-четвертых: использование репрессивного

аппарата британских властей ради подавления идеологических конкурентов и зачистки политического поля. Никакие разговоры о том, будто «в те трудные годы все совершали поступки, за которые им может быть стыдно», но, дескать, «не было иного выхода», ни в коей мере не могут быть приняты: ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ, несомненно, виновны в актах насилия, жертвами которых становились ни в чем не повинные арабы, особенно в Иерусалиме и в Хайфе, но *активисты этих организаций никогда не использовали мандатные власти или кого-либо другого для борьбы против своих идеологических оппонентов*. Обвинения же против них высказывали на протяжении многих десятилетий самые абсурдные: сам служивший в ПАЛЬМАХе Меир Паил (1926–2015), в 1973–1981 гг. бывший депутатом Кнессета от леворадикальных списков «Мокед» [«Фокус»] и ШЕЛИ – Новые израильские левые, в книге, изданной накануне сорокалетия государственной независимости Израиля, счел возможным утверждать, будто «позиция ЛЕХИ ... косвенным образом содействовала интересам нацистской Германии и фашистской Италии»¹²¹. Этот абсурд – будто борьба за скорейшую отмену ограничений на еврейскую иммиграцию в Палестину/Эрец-Исраэль и создание независимого еврейского государства (а именно эти цели ставили перед собой руководители и бойцы ЛЕХИ)

¹²¹ См.: Меир Паил, *Становление сил еврейской обороны, 1907–1948* / пер. с иврита А. Белова (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны Израиля – Институт истории сил еврейской самообороны «Хагана» им. И. Галили, 1987), стр. 101.

«содействовала интересам нацистской Германии и фашистской Италии» – без зазрения совести повторялся десятки лет. К счастью, никому не пришло в голову спрашивать кого-либо из подсудимых на Нюрнбергском процессе, служила ли деятельность еврейских подпольщиков их интересам – подобный гротеск пришел в голову только израильским левым радикалам... Впрочем, обращает на себя внимание тот факт, что даже автор этого лживого обвинения, между делом признающий, что «когда были переданы в руки британской полиции некоторые члены ЭЦЕЛЯ», указывает, что «в конечном итоге, по большому историческому счету, эта кампания “задержаний” была ошибочной и в моральном отношении, и также в плане политическом»¹²².

Это так, но автор этих слов неправильно понимал, почему; по его мнению, потому, что «эти акции ПАЛЬМАХа больше всех других были использованы руководством ЭЦЕЛЯ для дискредитации “Хаганы”»¹²³. Однако причины того, почему эта позорная коллаборационистская кампания была ошибочной, лежали совершенно в иной плоскости. Руководители так называемого «рабочего движения» и его вооруженных формирований, «Хаганы» и ПАЛЬМАХа, наивно надеялись, что после того, как кончится Вторая мировая война, а они, в свою очередь, помогут британским мандатным властям разгромить ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ, то

¹²² См. там же, стр. 103.

¹²³ См.: там же, стр.103. В тексте этого издания ошибка в переводе, исправленная нами по ивритскому оригиналу.

именно они смогут возглавить еврейское государство, которое англичане обещали создать еще в 1937 году (именно это рекомендовала сделать королевская комиссия во главе с графом Уильямом Пилем). Однако даже тогда, когда Вторая мировая война закончилась и масштабы бедствия, постигшего еврейский народ в ходе Холокоста, стали очевидны, британцы совершенно не собирались менять ничего в своей политике в отношении Палестины/Эрец-Исраэль. Массированное американское давление, имевшее целью добиться согласия британцев на иммиграцию в Палестину/Эрец-Исраэль ста тысяч еврейских беженцев из Европы, ни к чему не привело¹²⁴. По сути, оказалось, что борьба против гитлеризма была лишь предлогом, прикрывавшим нежелание англичан способствовать изменению статус-кво в подмандатной Палестине/Эрец-Исраэль, который их в целом устраивал.

5. Поворачивая ход еврейской истории

Именно поэтому осенью 1945 года восприятие ситуации в еврейской общине изменилось драматическим образом. Оказалось, что правы не руководители Еврейского агентства, верившие в то, что добились с англичанами конструктивного взаимопонимания, а как раз затравленные ими их политические оппоненты справа.

¹²⁴ См.: Алек Д. Эпштейн, *Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений* (Москва/Иерусалим: Институт Ближнего Востока – «Мосты культуры», 2014), том I, стр. 55–56.

В октябре «Хагана», ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ подписали соглашение о координации своих действий против британских сил в Палестине/Эрец-Исраэль. Все три группы договорились принимать коллективные решения и координировать боевые действия под руководством совместной комиссии, в которой были представлены руководители всех трех организаций. Вместо того, чтобы нападать на отдельных британских военных или политиков, было решено наносить удары в стратегически важных точках, уничтожая инфраструктуру и символы власти британского мандата. Даниэль Гордис верно указывает, что «Хагана» фактически отказалась от своих иллюзорных надежд, приняв мировоззрение Менахема Бегина, хотя об этом и не говорилось вслух¹²⁵. В этот период скоординированных действий объединенное Движение еврейского сопротивления провело несколько успешных боевых операций.

Англичане ответили «Хагане» и тем, чьей боевой организацией она была, ровно так же, как они до этого отвечали ЛЕХИ и ЭЦЕЛЮ. В субботу 29 июня 1946 года в основных городах с еврейским населением – Иерусалиме, Тель-Авиве, Рамат-Гане, Хайфе и Нетании – был введен комендантский час. В этих городах и еще в тридцати киббуцах было размещено около 17 тысяч британских военнослужащих. В киббуце Ягур британцы захватили значительный арсенал спрятанного там «Хаганой» оружия. За один день были задержаны 2.700 человек,

¹²⁵ См.: Даниэль Гордис, *Менахем Бегин. Битва за душу Израиля*, стр. 70.

которые были направлены в лагеря для интернированных в Рафияхе, Атлите и Латруне. Среди арестованных были шесть человек, впоследствии ставших в Государстве Израиль министрами, включая будущего второго главу правительства Израиля Моше Шарета (Чертока), возглавлявшего тогда Политический департамент международной Сионистской организации, и тогдашнего главу Национального комитета еврейской общины, многолетнего генерального секретаря Федерации профсоюзов Давида Ремеза (настоящая фамилия – Дабкин, 1886–1951). На пост, который занимал арестованный М. Шарет, была назначена Голда Меир, и это вывело ее политическую карьеру на совершенно новые рубежи¹²⁶; спустя двадцать три года она возглавила правительство Израиля. Сама она охарактеризовала те события предельно отчетливо: «29 июня 1946 года британское правительство фактически объявило войну *ишуву* [еврейской общине Палестины/Эрец-Исраэль]»¹²⁷. В здании Еврейского агентства англичане в тот же день провели обыски, после которых конфискованные документы и материалы, вследствие их большого количества, вывозились на грузовиках. Среди прочего, были конфискованы поименные списки активистов «Хаганы» и ПАЛЬМАХа, а также соглашение о координации усилий, заключенное всеми основными

¹²⁶ См.: Мирон Медзини, *Голда. Политическая биография* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2008), стр. 142 [на иврите].

¹²⁷ Голда Меир, *Моя жизнь* [1975] / пер. с иврита Р. Зерновой (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2015), стр. 208.

боевыми организациями еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль.

Голда Меир рассказала, что, только возглавив Политический департамент Еврейского агентства, она «внесла предложение, чтобы ответом *ишува* на массовые аресты было гражданское неповиновение». Потрясает откровенность, с которой она объяснила причины этого своего предложения: «Невозможно было покорно принять всё происходившее, не говоря уже о том, что я была уверена – если мы ничего не будем делать, то ЭЦЕЛЬ и группа Штерна (ЛЕХИ) возьмут дело в свои руки»¹²⁸. Авраам Штерн был, вообще говоря, убит за четыре с половиной года до описываемых событий! Голда Меир признала, что именно страх проиграть симпатии общества Менахему Бегину, последователям Авраама Штерна и их соратникам стал главным фактором, побудившим ее и ее товарищей по партии действовать.

Вскоре стало известно, что значительная часть конфискованных британскими властями документов хранится в здании гостиницы «Царь Давид», где фактически располагался британский Секретариат по управлению подмандатной Палестиной. Менахем Бегин вызвался организовать силами ЭЦЕЛЯ взрыв именно там, нанеся удар британцам в том месте, где они более всего были уверены в своей безопасности. Возглавлявший тогда штаб «Хаганы» Моше Снэ, впоследствии ставший одним из руководителей Коммунистической партии Израиля, с восторгом принял этот план, который, однако, сама

¹²⁸ Там же, стр. 210.

«Хагана» реализовать не могла. Уроженец Тель-Авива Амихай Паглин (1922–1978), за считанные месяцы до этого возглавивший, в связи с арестом англичанами его предшественника Эйтана Ливни (настоящее имя – Ерухам Бзозович, 1919–1991), отдел боевых операций ЭЦЕЛЯ, пообещал с задачей справиться. Совершенный силами ЭЦЕЛЯ днем 22 июля 1946 года взрыв, приведший к гибели почти ста человек (среди них были и семнадцать евреев, и горечь и скорбь в связи с этим преследовали М. Бегина всю жизнь), потряс не только мандатные власти. Жертв этих, несомненно, можно было избежать, ибо представители ЭЦЕЛЯ позвонили в располагавшуюся в здании гостиницы «Царь Давид» канцелярию мандатной администрации и предупредили о заложенной бомбе; самоуверенные британцы им не поверили – и никого из сотрудников не эвакуировали. С тех пор, как в субботу вечером 12 февраля 1944 года бойцы ЭЦЕЛЯ совершили одновременные нападения на здания британской миграционной полиции в Иерусалиме, Тель-Авиве и в Хайфе, к этой организации и ее возможностям нужно было относиться со всей серьезностью, однако британцы, видимо, во-первых, сочли, что за прошедшее с тех пор время они нанесли еврейскому сопротивлению фатальный урон, а во-вторых, чрезмерно верили в свои службы безопасности, которые пусть и не могли защитить каждое здание и каждый полицейский участок, но главное здание мандатной администрации уберечь были обязаны.

Англичане изгнали из Палестины/Эрец-Исраэль В.Е. Жаботинского и сотнями выслали бойцов ЭЦЕЛЯ. Среди группы из 251 человека, которых англичане

выслали в Африку 19 октября 1944 года, был и бывший руководитель ЭЦЕЛЯ Ханох Калай; он смог вернуться из Кении в независимое Государство Израиль только 12 июля 1948 года. В тот же день вернулся в Израиль другой бывший руководитель ЭЦЕЛЯ, Шломо Лев-Ами, выданный «Хаганой» англичанам и в начале 1945 года сосланный в Эритрею. Двамя месяцами ранее вернулся также выданный «Хаганой» англичанам и высланный ими в Африку командир ЭЦЕЛЯ Яков Меридор. Англичане были уверены в том, что арестами, казнями (а в 1945–1947 гг. были казнены одиннадцать активистов ЭЦЕЛЯ) и массовыми депортациями они сокрушили борцов за национальную независимость Израиля – но они ошибались.

Эта ошибка в восприятии ситуации имела фатальные последствия. День 22 июля 1946 года в значительной мере разделил ход истории Палестины/Эрец-Исраэль на время «до» и время «после»: англичане осознали, что, даже арестовав 29 июня 1946 года всех, кого они хотели и смогли арестовать, захватив самый большой из известных им складов оружия и архив документов крупнейшей общественной организации еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль, они не могут чувствовать себя в безопасности. Авторитет Великобритании как державы, которая может обеспечивать в Палестине/Эрец-Исраэль мир и спокойствие, на благо и при поддержке местных жителей (а именно таковы были цели и условия мандата, предоставленного в 1922 году Лигой Наций), оказался драматически подорван. С этого момента для Великобритании в Палестине/Эрец-Исраэль начался

обратный отсчет времени. «Британским солдатам, и без того напуганным, было запрещено общаться с еврейским населением. Чиновники британской мандатной администрации запирались, как в крепостях, и превращали свои конторы и учреждения в осажденные лагеря, защищаемые усиленной вооруженной охраной и рядами колючей проволоки», – вспоминал позднее генерал Игаль Алон¹²⁹. Вооруженная борьба, в авангарде которой с начала 1944 года был ЭЦЕЛЬ, стала фактором, с которым англичане не смогли справиться, взяв курс на отказ от мандата как такового¹³⁰.

К этому же выводу пришел и официальный биограф Уинстона Черчилля Мартин Гилберт (1936–2015): «1 марта 1947 года ЭЦЕЛЬ взорвал крыло здания, в котором располагался клуб британских офицеров в Иерусалиме. В этот раз не было никаких предупреждений, и двенадцать британских офицеров были убиты. Месяц спустя, 2 апреля 1947 года, британское правительство, устав от попыток управлять неуправляемым, проинформировало Организацию Объединенных Наций, что на Генеральной Ассамблее, которая должна была открыться через пять месяцев, будет просить рекомендаций относительно будущего управления Палестиной. Великобритания

¹²⁹ Игаль Алон, *Щит Давида* [1972] / пер. с англ. Г. Бена (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1985), стр. 195.

¹³⁰ См.: Йосеф Недава, *Кто изгнал британцев из Эрец-Исраэль. Источники и факты* [1988] / пер. с иврита (Иерусалим: «Яир», 1991).

решила отказаться от Мандата»¹³¹. Того, к чему В.Е. Жаботинский призывал англичан за десять лет до этого, добились его политические наследники, но за эти годы погибло огромное число людей, которые, скорее всего, могли бы быть спасены.

Руководители «Хаганы», ПАЛЬМАХа и их кураторы из политических структур «рабочего движения» переписали историю, объявив победу над англичанами собственной заслугой. В действительности всё обстояло по-иному: британцев изумило и разочаровало, что президент США Гарри Трумэн (1884–1972) занял позицию, весьма критическую по отношению к их действиям в Палестине, а советская дипломатия требовала прекращения контроля британского империализма над Ближним Востоком в целом и Палестиной – в частности. Не имея поддержки своих недавних союзников по антигитлеровской коалиции, с одной стороны, и будучи не в силах справиться с партизанской войной, которую вели бойцы ЭЦЕЛЯ и других еврейских боевых организаций, с другой, англичане сочли за лучшее вернуть новосозданной Организации Объединенных Наций полученный ими за четверть века до этого мандат на Палестину. Этот вывод непреложно следует хотя бы из анализа выступления Уинстона Черчилля в Палате общин британского парламента 1 августа 1946 года, т.е. спустя менее чем полторы недели после взрыва в гостинице «Царь Давид»,

¹³¹ См.: Мартин Гилберт, *Иерусалим. История города в XX веке* / пер. с англ. А. Глушаковой (Москва: «КоЛибри», 2012), стр. 203–204.

которому, собственно, то заседание и было посвящено: «Я всегда намеревался сказать нашим друзьям в Америке, еще с самого начала обсуждения этой проблемы после Войны, что либо они придут нам на помощь в решении проблемы сионизма, которая вызывает у них столь сильные и, по-моему, справедливые чувства и эмоции, и будут решать ее наравне с нами, поровну деля с нами всю ответственность, либо же нам следует вообще отказаться от британского мандата, на что мы имеем полное право»¹³². Так Г. Трумэн и И.В. Сталин, каждый по своим причинам, с одной стороны, и М. Бегин, Н. Елин-Мор, И. Шамир, И. Эльдад и их соратники по борьбе, с другой, создали для англичан ситуацию, при которой «минусы» существенно перевешивали «плюсы». Англичане были бы счастливы и дальше играть с многолетним главой международной Сионистской организации Хаимом Вейцманом в дипломатию (в том же выступлении У. Черчилль назвал его «энергичным, ... способнейшим и мудрейшим лидером сионизма»¹³³) – за тридцать лет этой игры и британцы, и Х. Вейцман более чем поднаторели в ней. Еврейское государство продолжало бы при этом оставаться миражом из Декларации Бальфура 1917 года, ибо, по словам Голды Меир, «в 1947 году ... борьба против нелегальной иммиграции превратилась в открытую войну, не только с *ишувом*, но и самими беженцами; у Бевина,

¹³² Цит. по: Мартин Гилберт, *Черчилль и евреи* / пер. с англ. Р. Рыжика (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2007), стр. 317–318.

¹³³ Цит. там же, стр. 319.

казалось, только одно и было на уме: как бы не впустить еврейских беженцев в еврейское отечество»¹³⁴. Едва ли удивительно, что в этих условиях бойцы-подпольщики требовали не миража государства, а само государство – куда удивительнее то, что англичане оказались бессильны их сломить.

После взрыва в отеле «Царь Давид» британские власти ввели в страну дополнительные войска и ответили объявлением комендантского часа, арестами, депортациями, телесными наказаниями и казнями. Четыре бойца ЭЦЕЛЯ – Дов Груннер (1912–1947), Иехиэль Дрезнер (1922–1947), Мордехай Алкоши (1925–1947) и Элиэзер Кашани (1923–1947) – были повешены в тюрьме Акко 16 апреля, а двое других – Меир Файнштейн (1927–1947) и активист ЛЕХИ Моше Баразани (1926–1947), которых должны были повесить в Иерусалиме, – 27 апреля подорвали себя в камере тюрьмы. Несколько десятков заключенных оставались в тюрьме в крепости Акко, и казалось, что помочь им невозможно. 4 мая 1947 года ЭЦЕЛЬ доказал, что так только казалось. Амихай Паглин (он лично провел немало времени в окрестностях тюрьмы, будучи закамouflированным под араба) и его соратники по борьбе разработали план, который удалось блестяще реализовать. Группа бойцов бригады инженерных войск ЭЦЕЛЯ, закамouflированных под британских военных, якобы ремонтировавших телефонные линии, прикрепила взрывчатку к южной стене крепости Акко. Взрывчатку – в банках с вареньем и

¹³⁴ Года Меир, *Моя жизнь*, стр. 217.

оливковым маслом – удалось передать и внутрь тюрьмы, что позволило активисту ЭЦЕЛЯ Михаэлю Эшбалу (1922–1947) взорвать закрытые ворота, преграждавшие заключенным путь к разрушившейся от взрыва стене крепости. В тюрьме в то время находились 163 заключенных еврея (из коих 60 – активисты ЭЦЕЛЯ, 22 – ЛЕХИ, 5 – «Хаганы», а остальные обвинялись в уголовных преступлениях различной степени тяжести) и 460 арабов. Охранники, находившиеся на крыше тюрьмы, были нейтрализованы дымовыми шашками. Всего удалось бежать 27 заключенным подпольщикам (двадцать из них были активистами ЭЦЕЛЯ, семеро – ЛЕХИ), однако от пуль британских солдат и взрывов погибли девять человек: шестеро заключенных и трое бойцов, участвовавших в их освобождении, в том числе один из руководителей операции активист ЭЦЕЛЯ Дов Коэн (1915–1947). Англичане смогли задержать и вернуть в тюрьму восьмерых пытавшихся бежать заключенных, а также пятерых бойцов ЭЦЕЛЯ (часть из них были ранены), участвовавших в штурме крепости, в том числе одного из руководителей операции Авшалом Хавива (1926–1947), однако мало сказать, что они были шокированы произошедшим. В Палате общин депутат Оливер Стэнли (Oliver Stanley, 1896–1950), лишь незадолго до этого бывший министром колоний в правительстве Уинстона Черчилля, вопрошал, какие меры правительство планирует принять «в свете событий в тюрьме Акко, которые опустили престиж Великобритании на самую

нижнюю точку». Включая арабов и евреев, не связанных с подпольем, из тюрьмы бежали 251 человек¹³⁵.

Британцы ошибочно сочли, что возвращению их престижа послужит новый виток репрессий против еврейских подпольщиков в Палестине/Эрец-Исраэль. Однако когда 29 июля власти приговорили к смерти Меира Накара (1926–1947), Якова Вайса (1924–1947) и Авшалома Хавива (1926–1947), активисты ЭЦЕЛЯ похитили двух британских сержантов, Клиффорда Мартина и Мервина Пейса, угрожая повесить их в случае, если будут казнены М. Накар, Я. Вайс и А. Хавив. Англичане и тут не оценили серьезность ситуации и казнили бойцов ЭЦЕЛЯ, после чего двое британских сержантов были найдены повешенными¹³⁶; их тела были заминированы, и когда их снимали с деревьев, был тяжело ранен ещё один британский служащий. Англичане по-настоящему испугались; эти казни еврейских бойцов стали последними за всю историю британского мандата. После взрыва здания мандатной администрации и штурм тюрьмы британские власти осознали, что победить в этой борьбе ценой, которую они готовы платить, не в их силах. Выступая 7 мая в эфире подпольной радиостанции ЭЦЕЛЯ

¹³⁵ Подробно о штурме тюрьмы в крепости Акко см.: J. Bowyer Bell, *Terror Out of Zion: The Fight for Israeli Independence* (New Brunswick/London: Transaction Publishers, 1996 [1977]), pp. 204–218.

¹³⁶ Менахем Бегин не соглашался на эту акцию, но Амихай Паглин настоял на ней, настаивая, что нет иного пути предотвратить казни британцами бойцов ЭЦЕЛЯ.

«Коль Цион ха'лохемет» [«Голос воющего Сиона»], Менахем Бегин заявил о «самом грандиозном штурме тюрьмы, когда-либо имевшем место в мировой истории», «историческое значение» которого в том, что он приближает «великое освобождение». «Весь мир видит, на Востоке и на Западе, что Британия больше не в состоянии править в Эрец-Исраэль», – подчеркнул М. Бегин¹³⁷.

Ровно так оно, собственно говоря, и было, свидетельство чему можно найти в одном из выступлений Уинстона Черчилля в Палате общин в 1947 году. «Нам говорят, что есть горсточка террористов на одной стороне и сто тысяч британских солдат на другой. Цена поддержания порядка в этом регионе составляет от 30 до 40 миллионов фунтов в год – денег, в настоящее время попросту утекающих прочь, в то время как они могли бы оказать большую помощь в борьбе с безработицей на наших островах или могли бы быть возвращены в страну и приносить доход нашим гражданам». Сто тысяч солдат, расквартированных в Палестине, «составляют очень значительную часть нашей армии. Сколько еще времени они должны находиться там? И для чего находиться? Чтобы из-за угрозы убить заложников мы оказались неспособными привести в исполнение приговор, законно вынесенный компетентным судом? Этого не должно быть. Я никогда не видел, чтобы была получена меньшая отдача за приложенные усилия, чем это происходит в

¹³⁷ Цит. по подлиннику распечатки радиовыступления М. Бегина от 7 мая 1947 г. [на иврите] // Центр наследия Менахема Бегина, Иерусалим.

Палестине»¹³⁸. Если такого никогда не видел Уинстон Черчилль, с его громадным политическим опытом, что могли возразить ему остальные?!

Нет сомнений в том, что именно «рабочее движение», а не национал-либералы, сыграло важнейшую роль в создании гражданской (как политической, так и экономической) инфраструктуры еврейского «государства в пути», а его военные организации, «Хагана» и ПАЛЬМАХ, стали основой Армии обороны Израиля, выигравшей Войну за независимость. Очевидно, что дипломатические контакты с представителями ведущих мировых держав от имени еврейской общины также вели отнюдь не национал-либералы. Однако *для того, чтобы община политически завоевала право на государственность, которое она в 1948 году отстояла с оружием в руках, необходимо было, чтобы создался вакуум власти, который можно было бы заполнить, то есть чтобы англичане отказались от своего правления в стране. Именно в этот процесс переосмысления британцами своих устремлений и возможностей в отношении Палестины/Эрец-Исраэль ЭЦЕЛЬ и, в несколько меньшей степени, ЛЕХИ внесли решающую лепту.* Очевидно, что абсурдно представлять ситуацию таким образом, будто партизанские отряды ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ сокрушили армию и государственный аппарат Британской империи, однако именно эти подпольные организации больше, чем кто бы то ни было другой, побудили британцев осознать, что «игра не стоит свеч»,

¹³⁸ Цит. по: Мартин Гилберт, *Черчилль и евреи*, стр. 323–324.

что военная, политическая и экономическая цена, которую им придется платить за продолжение своего контроля над Палестиной/Эрец-Исраэль, превысит выгоды, которые они, вследствие этого контроля, будут сохранять и получать.

15 мая 1948 года, после того, как британцы ушли, и было провозглашено независимое Государство Израиль, возник его первый высший орган власти, получивший название Временный государственный совет [на иврите – *Моэцет ха'медина ха'зманит*], почти в полном составе выросший из Народного совета [на иврите – *Моэцет ха'ам*], сформированного 12 апреля 1948 года. Из 38 его членов трое представляли национально-либеральное движение политических наследников В.Е. Жаботинского: уроженец Буковины адвокат д-р Бен-Цион Штернберг (1895–1962), уроженец Польши Цви Сегал (1901–1965) и уроженец Литвы журналист д-р Нафтали Герцль Розенблюм (1903–1991). Все трое входили и в Народный совет и известны как люди, подписавшие, наряду с другими его членами, Декларацию независимости Государства Израиль, но впоследствии ни один из них ни разу не был избран в Кнессет и никогда не занимал министерский пост. Причины этого будут подробно рассмотрены ниже. Ни М. Бегин, ни Я. Тавин, ни А. Паглин, ни Н. Елин-Мор, ни И. Шамир, ни И. Эльдад, ни кто-либо другой из руководителей ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ, стоявшие в авангарде вооруженной деятельности против британских мандатных властей, во Временный государственный совет приглашены не были. С точки зрения тех, кто взял в новом государстве власть, эти люди

оставались «отступниками» и врагами «рабочего движения», которые уже поэтому ни на что не могли сметь претендовать. Годы и десятилетия потребовались для того, чтобы те, кто, рискуя жизнью, совершали самые дерзкие операции во имя обеспечения права на свободную еврейскую иммиграцию и создание независимого еврейского государства, обрели в нём тот статус, которого они по праву были достойны. И путь к этому совсем, совсем не был гладким.

Как известно, 29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН большинством в 33 голоса против 13 при 10 воздержавшихся приняла решение о разделе Палестины, согласно которому в состав еврейского государства должны были войти восточная Галилея, северная часть долины Иордана, Изреэльская долина, долина Бейт-Шеана, прибрежная полоса примерно от Акко до Реховота, а также весь Неgev, включая город Эйлат на берегу Красного моря.

Вопреки надеждам, это, однако, отнюдь не было финальным аккордом борьбы за еврейскую государственность. В середине марта 1948 года США, сомневаясь в способности еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль выстоять в борьбе с арабами, объявившими о том, что начнут войну против еврейского государства немедленно после его провозглашения, отказались от поддержки плана раздела, предложив, вместо этого, передать всю Палестину/Эрец-Исраэль под опеку (*trusteeship*) ООН – до достижения соглашения между евреями и арабами; заявления в этом ключе вначале сделал постоянный представитель США в ООН

Уоррен Р. Остин (Warren R. Austin, 1877–1962), а затем и лично президент Гарри Трумэн¹³⁹. Американская дипломатия оказывала серьезное давление на эмиссаров международной Сионистской организации с целью добиться отсрочки провозглашения еврейского государства. Давид Бен-Гурион признавал, что «в целом американская администрация была равнодушной, а Государственный департамент не был дружественным» по отношению к борьбе за создание Государства Израиль¹⁴⁰. Британцы вели себя еще хуже: в ходе встречи с Голдой Меир в Иерусалиме 28 марта 1948 года глава секретариата британской мандатной администрации сэр Генри Гарни (Sir Henry Gurney, 1898–1951) требовал от органов самоуправления еврейской общины согласиться на введение режима международной опеки над Палестиной, угрожая в случае отказа ввести морскую блокаду!¹⁴¹

М. Бегин *в принципе* считал принятый Генеральной ассамблеей ООН план раздела Палестины/Эрец-Исраэль неприемлемым; в своем радиобрещении 30 ноября 1947 года он, в частности, заявил: «Раздел нашей родины является незаконным. Он никогда не будет признан. Эрец-Исраэль будет возвращена народу Израиля целиком и

¹³⁹ См.: Алек Д. Эпштейн, *Ближайшие союзники?*, том I, стр. 87–89.

¹⁴⁰ Давид Бен-Гурион, *Обновленное Государство Израиль* (Тель-Авив: «Ам овед», 1969), том I, стр. 82 [на иврите].

¹⁴¹ См.: Мирон Медзини, *Голда. Политическая биография*, стр. 187.

полностью. Навеки»¹⁴². Однако *практически* он настаивал на том, что еврейское государство в отведенных ему ООН границах и в указанные ООН сроки обязательно должно быть создано, как бы арабы, англичане и американцы ни стремились подобное развитие событий не допустить.

Известно, что М. Бегин обратился к руководству Еврейского агентства с требованием, не откладывая, провозгласить государственную независимость и сформировать национальное правительство. При этом считается самоочевидным, что мнение руководителя ЭЦЕЛЯ тогда никого из тех, от кого зависело принятие решения, особенно не интересовало, ибо, как указывалось выше, ни он, ни кто-либо из его соратников по борьбе в Народный совет и тем более в сформированный им исполнительный Народный комитет [на иврите – *Минхелет ха'ам*], включавший тринадцать как бы министров «государства в пути», не входил. Более того, если в Народном совете было три представителя национально-либерального движения, то в возглавляемом Давидом Бен-Гурионом Народном комитете, который, собственно, и должен был принять судьбоносное решение о провозглашении – или отсрочке провозглашения – еврейской государственности, их не было ни одного. Все эти детали верны, однако, несмотря на это, кажущийся самоочевидным, напрашивающийся из них вывод всё-таки ошибочен.

¹⁴² Даниэль Гордис, *Менахем Бегин. Битва за душу Израиля*, стр. 97.

К большому сожалению, в своих воспоминаниях Д. Бен-Гурион оставил существенно искаженный рассказ о драматическом заседании Народного комитета, состоявшемся 12 мая 1948 года, за три дня до запланированного провозглашения независимости Государства Израиль. Д. Бен-Гурион описывает, будто ключевой вопрос, стоявший на повестке дня этого заседания, состоял в том, будет ли декларация независимости государства включать слова о том, что оно создается «в рамках решения ООН», подразумевая тем самым, что в него войдут те и только те территории, которые отданы ему решением Генеральной Ассамблеи ООН (что, в частности, оставляло весь Иерусалим вне еврейского государства). Давид Бен-Гурион выступил против этой инициативы Пинхаса Розена (настоящие имя и фамилия – Феликс Розенблит, 1887–1978), указывая, что коль скоро, например, в Декларации независимости США не прописаны границы государства, то и в аналогичном документе, принимаемом в Израиле, в особенности накануне ожидавшегося нападения пяти арабских стран, не признавших решение ООН, этот вопрос конкретизирован быть не должен. Д. Бен-Гурион с удовлетворением напомнил, что его точка зрения победила, пусть и минимальным большинством голосов: пять против четырех¹⁴³. Действительность, однако, была несравнимо более драматичной, и жаль, что тогдашний глава Еврейского агентства и Народного комитета

¹⁴³ См.: Давид Бен-Гурион, *Обновленное Государство Израиль*, том I, стр. 86.

умолчал об этом в своей масштабной книге, где вопросы куда менее значимые освещены намного более подробно. В растянувшемся в общей сложности на 83 страницы протоколе этого затяжного заседания вопрос о том, должны ли в Декларации независимости государства быть обозначены его границы, занимает десять страниц.

Основной же темой, обсуждавшейся на этом, состоявшем из трех частей и затянувшемся глубоко за полночь, заседании, был вопрос о том, не следует ли, учитывая давление со стороны США и враждебность Великобритании, с одной стороны, и угрозу скорого – через всего три дня! – арабского вторжения, с другой, отложить до лучших времен провозглашение еврейского государства. Из тринадцати членов Народного комитета присутствовали десять; еще трое – Голда Меир, Зеэв Шерф и многолетний глава Экономического департамента Еврейского агентства, будущий первый глава Центрального банка Израиля Давид Хоровиц (1899–1979) – были приглашены лично Давидом Бен-Гурионом, но не имели права голосовать. Присутствовали также военные (не выражавшие особого оптимизма) и некоторые дипломаты, пользовавшиеся наибольшим доверием. Давид Ремез, с 1945 года возглавлявший Исполком [на иврите – *Ваад леуми*] Собрания представителей [на иврите – *Асефат нивхарим*] еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль четвертого созыва, выступил за то, чтобы отсрочить декларацию независимости Израиля, согласившись, за неимением выхода, на прекращение огня (в стране фактически уже шли боевые действия) и

введение режима международной опеки¹⁴⁴. Эту же позицию поддержали еще трое членов Народного комитета: Бехор-Шалом Шитрит (1895–1967)¹⁴⁵, Пинхас Розен (Феликс Розенблит)¹⁴⁶ и Элизер Каплан (1891–1952)¹⁴⁷. Моше Шарет был единственным представителем Партии Труда в Народном комитете, на том заседании поддержавшим Давида Бен-Гуриона, честно рассказав при этом о том, что государственный секретарь США Джордж Маршалл предостерегал его от провозглашения независимости Израиля (а М. Шарет вернулся из США 11 мая, т.е. за сутки до описываемого заседания)¹⁴⁸. Голда Меир также выступила в поддержку провозглашения государственной независимости (впрочем, не будучи, к своему огорчению, членом Народного комитета, голосовать она не имела права), сообщив при этом о своей состоявшейся буквально накануне в Аммане встрече с королем Иордании Абдаллой, информировавшим ее, что, вопреки заверениям, данным им ей в ноябре 1947 года, он принял решение направить Арабский легион принять участие в войне, которую арабские страны назначили на 15

¹⁴⁴ Цит. подлинник протокола третьей части заседания Народного комитета от 12 мая 1948 года, стр. 4–8 [на иврите] // Государственный архив Израиля, Иерусалим.

¹⁴⁵ См. там же, стр. 9–10.

¹⁴⁶ См. там же, стр. 13–15.

¹⁴⁷ См. там же, стр. 19–20.

¹⁴⁸ См.: Моше Егар, *История Политического департамента Еврейского агентства* (Иерусалим: «Сионистская библиотека», 2011), стр. 370 [на иврите].

мая¹⁴⁹. По всей видимости, опасаясь фиаско, Давид Бен-Гурион вообще не поставил данный вопрос на голосование¹⁵⁰ – а никто из тех, кто считал правильным процесс (вос)создания еврейской государственности в Эрец-Исраэль остановить, этого голосования не потребовал, опасаясь брать на себя ответственность за отказ от реализации многовековой мечты еврейского народа. Фактически, решение о том, быть или не быть Израилю, висело на волоске.

Внимательный читатель наверняка помнит признание Голды Меир о том, как стремление не проиграть битву за общественное мнение ЭЦЕЛю и ЛЕХИ побудило «рабочее движение» объявить кампанию гражданского неповиновения в конце июня 1946 года. Спустя менее чем два года, в первой половине мая 1948 года, давление с той же стороны было призвано сыграть подобную роль еще раз, на этот раз побудив колеблющихся отказаться от своих сомнений в отношении

¹⁴⁹ См. ее рассказ об этой встрече в книге: Года Меир, *Моя жизнь*, стр. 232–234.

¹⁵⁰ Михаэль Бар-Зохар утверждает в своей книге *Бен-Гурион* (книга 1, стр. 390), что «четверо проголосовали против немедленного провозглашения государства. ... Шестью голосами против четырех было принято решение основать еврейское государство 14 мая». Однако в протоколе этого заседания нет никаких свидетельств такого голосования; бывший глава Правительственной службы информации Израиля Мирон Медзини в книге *Голда. Политическая биография* (стр. 198) прямо утверждает, что его и не было.

необходимости провозглашения еврейской государственности. Хотя, как указывалось выше, активисты ЭЦЕЛЯ были против плана раздела Палестины/Эрец-Исраэль, принятого на Генеральной Ассамблее ООН, считая, что еврейское государство должно быть создано на всей территории исторической Эрец-Исраэль, включая Заиорданье, организация выступила за обязательное создание Государства Израиль немедленно после ухода британцев, пусть и временно – в утвержденных резолюцией №181 границах. ЭЦЕЛЬ объявил о том, что если официальные учреждения еврейской общины не объявят 15 мая 1948 года о провозглашении государственной независимости, то ЭЦЕЛЬ декларирует в этот день о создании правительства в изгнании еврейского государства – и обратится к миру с просьбой о дипломатическом признании¹⁵¹.

М. Бегин вспоминал: «В те дни мы бросили на чашу весов всё наше влияние. ... Мы думали не о себе и не обращали внимание на то, кто возглавит еврейское государство... День за днем мы выступали с обращениями, по-разному сформулированными, но содержащими один и тот же смысл: еврейское государство должно быть и будет создано!». Д. Бен-Гурион был настолько признателен ЭЦЕЛЮ за такого рода моральное давление на его товарищей по руководству «рабочим движением», Еврейским агентством и Народному совету, что даже делегировал к М. Бегину одного из своих самых доверенных лиц, идеолога «Хаганы» Элиэзера Ливне

¹⁵¹ См.: Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин*, стр. 176.

(настоящая фамилия – Левинштейн, 1902–1975), впоследствии – члена Кнессета первого и второго созывов, который отметил: давление со стороны ЭЦЕЛЯ очень помогает склонить сомневающихся к поддержке скорейшего создания еврейского государства¹⁵². М. Бегин обещал Э. Ливне, что когда государство будет создано, ЭЦЕЛЬ – что бы ни делали против него за считанные годы до этого лидеры «рабочего движения», которые в новом государстве, очевидно, собирались возглавить органы власти – безоговорочно признает его.

Так М. Бегин и его соратники и единомышленники, во-первых, внесли важнейший вклад в изгнание из Палестины/Эрец-Исраэль правивших там тридцать лет британцев, во-вторых, способствовали существенной активизации позиций руководителей «рабочего движения», и в-третьих, смогли избежать гражданской войны, к которой их оппоненты их не раз подталкивали, хотя она могла похоронить проект воссоздания еврейской государственности как таковой.

¹⁵² См. там же, стр. 180.

ГЛАВА III.

РОКОВОЙ 1948-Й:

ОППОНЕНТЫ «РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ»

ДО, ВО ВРЕМЯ И ПО ОКОНЧАНИИ

ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

«Мы вернулись в Эрец-Исраэль не по праву силы, а силой права. Слава Богу, у нас есть сила для того, чтобы отстоять это право»

Менахем Бегин¹⁵³

**1. Между британским молотом
и наковальней «рабочего движения»:
«ревизионисты» в партийно-политической
системе еврейского «государства в пути»**

Нужно отметить, что еще в период британского мандата в еврейской общине Палестины/Эрец-Исраэль сформировались почти все политические партии и движения, до сегодняшнего дня играющие центральную роль в политической жизни Государства Израиль. Вместе с тем, значение этих партий и их статус относительно друг друга изменился кардинальным образом. Наиболее серьезные изменения произошли в статусе национал-либеральных сил. На выборах в Собрание представителей еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль первого созыва, прошедших 19 апреля 1920 года, национал-либералы не участвовали вообще, а двумя получившими наибольшую поддержку партиями так называемого «гражданского блока» были Объединение фермеров и Прогрессивная партия; однако и вместе они не получили даже 10% голосов. Большинство же избирателей

¹⁵³ Менахем Бегин, «Право, породившее силу», в книге *Наша борьба за Землю Израйля*, под ред. Й. Недава (Тель-Авив: издание движения БЕЙТАР, 1986), стр. 27 [на иврите].

поддержали другие по своему характеру политические силы, которые можно, с очень большой долей условности, объединить в три блока. Первый из них включал социалистические партии «Ахдут ха'авода» [«Единство труда»] и «Ха'поэль ха'цаир» [«Молодой рабочий»], получившие в сумме поддержку чуть более 35% проголосовавших; в 1930 году два этих движения объединились, создав прообраз существующей и поныне Партии Труда. Второй «блок» включал этнические списки, созданные, в частности, выходцами из Йемена, бухарскими евреями, сефардами и другими группами неашкеназского еврейского населения. Все эти списки, вместе взятые, получили поддержку более 25% избирателей. Третий условный «блок» включал в себя партии, созданные для защиты статуса религии в общественной жизни и заботы о правах религиозного населения, как солидарного с сионистским движением (уже тогда в выборах участвовало Объединение «Мизрахи», наследником которого является и поныне представленная в Кнессете партия «Еврейский дом»), так и не желавшего иметь с ним ничего общего. Партии ортодоксальных верующих было начислено 16% голосов – вдвое больше, чем она получила на самом деле, исходя из выдвинутого ее представителями требования, обоснованного неучастием женщин иудейской ортодоксальной общины в электоральном процессе. Нужно сказать, что никогда позднее данный коэффициент, как и никакой другой, не применялся, вследствие чего иудейские ортодоксы бойкотировали последующие выборы в Собрание представителей

еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль, считая их несправедливыми.

В этих выборах в 1920 году приняли участие лишь 20 тысяч 160 человек¹⁵⁴, однако, несмотря на это мизерное количество, не составляющее и одного процента голосующих на выборах в Государстве Израиль в настоящее время, не будет преувеличением сказать, что основы партийно-политической системы были заложены именно тогда, столетие назад. Представляется, что *многолетнее доминирование так называемого «рабочего движения» в израильской политике во многом стало следствием того, что процесс его самоорганизации произошел существенно раньше, чем у его идейных оппонентов, которые в результате оказались в положении тех, кто право на лидерство вынужден оспаривать.* Заслуживает внимания тот факт, что так называемых «ревизионистов» среди участников выборов Собрания представителей первого созыва не было вообще – что вполне объяснимо, учитывая, что это политическое движение возникло только пять лет спустя, хотя в еврейской Палестине/Эрец-Исраэль едва ли был в 1920 году герой более популярный, чем организатор иерусалимской самообороны В.Е. Жаботинский. В выборах Собрания депутатов второго созыва, прошедших 6 декабря 1925 года, партия сионистов-«ревизионистов» приняла участие, однако, получив менее 7% голосов,

¹⁵⁴ Данные извлечены из книги *Ишув во времена национального дома, 1917–1948 гг.*, под ред. Б. Элиава (Иерусалим: издательство «Кетер», 1976), стр. 156–157 [на иврите].

оказалась лишь на пятом месте, уступив ровно тем спискам, которые получили наибольшую поддержку и за пять лет до этого: «Ахдут ха'авода», Ха'поэль ха'цаир», Сефардскому и Йеменскому спискам. При этом среди партий так называемого «рабочего движения» (всего их в выборах участвовало четыре) «Ахдут ха'авода» получила больше, чем все остальные, вместе взятые.

Всего списки «рабочего движения» получили на выборах 1925 года лишь 42,6% голосов, что было, разумеется, отнюдь не большинство. Их идейные оппоненты, условно объединяемые историками и политологами в так называемый «гражданский блок», в сумме получили 33% голосов (остальные ушли религиозным и этническим спискам), однако в этом лагере имело место беспрецедентное распыление голосов между пятнадцатью различными списками. Движение сионистов-«ревизионистов» получило больше всех из них, но четырнадцать остальных списков, вместе взятых, получили вчетверо больше него¹⁵⁵. Таким образом, уже в 1925 году стала ясна проблема и была определена задача: для того, чтобы стать ведущей политической силой в еврейском «государстве в пути», а затем в Государстве Израиль, движению соратников и последователей В.Е. Жаботинского необходимо было добиться такого же положения среди тех, кто не хотел видеть это государство социалистическим, какого удалось добиться партии «Ахдут ха'авода» среди тех, кто как раз мечтал построить социализм.

¹⁵⁵ Рассчитано по данным, приведенным там же, стр. 170.

Выделим эту мысль еще раз: *первейшая политическая задача движения сионистов-«ревизионистов» состояла в том, чтобы добиться доминирующего положения в так называемых «гражданских», а по сути, антисоциалистических, кругах; только добившись этого, сторонники В.Е. Жаботинского могли надеяться претендовать на то, чтобы стать главной политической силой еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль.* Когда среди социалистов «Ахдут ха'авода» уже утвердила свою гегемонию, соратники В.Е. Жаботинского только начинали свой путь к аналогичному положению в национал-либеральном лагере, и путь этот занял несколько десятилетий и был отнюдь не линейным.

Выборы в Собрание представителей еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль третьего созыва, прошедшие 5 января 1931 года, безусловно, стали шагом в этом направлении – и именно этим и можно объяснить ту беспощадную борьбу, которую развернуло так называемое «рабочее движение» против В.Е. Жаботинского и его соратников. Участвуя в выборах второй раз, список Объединения сионистов-«ревизионистов» получил 16% голосов, уверенно заняв второе место, уступив только объединенному списку Партии Труда, возникшей за несколько месяцев до этого на основе объединения «Ахдут ха'авода и «Ха'поэль ха'цаир». Более того, обе крупнейшие партии сформировали своего рода списки-«спутники» для потенциальных избирателей-сефардов, давая им возможность сделать выбор идеологический, не отказываясь от проявления выбора этнического. Список,

называвшийся «Сторонники Жаботинского среди восточных общин», получил вдвое больше голосов, чем список «Рабочее движение сефардской общины»: 2121 против 1053!¹⁵⁶ При этом основной список сионистов-«ревизионистов» получил голосов больше, чем все остальные политические инициативы так называемого «гражданского блока», вместе взятые. Таким образом, стало очевидно, что единственной политической силой, которая может угрожать гегемонии социалистов, является национально-либеральное движение. Ведя с ним беспощадную борьбу, лидеры так называемого «рабочего движения» не боролись ни за что другое, кроме как за собственную власть.

Нужно сказать, что кончина В.Е. Жаботинского в 1940 году имела самые тяжелые последствия для национал-либерального движения, лишившегося своего очевидного и непререкаемого лидера, который никого не объявил своим наследником – и которого было некем заменить. Ни про одного человека не скажешь, что он «умер вовремя», но В.Е. Жаботинский ушел из жизни в особенно сложный для «ревизионистского» движения момент.

Нужно помнить, что, когда разразилась Вторая мировая война, В.Е. Жаботинский решительно потребовал от ЭЦЕЛЯ прекратить деятельность против британцев, и Д. Разиэль, несмотря на свою твердую уверенность в том, что вооруженное столкновение с мандатными властями в будущем неизбежно, принял это требование идейного

¹⁵⁶ См. там же, стр. 184.

лидера всего «ревизионистского» движения. Говоря по совести, в конце 1939 – первой половине 1940 годов позиция В.Е. Жаботинского по отношению к англичанам практически ничем не отличалась от позиции Д. Бен-Гуриона, выраженной в его получившем широкую известность высказывании, что нужно «вести войну с нацистами, как если бы не было Белой книги, и войну с Белой книгой, как если бы не было войны с нацистами». Это неожиданное сближение их лидера и кумира с вождем их оппонентов удивило и разочаровало многих сторонников В.Е. Жаботинского. Эти чувства выразил, в частности, Ицхак Шамир: «Указания, которые Жаботинский присылал из-за границы, не особенно помогали. Его слова, в сущности, напоминали формулировки Бен-Гуриона... Часть подпольщиков ощутила горькое разочарование»¹⁵⁷.

Именно вследствие этой позиции, на которой настаивал как сам В.Е. Жаботинский, так и руководивший «ревизионистским» движением в Палестине/Эрец-Исраэль д-р Арье (Лев) Альтман (1902–1982), в ЭЦЕЛе произошел раскол. Группа активистов во главе с уроженцем Польши Авраамом (Яиром) Штерном (1907–1942) сочла прекращение деятельности против Британии, закрывшей для еврейской иммиграции ворота Палестины/Эрец-Исраэль, невозможным – и вначале 18 июня 1940 года сместила Д. Разиэля с поста командира ЭЦЕЛЯ (как раз А. Штерн был выбран на его место), а когда, по совету А. Альтмана, В.Е. Жаботинский настоял на

¹⁵⁷ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 46–47.

возвращении Д. Разиэля на его пост, покинула ЭЦЕЛЬ, выбрав себе название ЛЕХИ – *Лохамей херут Исраэль* [«Борцы за свободу Израиля»]. Когда данный конфликт возник, эта группа активистов направила В.Е. Жаботинскому зашифрованное письмо с объяснением своей позиции, на которое он уже не успел ответить – и которое, по всей видимости, не успел получить¹⁵⁸. После его смерти 4 августа 1940 года раскол в ЭЦЕЛе уже никто не мог остановить.

«Если попытаться проанализировать ход мыслей сионистского руководства, вероятно, можно найти ему объяснение, диктуемое угрозой свастики, нависшей тенью над еврейским миром, но кто сможет объяснить извращенную логику действий правительства Англии в то время?... В те дни в Германии уже существовали концентрационные лагеря, ... нацистские преследования, унижения, террор и ограбление евреев уже шли полным ходом. По моему мнению, а также по мнению большинства евреев в стране, тогда уже не было и тени сомнения в страшном для нас смысле акта ограничения *алии* [еврейской иммиграции в Палестину/Эрец-Исраэль]. Британцы злонамеренно наносили этим вред евреям, которые еще могли спастись из лап Гитлера, и именно потому, что они это делали, ... мне казалось, что они

¹⁵⁸ Этот документ опубликован активистом «Хаганы», ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ Моше Савураи (урожденный Савранский, 1914–2011) в книге, подготовленной и изданной им совместно с супругой; см.: Моше и Това Савураи, *От ЭЦЕЛЯ – к ЛЕХИ* (Тель-Авив: издание авторов, 1989 [на иврите]).

разделяют вину нацистов», – объяснял позицию активистов ЛЕХИ Ицхак Шамир – и на это едва ли можно что бы то ни было возразить¹⁵⁹. При этом ЛЕХИ – подполье, взявшее на вооружение практику борьбы откровенно террористическими методами, в том числе и против евреев, включая самих членов ЛЕХИ, кардинально разошедшихся во взглядах с руководством организации, как случилось с Элияху Гилади (1915–1943) и Йехудой Арье Леви (1916–1948)¹⁶⁰ – никак нельзя отнести к «либеральному» лагерю, какими бы ни были трагические обстоятельства Второй мировой войны и конца мандата.

При этом нельзя сказать, что политическое видение самих руководителей ЛЕХИ в период формирования организации было адекватно реальности. По воспоминаниям И. Шамира, основатель и первый руководитель ЛЕХИ А. Штерн «надеялся, что в своем стремлении освободиться от евреев, нацисты сами, на своих кораблях, доставят их из Европы к берегам Эрец-Исраэль, заодно уничтожив британскую блокаду этих берегов»¹⁶¹. Впрочем, «было возможно и другое развитие событий: британцы, узнав о том, что происходит у них под носом, опомнятся и решат отказаться от политики Белой книги. В любом случае, – утверждал он – конечным результатом будет массовая еврейская *алия* в Эрец-

¹⁵⁹ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 40–44.

¹⁶⁰ См.: Йосеф Хелер, *ЛЕХИ: идеология и политика, 1940–1949* (Иерусалим: Центр им. З. Шазара, 1989 [на иврите]).

¹⁶¹ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 51.

Израэль»¹⁶². В ретроспективе очевидно, что этот анализ ситуации был в корне ошибочным, и ни один из прогнозов основателя ЛЕХИ не сбился ни полностью, ни даже частично. Однако именно этим позиция ЛЕХИ принципиально и отличалась как от взглядов В.Е. Жаботинского и тех, кто остался ему верен, так и от позиций руководителей так называемого «рабочего движения»: «С точки зрения евреев нет существенной разницы между немцами и британцами»¹⁶³. Раскол между ЛЕХИ и ЭЦЕЛем так и не был преодолен, и все то время, что просуществовали эти организации, они действовали обособленно. И. Шамир справедливо указал, что «формальное объединение ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ так никогда и не состоялось, и нам пришлось довольствоваться какой-то долей сотрудничества, которая то возрастала, то уменьшалась»¹⁶⁴.

Самому В.Е. Жаботинскому британские власти не разрешили в 1930 году вернуться в Палестину/Эрец-Израэль; его единственный сын Ари-Теодор (1910–1969) был арестован мандатными властями в 1940 году, полгода находился в заключении в тюрьме Акко, а затем в лагере Мизраа, к северу от этого города, и был освобожден только в связи со смертью отца. Излишне упоминать, что больше *никто* из детей еврейских лидеров не подвергался в те годы подобным преследованиям; никого из идеологов национального возрождения англичане не боялись так,

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же, стр. 126.

как В.Е. Жаботинского и его единственного сына. Получив разрешение выехать на его похороны, Ари-Теодор Жаботинский лишился возможности вернуться – и все годы Второй мировой войны провел в США, где учредил вместе со своими единомышленниками Чрезвычайный комитет по спасению европейского еврейства, который, увы, не смог достучаться до молчавшей совести тех, кто этому спасению мог бы способствовать. В 1944 году, находясь в Стамбуле, Ари-Теодор Жаботинский был выдан англичанам, после чего вновь полгода находился в заключении, а затем был выслан из страны.

В Нью-Йорке группа сторонников и последователей В.Е. Жаботинского, ключевой фигурой в которой был его сын, включала Хиллеля Кука, Арье Бен-Элиэзера, Шмуэля Мерлина и Ицхака Бен-Ами – глубоко преданных национал-либеральным идеалам людей, которые, однако, были лишь опосредованно вовлечены в общественно-политические процессы, происходившие в Палестине/Эрец-Исраэль. На выборах в Собрание представителей еврейской общины четвертого созыва, прошедших 2 августа 1944 года, единый список сионистов-«ревизионистов» по ряду причин не участвовал вообще; сам Ари-Теодор Жаботинский поддержал так называемое Народное движение за еврейское государство, первым номером в списке которого был давний активист БЕЙТАРа и ЭЦЕЛЯ Биньямин Элиав (урожденный Бейнош Лубоцкий, 1909–1974), родившийся и выросший в Риге и живший в Палестине/Эрец-Исраэль только с 1935 года. Этот список, не бывший знакомым избирателям и возглавлявшийся сравнительно малоизвестным

человеком, ни в коем случае не мог претендовать на ведущую роль в общественно-политической жизни, получив в ходе голосования 2 августа 1944 года поддержку менее чем полутора тысяч человек – в пятьдесят два раза меньше, чем список Партии Труда¹⁶⁵. Выборы в Собрание представителей еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль четвертого созыва – первые после смерти В.Е. Жаботинского – отбросили национально-либеральное движение на два десятилетия назад, лишив его того статуса главной оппозиционной силы, которого оно смогло добиться ранее.

В то время активисты БЕЙТАРа, ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ, объявив восстание против британских мандатных властей, вынужденно ушли в подполье и ни в какой легальной партийно-политической деятельности принимать участия не могли. Сложилась ситуация, при которой именно они, политические наследники В.Е. Жаботинского, несли на своих плечах основную тяжесть реальной борьбы против британских мандатных властей, рискуя не только своей свободой, но и жизнью, а в это время их политические оппоненты, не дававшие повода британским военным и полицейским охотиться за собой по конспиративным квартирам, выстраивали свою политическую гегемонию. Ни Менахем Бегин, к тому времени уже два года живший в Палестине/Эрец-Исраэль, ни кто-либо другой из его соратников по ЭЦЕЛЮ, не имел возможности собирать

¹⁶⁵ См.: *Ишув во времена национального дома, 1917–1948 гг.*, стр. 192.

митинги и выступать на них с многочасовыми речами о светлом будущем, как это делали руководители Партии Труда; за это будущее они героически боролись с оружием в руках, не получая за это никаких политических дивидендов. Выборы в Собрание представителей еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль четвертого созыва закончились триумфом так называемого «рабочего движения», четыре списка которого в сумме получили почти 60% голосов, при практически полном исчезновении национал-либералов с протопарламентской (а именно протопарламентом было Собрание представителей еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль) сцены партийно-политической жизни.

Когда в мае 1948 года была провозглашена независимость Государства Израиль, и Партия Труда, выстроившая свою инфраструктуру во всех районах страны, готовилась выиграть выборы в его Учредительное собрание с той же легкостью, что и выборы в Собрание представителей еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль четвертого созыва, соратникам и идейным наследникам В.Е. Жаботинского, ослабленным смертью основателя национально-либерального движения и гибелью ряда своих активистов от бомбардировок нацистов и пуль англичан (как были убиты командиры ЭЦЕЛЯ Давид Разиэль и ЛЕХИ Авраам Штерн), нужно было выстраивать подобную инфраструктуру практически с нуля. Вожди «рабочего движения» поставили себе целью лишить их этой возможности. Хотя еще 11 апреля 1948 года Исполнительный комитет Еврейского агентства 39 голосами против 32 утвердил соглашение с ЭЦЕЛем,

обещавшим прекратить всякую подпольную деятельность в еврейском государстве, когда таковое будет провозглашено, голосовавшие против этого договора представители Партии Труда (МАПАЙ) и Объединенной рабочей партии (МАПАМ)¹⁶⁶ стремились, чтобы события развивались по совершенно иному сценарию.

**2. Нарушая договоренности,
выдвигая ультиматумы:
Д. Бен-Гурион против ЛЕХИ и ЭЦЕЛЯ**

На протяжении длительного времени в еврейской общине Палестины/Эрец-Исраэль существовало понимание того, что провозглашение независимости Государства Израиль будет неминуемо сопряжено с войной. И иерусалимский муфтий Амин эль-Хусейни (1895–1974), и руководители ряда арабских государств, в том числе и эмир Трансиордании Абдалла (1882–1951), не скрывали своих планов в отношении нападения на еврейское государство немедленно после его создания. При всей важности борьбы за обретение дипломатического признания, она оказалась бы совершенно непродуктивной, если бы молодая страна оказалась неспособной отстоять ту независимость, которую она получила решением Генеральной Ассамблеи

¹⁶⁶ Данные о том, представители каких партий голосовали «за» и «против» этого соглашения, см. в книге: Натан Янай, *Политические кризисы в Израиле. Эпоха Бен-Гуриона* (Иерусалим: издательство «Кетер», 1982), стр. 26 [на иврите].

ООН. Каждая из действовавших в то время в Палестине/Эрец-Исраэль боевых бригад стремилась приобрести любое, какое только возможно, оружие везде, где это было возможно, так как было понятно, что предстоит воевать, но не было ясно – чем. Эта задача в равной мере стояла перед бойцами и «Хаганы», и ЭЦЕЛЯ, и ЛЕХИ.

На протяжении многих десятилетий события, произошедшие 9 апреля 1948 года в арабской деревне Дир-Ясин, находившейся на расстоянии примерно семисот метров к юго-западу от еврейского района Гиват-Шауль и примерно в километре от еврейских районов Иерусалима Монтефиоре (ныне – Кирьят-Моше), Бейт ха'керем и Яфе-Ноф, были главным «пунктом обвинения» против ЛЕХИ и ЭЦЕЛЯ, якобы устроивших там акт массового убийства безоружных граждан в целях устрашения. На самом же деле, в этой деревне, помимо ее жителей, уже тогда находились добровольцы из Ирака, планировавшие принять участие в войне против Государства Израиль после его провозглашения. Нужно помнить, что более 15% всех евреев, находившихся тогда в подмандатной Палестине/Эрец-Исраэль, жили в Иерусалиме, который оказался в блокаде; крайне сложно было доставить еврейским жителям города продовольствие и воду. В первых числах апреля именно из этой деревни были обстреляны пригород Иерусалима

Моца и машины, двигавшиеся из Тель-Авива в Иерусалим¹⁶⁷.

Захват нескольких населенных арабами деревень, находившихся на подъезде к Иерусалиму, имел своей целью создать возможность для восстановления связи основной части еврейского населения Палестины/Эрец-Исраэль с теми, кто жил в Иерусалиме, поэтому овладение деревней Дир-Ясин было включено в план операции, подготовленной организацией «Хагана», получившей название «Нахшон». Эта операция продолжалась с 3 по 15 апреля 1948 года, и в ходе нее было захвачено двенадцать арабских деревень на подступах к Иерусалиму; Дир-Ясин был одной из них. В Иерусалиме в то время отряды ЭЦЕЛЯ, ЛЕХИ и «Хаганы» действовали в координации между собой, но обособленно, и захват Дир-Ясина показался правильным командиру ЛЕХИ в Иерусалиме Йехошуа Зелтеру, договорившемуся о совместном ведении этой операции с командиром ЭЦЕЛЯ в Иерусалиме Мордехаем Раананом (Кауфманом). Силами ЭЦЕЛЯ в операции командовал Бен-Цион Коэн, а силами ЛЕХИ – Птахия Зелибанский¹⁶⁸. Командиры «Хаганы» в Иерусалиме были поставлены в известность об этой операции и не только не выразили никакого протеста против ее проведения, но и выделили участвовавшим в

¹⁶⁷ Yoav Gelber, *Palestine, 1948: War, Escape and the Emergence of the Palestinian Refugee Problem* (Brighton: Sussex Academic Press, 2006), pp. 308–309.

¹⁶⁸ Элиэзер Таубер, *Дир-Ясин: конец мифа* (Модиин: «Кинерет – «Змора-Битан», 2017), стр. 67 и 72.

ней бойцам одиннадцать винтовок и полторы тысячи патронов¹⁶⁹. Более того, командующий иерусалимским округом «Хаганы» Давид Шалтиэль проинструктировал представителей ЛЕХИ и ЭЦЕЛЯ остаться в деревне после ее занятия, чтобы воспрепятствовать возвращению туда вооруженных арабских жителей и их иракских «гостей».

Непосредственно в день проведения операции Й. Зелтер и М. Раанан (Кауфман) встречались с одним из офицеров «Хаганы» Акивой Азулаем для совместного обсуждения ситуации, в результате чего было принято решение об усилении нападавших бойцами ПАЛЬМАХа. Позднее Д. Шалтиэль утверждал, что не санкционировал участие бойцов «Хаганы» и ПАЛЬМАХа в этой операции, но даже если это и было так, сам факт их участия не вызывает сомнений, поэтому говорить о каком-либо «самоуправстве раскольников» совершенно невозможно. Невозможно говорить и о сознательном хладнокровном массовом убийстве: с самого начала операции по громкоговорителю, задействованному из бронемашины, жителям было предложено отступить по открытому безопасному коридору в Эйн-Карем; решение о создании такого коридора было принято лично Мордехаем Раананом (Кауфманом).

Поименный анализ убитых в тот день свидетельствует, что погибли 101 арабский житель деревни и пятеро захватывавших ее воинов еврейских боевых подразделений¹⁷⁰; не было никакой «резни» ни во

¹⁶⁹ Там же, стр. 100.

¹⁷⁰ Там же, стр. 115–127.

время захвата деревни, ни после нее. Не было и сознательного массового разрушения домов, хотя четыре или пять зданий, из которых велся огонь по нападавшим, были взорваны. Среди погибших было шестьдесят мужчин и сорок одна женщина¹⁷¹. Разумеется, невозможно определить это событие иначе как трагедию, однако среди примерно пятнадцати тысяч жертв Арабо-израильской войны 1948–1949 годов, люди, погибшие в Дир-Ясине, не составляли и одного процента.

Давиду Бен-Гуриону была передана полная информация о произошедшем практически сразу же – как от Давида Шалтиэля, так и, насколько известно, от Шимона Муниты, который был внедрен в ЛЕХИ по приказу командования «Хаганы», будучи фактически негласным информатором в их рядах; позднее он служил в ПАЛЬМАХе и в разведке Армии обороны Израиля. *Несмотря на то, что Д. Бен-Гурион прекрасно знал, что никакого «самоуправства раскольников» и никакого сознательного массового убийства гражданского населения в Дир-Ясине не было и в помине, именно в этом он обвинил бойцов ЛЕХИ и ЭЦЕЛЯ с целью их нравственной демонизации и политической дискредитации.*

Д. Бен-Гурион, разумеется, и не думал приглашать арабов вернуться в Дир-Ясин, как он не думал выполнять план, предложенный Ф. Бернадотом, однако тем, кто расправился с Ф. Бернадотом, и тем, кто занял Дир-Ясин, предотвратив возможность его использования для

¹⁷¹ Там же, стр. 139.

проведения антиизраильских боевых акций, Д. Бен-Гурион объявил войну. Очевидно, что убийство в Иерусалиме Фольке Бернадота было событием в высшей степени трагическим, однако убийство в том же городе Якоба Исраэля де Хаана было событием не менее печальным, а его санкционировал никто иной, как Ицхак Бен-Цви, бывший одним из ведущих лидеров так называемого «рабочего движения» и одним из ближайших соратников Давида Бен-Гуриона. Захват Дир-Ясина и изгнание его жителей, разумеется, не вписывались в нормы гуманитарного права, однако захват городов Лод и Рамле и изгнание десятков тысяч их жителей не вписывались в эти нормы в той же мере, но военачальников, руководивших этой акцией, в частности Моше Даяна, силы под командованием которого первыми атаковали Лод, а также Игаля Алона и Ицхака Рабина, бывших командирами всей этой операции, получившей название «Дани», Давид Бен-Гурион всячески поддерживал, ценил и продвигал. *Лидеры «рабочего движения» – и прежде всего сам Д. Бен-Гурион – повторяли раз за разом, как важно избежать какой бы то ни было политизации деятельности израильских вооруженных сил, но именно они сделали для этой политизации больше, чем все их оппоненты, вместе взятые.*

В последние годы своего правления в Палестине/Эрец-Исраэль англичане арестовали и выслали в Африку ряд видных фигур ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ, которые искали любые возможности оттуда бежать, чтобы присоединиться к борьбе за свободу и независимость своей

исторической родины. Первому удалось бежать Элияху Ланкину, который сумел через Аддис-Абебу добраться до Франции. Там он 1 февраля 1948 года получил взволнованное письмо от Менахема Бегина, который выразил мнение, что «большая война не на жизнь, а на смерть» приближается с неизбежностью, и может случиться, что уникальная историческая возможность воссоздания еврейской государственности будет упущена на многие поколения. М. Бегин обратился к Э. Ланкину с настоятельной просьбой отложить все иные дела и искать, где можно приобрести оружие¹⁷². При этом нужно понимать, что финансовые возможности ЭЦЕЛЯ были крайне ограниченными, и фактически, речь шла не столько о покупке оружия, сколько о необходимости раздобыть его бесплатно – иными словами, нужно было найти идейных единомышленников, располагающих арсеналами вооружений, которыми они готовы будут поделиться безвозмездно.

Задачу эту ни с какой стороны не назовешь простой и тривиальной, однако Э. Ланкину и его соратникам ее удалось блестяще выполнить. Две группы подпольщиков увидели в представителях ЭЦЕЛЯ идейных единомышленников: во-первых, испанские анархисты и антифранкисты, а во-вторых, ветераны французского Сопротивления, сохранившие немалые запасы оружия со времен Второй мировой войны, с момента окончания которой к тому времени не прошло и трех лет. И те, и другие видели в ЭЦЕЛЕ и его бойцах таких же борцов за

¹⁷² См.: Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин*, стр. 183.

свободу и независимость своей родины, как они сами, а потому с их помощью эмиссары ЭЦЕЛЯ могли получить столь необходимое им оружие без того, чтобы где-то искать отсутствовавшие в кассе движения деньги, чтобы оплатить его.

Во Франции неожиданно большое значение обрел фактор традиционной вражды и недоверия к англичанам. В 1946 году в Париж прибыл симпатизировавший ЭЦЕЛЮ предприниматель Шмуэль Ариэль (урожденный Зильбердик, 1902–1953). Будучи выпускником Женевского университета, где он получил докторскую степень по химии, он свободно говорил по-французски и сумел наладить крайне продуктивный контакт с французскими официальными лицами. Благодаря этому бежавшие из британских лагерей для интернированных в Африке Элияху Ланкин, Арье Бен-Элиэзер и будущий глава правительства Израиля Ицхак Шамир смогли добраться до Франции и чувствовать себя там в безопасности. Более того, французские власти согласились не только не препятствовать, но непосредственно содействовать передаче оружия представителям ЭЦЕЛЯ. При этом власти настаивали на том, что это оружие может быть отправлено из Франции в еврейское государство только после официального завершения периода британского мандата, то есть после 15 мая 1948 года.

Детали передачи оружия (а речь шла об огромном арсенале, включавшем 5 тысяч винтовок, 250 пулеметов и

пять миллионов патронов¹⁷³) были согласованы задолго до окончания срока мандатного правления, однако всё оно оставалось на территории Франции – и бойцам ЭЦЕЛЯ в Палестине/Эрец-Исраэль никак и ничем не помогало. Для сравнения имеет смысл указать, что на момент провозглашения независимости Государства Израиль в распоряжении «Хаганы» было менее 22 тысяч винтовок, чуть более десяти тысяч автоматов, менее чем тысяча триста пулеметов¹⁷⁴, то есть оружие, которое доставлял в страну ЭЦЕЛЬ, разумеется, не могло изменить положение дел на фронтах кардинальным образом, однако весь этот арсенал нельзя не признать очень значительным.

Было решено, что корабль с оружием выйдет в море не из Марселя, а из бухты Пор-де-Бук, находящейся примерно в пятидесяти километрах к западу; население этого городка едва превышало в то время шесть тысяч человек, что позволяло надеяться на сохранение секретности миссии. Элияху Ланкин вспоминал позднее, что когда 9 июня 1948 года судно готовилось к отплытию, французские власти полностью освободили бухту Пор-де-Бук от других кораблей. Поскольку, с одной стороны, «Альталена» была достаточно большим кораблем (она была приобретена за 131 тысячу долларов на собранные

¹⁷³ См.: Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин*, стр. 184. М. Бар-Зохар, называя то же число винтовок и пулеметов, указывает число патронов в три миллиона (см.: Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион*, книга 1, стр. 412).

¹⁷⁴ Йехуда Слуцкий, *Хагана – еврейская боевая организация в Эрец-Исраэль*, книга II, стр. 365–366.

«ревизионистами» деньги в США, а ее капитаном был бывший лейтенант американских военно-морских сил Монро Фейн), а, с другой стороны, в то время в Европе было множество людей, пытавшихся любыми путями добраться до только что возникшего еврейского государства, то было решено, что корабль возьмет на борт всех желающих связать свою судьбу с Эрец-Исраэль. Среди 940 пассажиров корабля были 120 женщин, а также ряд видных деятелей ЭЦЕЛЯ, в том числе сам Э. Ланкин, д-р Ш. Ариэль, А. Ставский и будущий председатель израильского парламента Дов Шилианский (1924–2010), который смог выжить в нацистском лагере уничтожения Дахау, а после окончания войны был активистом ЭЦЕЛЯ в Германии и Италии.

Насколько можно судить, М. Бегин не верил информации, которую он получал от представителей ЭЦЕЛЯ во Франции. То количество оружия, о котором они сообщали, разумеется, в зашифрованной форме, в пересылаемых ему депешах, казалось ему настолько фантастическим, что он считал, что его соратники выдают желаемое за действительное. Только когда непосредственно 15 мая 1948 года, сразу же после провозглашения независимости Израиля, в страну вернулись находившиеся в вынужденном изгнании командиры ЭЦЕЛЯ Яаков Меридор, Шмуэль Кац и Эйтан Ливни, а также ближайший соратник Ари-Теодора Жаботинского Хиллель Кук (1915–2001), которые подробно рассказали Бегину о том, чего удалось достичь, он поверил в то, что потрясающие достижения его соратников – не иллюзия, а реальность.

Произошедшие сразу после этого события отчетливо свидетельствовали о том, насколько ни о каком «раскольничестве» изначально и речи идти не могло. Как только М. Бегину стало известно, что корабль вышел из Франции в Израиль, он обратился к своим многолетним идейным оппонентам с предложением о сотрудничестве. В ночь с 15 на 16 июня в штабе ЭЦЕЛЯ в Тель-Авиве состоялось совещание, в котором участвовали не только Менахем Бегин, Яаков Меридор и их соратники по руководству ЭЦЕЛЯ, но и двое близких союзников Давида Бен-Гуриона – Исраэль Галили (урожденный Берченко, 1911–1986) и Леви Эшколь (урожденный Школьник, 1895–1969); заслуживает упоминания тот факт, что именно Л. Эшколь пятнадцать лет спустя сменил Д. Бен-Гуриона на посту главы правительства Израиля. Об этой встрече И. Галили и Л. Эшколь уже наутро сообщили Д. Бен-Гуриону, предоставив ему полную информацию о находившихся на борту людях и вооружении¹⁷⁵.

¹⁷⁵ Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион*, книга 1, стр. 413.

Сорок лет назад была издана книга: Ури Бреннер, *Альталена. Политическое и военное исследование* (Институт истории рабочего движения им. Табенкина, 1978 [на иврите]). К сожалению, хотя автор работал над этой монографией много лет, подача им материала и выводы крайне искажены и политизированы. В процессе работы над книгой в 1969–1977 гг. он проинтервьюировал 173 человека, но не считал нужным ни разу встретиться с Менахемом Бегиним! Восстановление событий и их анализ в настоящей книге кардинально отличаются от монографии Ури Бреннера, которая, к сожалению, на долгие

Впоследствии многие – без всяких на то оснований – упрекали ЭЦЕЛЬ, и лично М. Бегина, в том, что само прибытие этого корабля, являясь нарушением вступившего в силу 11 июня перемирия и введенного эмбарго на поставки оружия противоборствующим сторонам, поставило новосозданное Государство Израиль в чрезвычайно сложное с дипломатической точки зрения положение. В различных публикациях утверждалось, будто Д. Бен-Гурион вообще не хотел, чтобы этот корабль прибывал в Израиль, а М. Бегин, настаивая на этом, якобы бросил вызов самим основам израильской государственности. В других, столь же недостоверных публикациях, утверждается, будто «Альталена» шла в Израиль при неведении М. Бегина, которого якобы подставили его собственные товарищи по борьбе.

Действительность, однако, была совершенно другой: еще 16 июня руководители ЭЦЕЛЯ предложили Исроэлю Галили и Леви Эшколю два варианта возможного развития событий: либо прибытие судна из Франции максимально быстро, либо вынужденная демонстративная остановка где-то в нейтральных водах и ожидание там до тех пор, пока прекращение огня не будет сорвано (в том, что это случится, причем довольно скоро, не сомневался практически никто)¹⁷⁶. Тогда же, 16 июня, Исроэль Галили информировал Менахема Бегина о том, что правительство

годы стала в израильской научной и научно-популярной литературе основным источником информации по данной трагической главе национальной истории.

¹⁷⁶ См.: Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин*, стр. 186.

согласно на скорейшее прибытие «Альталены» и даже определило место для разгрузки судна – небольшой берег Кфар-Виткин, где никаких инспекторов и наблюдателей ООН не было¹⁷⁷. Слова биографа Д. Бен-Гуриона М. Бар-Зохара не оставляют никаких сомнений в этом: «С той самой минуты, как Галили и Эшколь сообщили ему о корабле ЭЦЕЛя, Д. Бен-Гурион стал думать над тем, каким образом можно разгрузить оружие, не привлекая внимание наблюдателей ООН: “Зифштейн [директор тель-авивского порта] полагает, что за ночь можно будет выгрузить всё, – записал он в дневнике. – По-моему, нельзя подвергать риску тель-авивский порт. Судно нельзя возвращать. Надо подвести его к берегу незаметно”»¹⁷⁸.

На заседании правительства, состоявшемся 20 июня 1948 года, министр иностранных дел Моше Шарет выразил опасение, что прибытие корабля, направленного ЭЦЕЛем, взорвет согласованное 11 июня и более или менее соблюдавшееся с тех пор перемирие. М. Шарет также сообщил, что по его данным, «факт следования этого корабля с оружием известен в мире, и у нас нет никакой уверенности в том, что это не обнаружат представители ООН, поэтому мы должны решить, как нам поступать»¹⁷⁹.

Давид Бен-Гурион воспринимается в Израиле, в значительной мере, безусловно, справедливо, как отец-

¹⁷⁷ См. там же, стр. 187.

¹⁷⁸ Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион*, книга 1, стр. 413–414.

¹⁷⁹ Цит. по: Давид Бен-Гурион, *Обновленное Государство Израиль*, том I, стр. 179–180 [на иврите].

основатель государства, находящийся в связи с этим выше любой критики. Могут выражаться сомнения в тех или иных его отдельных поступках, но ни в коем случае не в самом стиле его руководства как таковом. *Однако именно в этом, в стиле руководства Давида Бен-Гуриона, и состояла главная проблема!* Сложно сказать наверняка, с чем это было связано, но после лондонских переговоров с В.Е. Жаботинским осенью 1934 года, Д. Бен-Гурион не встречался ни с кем из «первых лиц», с кем ему, очевидно, имело бы смысл говорить напрямую. В критические месяцы, предшествовавшие провозглашению еврейского государства, Давид Бен-Гурион дважды делегировал на встречу с королем Трансиордании Абдаллой Голду Меир, но по каким-то причинам, которые нельзя ни понять, ни оправдать, не встретился с ним сам ни тогда, ни впоследствии. Как ни трудно в это поверить, с королем Трансиордании на протяжении многих лет встречались самые разные представители еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль и Государства Израиль, которые подробно и обстоятельно докладывали Д. Бен-Гуриону о своих переговорах, но сам Д. Бен-Гурион в них, насколько известно, никогда не участвовал. Учитывая статус короля как первого лица своей страны, встреча с ним Давида Бен-Гуриона явно не была бы нарушением «табели о рангах»; в октябре 1947 года эмиссар короля, направленный в Иерусалим, предложил организовать его встречу с Д. Бен-Гурионом, однако – и этому трудно найти иное объяснение кроме боязни брать ответственность за

действия, успех которых не был очевиден – Д. Бен-Гурион делегировал на встречу с Абдаллой Голду Меир¹⁸⁰. За считанные дни до провозглашения израильской государственности, когда вопрос участия или неучастия Трансjordании в нападении на Израиль имел поистине судьбоносное значение, Д. Бен-Гурион вновь делегировал к королю Голду Меир, миссия которой закончилась провалом. Аргумент о большем профессиональном или личном соответствии Г. Меир этой миссии не может быть принят, ибо она, равно как и сам Д. Бен-Гурион, не владела арабским языком, а делегирование женщины на переговоры с арабским монархом, особенно в то время, едва ли было венцом дипломатического прагматизма. Уже завершив пребывание в должности главы правительства Израйля, Д. Бен-Гурион опубликовал обстоятельный квазимемуарный том, озаглавленный *My Talks with Arab Leaders*. В этой книге обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство описанных автором переговоров вел отнюдь не Давид Бен-Гурион, а Хаим Вейцман, Моше Смилянский, Иехуда-Лейб Магнес, Моше Шарет и другие. Особенно потрясает тот факт, что Д. Бен-Гурион, посвятив 265 страниц переговорам 1919–1939 годов, не нашел нужным сказать вообще ничего о восьми последующих годах! Событиям 1947–1953 годов он уделил лишь пять страничек, в которых цитировал дипломатические документы, комментируя их, но не сказал ни слова о том, чему, собственно, если верить

¹⁸⁰ См.: Yoav Gelber, *Jewish–Transjordanian Relations, 1921–1948* (London: Frank Cass, 1997), p. 232.

заголовку, посвящена его книга – его переговорам с арабскими лидерами¹⁸¹. В период с 1939 по 1953 год у лидера Еврейского агентства и главы правительства Государства Израиль немного могло быть задач более важных, чем ведение переговоров с арабскими лидерами, особенно теми, которые к таким переговорам были готовы. Однако Давид Бен-Гурион самоустранился от этой важнейшей задачи. Сложно сказать, было ли бы в силах Давида Бен-Гуриона убедить эмира Абдаллу не участвовать в нападении на Израиль и, таким образом, спасти жизни нескольких тысяч человек, евреев и арабов, погибших в ходе боев, однако ничем нельзя объяснить тот факт, что он даже не предпринял подобной попытки.

Аналогичным образом Давид Бен-Гурион, будучи руководителем так называемого «рабочего движения», по неведомым причинам не встречался с Менахемом Бегинным, бывшим очевидным лидером в стане его идеологических оппонентов внутри страны. За четыре с половиной года, которые он возглавлял ЭЦЕЛЬ, Менахем Бегин ни разу не удостоился приглашения на личную встречу с Давидом Бен-Гурионом. Можно было бы предположить, учитывая вражду к М. Бегину со стороны так называемого «рабочего движения», что его руководители по этой причине не встречались с командиром ЭЦЕЛЯ. Это предположение, однако, является фактически ошибочным. Еще в августе 1944 года

¹⁸¹ См.: David Ben-Gurion, *My Talks with Arab Leaders* (Jerusalem: Keter, 1972), pp. 266–270.

с М. Бегиним встретился Моше Даян¹⁸², который был настолько близок к Д. Бен-Гуриону, что впоследствии был назначен им главой Генерального штаба израильской армии, причем на этом посту он оставался пять лет – больше, чем кто бы то ни было из израильских военачальников за всю историю страны. Уже тогда Элияху Ланкин, встречавшийся с идеологом «Хаганы» Элизером Ливне, предложил организовать встречу М. Бегина с Д. Бен-Гурионом, который, однако, от нее уклонился¹⁸³, делегировав вместо себя тогдашнего главу штаба «Хаганы» Моше Снэ. Встреча между ними состоялась 8 сентября 1944 года и продолжалась три часа; уже назавтра М. Снэ представил скрупулезный отчет о ней, однако Д. Бен-Гурион ограничился тем, что прочел его, сам так и не решившись встретиться с М. Бегиним напрямую.

Похожим же образом события развивались и в июне 1948 года, когда Давид Бен-Гурион – человек, принимавший ключевые решения, последствия которых оказались глубоко трагическими, – вновь самоустранился от прямых контактов, опираясь на информацию, получаемую им от Исраэля Галили и других своих соратников. И. Галили находился в постоянной связи с Д. Бен-Гурионом, который слал ему письменные инструкции по данному вопросу и среди ночи¹⁸⁴, однако, если принять точку зрения Д. Бен-Гуриона и его

¹⁸² См.: Ави Шилон, *Бегин*, стр. 65.

¹⁸³ Менахем Бегин, *Восстание* (Тель-Авив: «Ахисаф», 1956), стр. 193–194 [на иврите].

¹⁸⁴ Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион*, книга 1, стр. 417–418.

соратников о том, что «ревизионисты» якобы поставили страну на грань гражданской войны, совершенно непонятно, что мешало ему приложить усилия для ее предотвращения. *Записка, отправленная Давидом Бен-Гурионом Израэлю Галили в ночь с 20 на 21 июня свидетельствует о том, что лидер «рабочего движения» искал пути не к урегулированию ситуации, а, наоборот, к эскалации конфликта, что давало ему циничную возможность физической расправы над своими идейно-политическими противниками: «На этот раз невозможно искать никаких компромиссов. Или они принимают приказы и выполняют их – или надо стрелять. Я возражаю против любых переговоров с ними, против любого соглашения. Период переговоров прошел безвозвратно». Следует еще раз напомнить, что этот «безвозвратно прошедший период» сам Д. Бен-Гурион и не начинал, ни разу не пригласив к себе ни М. Бегина, ни кого бы то ни было другого из руководителей ЭЦЕЛЯ.*

В этой связи лишь желанием любой ценой выгородить «святого» Д. Бен-Гуриона можно объяснить мнение, отстаиваемое Ури Мильштейном, согласно которому «Галили и министры от партии МАПАМ убедили» доверчивого главу правительства, «что ЭЦЕЛЬ концентрирует силы для организации “путча” и захвата власти»¹⁸⁵. На самом деле именно Д. Бен-Гурион был инициатором силового решения созданного им самим сознательно и практически на пустом месте

¹⁸⁵ Ури Мильштейн, *Рабин: рождение мифа* / пер. с иврита (Иерусалим: «Сридуг», 1997), глава 41(2).

конфликта. Боясь, что его не поймут столь буквально, как он хотел, Д. Бен-Гурион добавил в цитируемой выше записке И. Галили: «Если есть сила – надо применить силу без колебаний. И немедленно»¹⁸⁶.

Повторим это еще раз: введенный ООН режим эмбарго на поставки оружия точно беспокоил Д. Бен-Гуриона не в большей мере, чем он беспокоил командиров ЭЦЕЛЯ; от находившегося на корабле «Альталена» оружия Д. Бен-Гурион совершенно не хотел отказываться, думая исключительно о том, как провести разгрузку оружия, не привлекая внимания международных наблюдателей. *Трагедия последующего расстрела этого судна, приведшая к гибели шестнадцати человек и затоплению части его арсеналов, была следствием исключительно личной ненависти Д. Бен-Гуриона к М. Бегину и его единомышленникам и стремления разгромить в зародыше всякую возможность политической конкуренции.*

Д. Бен-Гурион отлично помнил и понимал, что именно потрясшее еврейское национальное движение убийство Хаима Арлозорова в 1933 году стало «причиной радикальных перемен, произошедших в относительной силе партий в сионистском движении, – напоминал он позднее в мемуарах. – В первый раз фракция Рабочей партии стала крупнейшей. На XVII Сионистском конгрессе в 1931 году Партия Труда смогла провести 69 делегатов из 240, а на XVIII Конгрессе в 1933 году она имела 132 делегата из 306. Фракция Общих сионистов сократилась с

¹⁸⁶ Цит. по: Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион*, книга 1, стр. 418.

80 делегатов до 70, а “ревизионистов” – с 47 до 40. Представители Партии Труда составили большинство исполкома Сионистской организации»¹⁸⁷. Ровно таким же образом оценивал события и находившийся совершенно с другой стороны политического спектра Ицхак Шамир: «Взрыв ненависти после убийства Арлозорова смог сделать, таким образом, то, чего не сделали все идейные споры между двумя лагерями перед этим. Партия Труда стала лидером сионистского движения, а В.Е. Жаботинский и его сторонники вновь вернулись на место изолированного меньшинства»¹⁸⁸. *Спустя пятнадцать лет Д. Бен-Гурион нуждался в событии столь же драматичном, как убийство Х. Арлозорова, чтобы вновь сокрушить своих оппонентов и остаться у власти на как можно более длительный срок, и уничтожение «Альталены» именно таким событием должно было стать.*

Совершенно очевидно, что в те трагические дни Д. Бен-Гурион руководствовался не общенациональными и даже не военными, а сугубо узкопартийными соображениями. Когда он писал, что «если есть сила, надо применить силу... и немедленно», им двигало исключительно желание нанести национал-либеральному лагерю сокрушительный удар, от которого он уже не сможет оправиться. Под завесой слов о необходимости обеспечить единство страны и ее армии, Д. Бен-Гурион толкнул только возникшее государство практически к гражданской

¹⁸⁷ См.: David Ben-Gurion, *My Talks with Arab Leaders*, p. 13.

¹⁸⁸ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 26.

войне исключительно ради реализации узких партийно-политических целей возглавляемого им лагеря.

Нужно сказать, что в подобный макиавеллизм Д. Бен-Гуриона не сразу поверили даже его соратники. Следует отметить, что менее чем за три недели до этого, 1 июня 1948 года, Менахем Бегин и Исраэль Галили подписали соглашение о том, что члены ЭЦЕЛЯ будут мобилизованы в Армию обороны Израиля, а их оружие и военное снаряжение будет передано единому армейскому командованию, которое распределит его, исходя из своего стратегического и тактического видения. ЭЦЕЛЬ и его командный состав обязались прекратить всякую деятельность в Государстве Израиль и на территориях, управляемых правительством Израиля. (Последняя оговорка была важна потому, что по предложению Д. Бен-Гуриона 12 мая 1948 года было принято решение не включать в Декларацию независимости Израиля точные указания на то, на какую именно территорию будет распространяться его суверенитет). При этом было согласовано сохранение обособленного существования батальонов ЭЦЕЛЯ в составе Армии обороны Израиля, а также сохранение штаба ЭЦЕЛЯ на месячный срок с целью организации призыва его бойцов в единую армию. Соглашение начало выполняться к полному удовлетворению руководства Армии обороны Израиля, пресс-служба которой сообщила 4 июня 1948 года, что отряды ЭЦЕЛЯ принимают участие в боях Войны за

независимость при полной координации с армейским командованием¹⁸⁹.

Это соглашение, однако, оставляло открытым вопрос о деятельности ЭЦЕЛЯ в Иерусалиме, который, согласно принятому Генеральной Ассамблеей ООН решению, должен был получить статус международного города (*corpus separatum*), а также в Иудее и Самарии (Западном берегу реки Иордан), Яффо, Северной Галилее и Северном Негеве, которые должны были, согласно тому же решению, войти в состав независимого арабского палестинского государства. Имел ли право ЭЦЕЛЬ самостоятельно действовать во всех этих районах, соглашение Бегина – Галили не устанавливало, ибо, по крайней мере, на тот момент, эти территории не входили в состав Государства Израиль и не управлялись правительством Израиля. Только 25 июля 1948 года, т.е. спустя более чем месяц после описываемых событий, израильское правительство приняло решение о распространении своих полномочий и израильского законодательства на оказавшиеся под контролем еврейских сил районы Иерусалима, не объявляя при этом об аннексии какой-либо части города¹⁹⁰. Учитывая эти обстоятельства, Менахем Бегин предложил, чтобы двадцать процентов всего оружия, находившегося на «Альталене», было выделено подразделениям ЭЦЕЛЯ, сражавшимся в Иерусалиме. Как вспоминал тогдашний

¹⁸⁹ Цит. по: Натан Янай, *Политические кризисы в Израиле*, стр. 27.

¹⁹⁰ См. там же, стр. 36.

соратник Д. Бен-Гуриона и его многолетний последователь Шимон Перес, «поскольку, в соответствии с планом раздела, Иерусалим официально находился вне территории, на которую распространялась юрисдикция Израиля, то Израэль Галили, представлявший Армию обороны Израиля, согласился с требованием М. Бегина»¹⁹¹. Ш. Перес признавал, что «Бегин формально не нарушал своего договора с Армией обороны Израиля, поскольку на Иерусалим, Иудею и Самарию не распространялся суверенитет Государства Израиль»¹⁹².

М. Бегин согласился на это, расформировав тем самым вооруженную структуру, созданную по инициативе его учителя, причем договор с И. Галили он подписал ручкой, которая в свое время принадлежала самому В.Е. Жаботинскому, что свидетельствовало о том, насколько большое значение он придавал этому – и как искренен он был в своих намерениях.

Однако подобная верность подписанному соглашению не отличала вторую сторону. Тут-то и стали ясны причины привычки Д. Бен-Гуриона уклоняться от ключевых переговоров. Хотя И. Галили подписал соглашение с М. Бегиним в качестве официального представителя властей нового государства, а затем согласился с планом М. Бегина по передаче двадцати процентов оружия с «Альталены» бойцам ЭЦЕЛЯ в

¹⁹¹ Шимон Перес, *Мой Бен-Гурион. Политическая биография*. Беседы с Давидом Ландау / пер. с иврита В. Радуцкого (Москва: «Гамма-пресс», 2013), стр. 135.

¹⁹² Там же, стр. 136.

Иерусалиме, он оказался вынужден отказаться от собственных слов под давлением Д. Бен-Гуриона, для которого какая бы то ни было возможность автономии ЭЦЕЛЯ и существования каких-либо структур, не подконтрольных ему самому, была категорически неприемлемой. Д. Бен-Гурион потребовал кардинального изменения согласованных параметров, требуя от своих идейных противников прекратить любую деятельность где бы то ни было.

Позднее Шмуэль Кац, бывший в 1948 году членом штаба ЭЦЕЛЯ, замечал: «Когда Бегин подготовил соглашение с правительством, то обязан был требовать именно от Бен-Гуриона подписи под этим договором. Соглашение-то было достигнуто с Галили и остальными, которые хотя и действовали по приказам Бен-Гуриона, но Бен-Гурионами не были ни в коем случае. Все решал Бен-Гурион». Однако М. Бегин этого не потребовал, ибо, как отметил Ш. Кац, «был очень наивен в политике. Именно в этом, в отношении к Бен-Гуриону, он ошибся»¹⁹³. Действительно, М. Бегин был в то время несравнимо менее опытным и искушенным политиком, чем Д. Бен-Гурион, но возможно ли было предусмотреть *такую* подлость?!

¹⁹³ Цит. по: Марк Зайчик, *Жизнь Бегина* (Москва: «Олимп», 2003), стр. 193.

3. По-над пропастью: расстрел «Альталены»

В ночь с субботы на воскресенье, 20 июня 1948 года, в половине четвертого ночи, «Альталена» прибыла на указанный израильским правительством берег Кфар-Виткин. Скоро должна была заняться заря, и за оставшееся до нее время разгрузить корабль не представлялось возможным. Находившиеся на корабле слышали крики с берега о том, что нужно уйти в открытое море и вернуться для разгрузки с наступлением темноты. Один из руководителей ЭЦЕЛЯ Хаим Ландау позвонил Давиду Коэну – офицеру Армии обороны Израиля, уполномоченному Исраэлем Галили поддерживать постоянную связь с ЭЦЕЛем, предложив ему, чтобы армейские подразделения оказали помощь в разгрузке судна и последующей передаче находившегося на нем оружия на склад, который бы охранялся совместным патрулем из солдат Армии обороны Израиля и бойцов ЭЦЕЛЯ. Хаим Ландау настаивал впоследствии на том, что Давид Коэн охарактеризовал это предложение как разумное и осмысленное; тот в свою очередь это позднее отрицал – скорее всего, просто из опасения вызвать гнев Д. Бен-Гуриона, который, как стало понятно почти сразу, искал не путь объединения прежних идеологических противников в единые политические и военные структуры во имя совместного противостояния общему врагу, а способ раз и навсегда расправиться с теми, кто угрожал его гегемонии.

Корабль «Альталена» вернулся к побережью Кфар-Виткин около девяти часов вечера того же дня. В связи со

своими параметрами, корабль не смог пришвартоваться непосредственно у берега, бросив якорь в сорока метрах от него. На берегу «Альталену» ждали Менахем Бегин и Яков Меридор, сразу севшие на катер и прибывшие на корабль. 940 человек, для которых рейс «Альталены» был дорогой на историческую родину, на трех больших катерах были доставлены на берег, после чего переправлены во временный лагерь для новых иммигрантов в городе Нетания. Тогда же силами добровольцев ЭЦЕЛЯ началась самостоятельная разгрузка оружия, находившегося на судне. Эта работа продвигалась медленно и не была закончена к началу светового дня. Пока бойцы ЭЦЕЛЯ разгружали драгоценное, во всех смыслах слова, оружие, с помощью которого они надеялись восстановить статус Иерусалима как еврейской столицы, по приказу Д. Бен-Гуриона бригада израильской армии окружила район Кфар-Виткин, полностью перекрыв возможность выхода оттуда людей или вывоза оружия. Командир бригады «Александрони» Дан Эвен (урожденный Эпштейн, 1912–1975), дослужившийся позднее до генеральского чина в израильской армии, вспоминал о приказе, полученном им от Исраэля Галили в присутствии начальника оперативного отдела Генерального штаба Игаля Ядина (урожденный Сукеник, 1917–1984). Д. Эвену, по его словам, было сказано: «ЭЦЕЛЬ доставил корабль с оружием к берегу Кфар-Виткин... ЭЦЕЛЬ нарушил договор с нами, не сообщив дату и место прибытия корабля». Отсюда вытекал полученный приказ «захватить

корабль»¹⁹⁴. Похожие воспоминания оставил Моше Даян: «Я был в этот период командиром только что сформированного батальона спецназа. Однажды меня вызвал командир бригады Ицхак Саде. Он сказал мне, что неожиданно разразился серьезный кризис в отношениях между ЭЦЕЛем, руководимым М. Бегиним, и правительством, возглавляемым Д. Бен-Гурионом. Ицхак Саде сообщил мне, что ЭЦЕЛЬ доставил к берегам Израиля судно с грузом оружия на борту, и что руководство этой организации намеревалось распределить это оружие между своими людьми и создать независимые вооруженные силы, которые не станут согласовывать своих действий с правительством». М. Даян добавил, что «армия получила приказ конфисковать это оружие, а в случае необходимости применить силу и открыть огонь. ... Было решено поручить выполнение этого задания моему батальону. ... Я заверил командира бригады, что мы выполним приказ правительства»¹⁹⁵.

Если верить этим словам генералов Д. Эвена и М. Даяна, то приходится признать, что И. Галили и И. Саде представили полностью искаженную картину действительности, обвинив ЭЦЕЛЬ в том, что он якобы тайно привел корабль к тому самому берегу, который лично И. Галили и его подчиненные определили как место наиболее желательной швартовки и разгрузки корабля. Д. Эвен и М. Даян, не будучи участниками переговоров с

¹⁹⁴ Цит. по: Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин*, стр. 188.

¹⁹⁵ Моше Даян, *Жизнь с Библией* [1979] / пер. с англ. Н. Бартман (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1986).

активистами ЭЦЕЛЯ, конечно могли поверить этой дезинформации и, поэтому, согласились выполнить приказ, который с юридической точки зрения сложно определить иначе, как «заведомо незаконный», однако тот, кто отдавал его, не мог не понимать, что нарушает все мыслимые и немыслимые договоренности. Шимон Перес вспоминает, что Д. Бен-Гурион набросился с нападками лично на М. Бегина в ходе заседания правительства, на котором М. Бегин, разумеется, не присутствовал и не мог ответить: «Господин Бегин не будет делать то, что ему в голову взбредет... Если он не подчинится, мы откроем огонь»¹⁹⁶. Именно в этом состоял ужасный план Д. Бен-Гуриона и, к сожалению, среди его соратников не нашлось никого, кто захотел бы и смог остановить его реализацию.

Протоколы заседаний Временного правительства Израиля, которое обсуждало данный вопрос три раза – 20, 22 и 23 июня 1948 года, свидетельствуют, что лично Д. Бен-Гурион проталкивал наиболее милитантные шаги в отношении корабля «Альталена», хотя предложение арестовать Менахема Бегина было сделано не им, а министром от социалистической Объединенной рабочей партии (МАПАМ) Мордехаем Бентовым (урожденный Гутгельд, 1900–1985)¹⁹⁷. Открывая обсуждение этого вопроса в правительстве, Д. Бен-Гурион сразу же охарактеризовал его как «беспрецедентно

¹⁹⁶ Шимон Перес, *Мой Бен-Гурион*, стр. 136.

¹⁹⁷ Цит. подлинник протокола заседания Временного правительства Израиля от 20 июня 1948 года, стр. 52 [на иврите] // Государственный архив Израиля, Иерусалим.

возмутительный». Чтобы соратники по правительству, и прежде всего озабоченный внешнеполитическими формальностями М. Шарет, его поняли правильно, Д. Бен-Гурион сразу же предупредил, что он «не обсуждает сейчас вопрос с точки зрения нарушения условий перемирия с нашей стороны и проблем, в которые мы окажемся втянуты в международных отношениях в связи с этим». Д. Бен-Гурион, который, как указывалось выше, очень хотел, чтобы все это оружие в Израиль было доставлено и на вооружение армии поступило, мотивировал эту свою позицию странным утверждением: «Меня не интересует политика во время войны». На заседание правительства он вызвал генералов Исраэля Галили и Игаля Ядина (Сукеника), и первый же вопрос, который он им задал, звучал так: «Есть ли у нас достаточно сил, которые мы можем собрать [против них]?»¹⁹⁸. Получив ответ от И. Ядина, что можно собрать на берегу Кфар-Виткин (о том, что корабль идет именно туда, было сказано с самого начала и никаких сомнений в этом ни у кого из присутствовавших не было) шестьсот человек, Д. Бен-Гурион потребовал уточнений, спросив, успеет ли верная ему армия сорганизоваться в столь сжатые сроки¹⁹⁹ (прибытие корабля ожидалось в девять вечера того же дня); И. Ядин признал, что не может это гарантировать. Более того, не желая, с одной стороны, объявлять о неподчинении решениям правительства, а с другой стороны, брать на себя ответственность за участие армии в

¹⁹⁸ Там же, стр. 53.

¹⁹⁹ Там же, стр. 54.

сугубо политической разборке с идеологическими оппонентами «рабочего движения», И. Ядин выразил мнение, что если будет принято решение о проведении подобной боевой операции, рядом с ее командующим должен находиться представитель правительства²⁰⁰.

Несколько министров выразили очевидное несогласие с тем вектором развития событий, к которому подталкивал Д. Бен-Гурион. Представлявший Сефардский список министр полиции Бехор-Шалом Шитрит (1895–1967) выразил опасения, что такое развитие событий будет расценено как нарушение Израилем согласованного прекращения огня²⁰¹. Министр по делам религии, раввин Иехуда-Лейб Фишман-Маймон (1875–1962) отметил, что сама «возможность начала боя представляет собой вещь крайне опасную для обеих сторон». Он указал, что «можно собрать силы, достаточные, чтобы они выглядели угрожающе, и этим и ограничиться». Д. Бен-Гурион тут же выразил свое категорическое несогласие с данным «недостаточно решительным» предложением: «Угрожать можно только тогда, когда есть готовность и к действиям... В угрозе есть смысл только когда она серьезная»²⁰².

Д. Бен-Гуриону удалось на этом же заседании добиться принятия решения, согласно которому правительство уполномочивало армейское командование на проведение силовой операции против корабля ЭЦЕЛЯ в случае, если удастся собрать достаточно войск для этого.

²⁰⁰ Там же, стр. 55.

²⁰¹ Там же, стр. 55.

²⁰² Там же, стр. 56.

И.Л. Фишман-Маймон поинтересовался, будет ли предварительно послано уведомление М. Бегину, имея в виду избежать кровопролития. Д. Бен-Гурион дал на это положительный ответ, никак, однако, не конкретизировав, как именно, кем и в какой форме это будет сделано²⁰³. Д. Бен-Гуриону было достаточно пробитого им решения; ничто другое его уже не интересовало. В отличие от представителей религиозных сионистов и тех, кого было принято относить к «гражданскому блоку», стремившихся избежать совершенно лишнего, ничем не оправданного кровопролития, с одной стороны, и Моше Шарета, крайне озабоченного вопросом выполнения Израилем взятых на себя внешнеполитических обязательств, с другой стороны, Давид Бен-Гурион стремился любой ценой достичь одной единственной цели: разгрома своих политических оппонентов, и никакие соображения не могли отвлечь его от этого. Биограф Д. Бен-Гуриона М. Бар-Зохар выделил следующую психологическую черту первого главы израильского правительства: «Он знал лишь один путь бороться с препятствиями, встающими на его пути – штурмовать их и уничтожить»²⁰⁴. Именно так он действовал и в этот раз.

Мы не до конца знаем, как и кем именно был составлен текст ультиматума, который направил Дан Эвен в 1.15 ночи 21 июня 1948 года Менахему Бегину, однако не приходится сомневаться в том, что таковой не мог не быть согласован с Давидом Бен-Гурионом. Этот ультиматум

²⁰³ Там же, стр. 58.

²⁰⁴ Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион*, книга 1, стр. 275.

гласил: «Согласно особому приказу начальника Генерального штаба Армии обороны Израиля, я настоящим объявляю об экспроприации всего оружия и боеприпасов, прибывших к берегам Государства Израиль в районе, находящемся под моим командованием, и передаче их в распоряжение правительства Израиля. Требую от Вас немедленного исполнения этого приказа»²⁰⁵. В совершенно унижительной форме М. Бегину было предоставлено лишь десять минут на размышление.

Сам М. Бегин был шокирован: не присутствовал на заседании правительства и ни разу не имея возможности переговорить о происходящем ни лично, ни хотя бы по телефону с самим Д. Бен-Гурионом, он полагал, что имеет место какое-то недоразумение, ответив офицеру, доставившему ему этот ультиматум, что «такие вопросы не решаются за десять минут»²⁰⁶. А. Паглин был крайне взволнован той концентрацией войск, которую невозможно было не видеть, предложив М. Бегину два возможных варианта: либо вернуть на корабль то оружие, которое к тому времени уже было из него выгружено, после чего уйти в открытое море, либо же распечатать ящики и раздать винтовки, автоматы и пулеметы находившимся на судне и прибывшим встретить его бойцам ЭЦЕЛЯ. М. Бегин считал, что беспокойство его соратника является совершенно излишним, ответив ему: «Ты просто устал. Никто не будет стрелять в нас»²⁰⁷. И

²⁰⁵ Цит. там же, стр. 417.

²⁰⁶ См.: Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин*, стр. 188.

²⁰⁷ Цит. там же, стр. 189.

после пяти лет подпольной борьбы М. Бегин даже не подозревал, на что способны его политические оппоненты...

А. Паглин отказывался считать себя беспричинным истериком, впервые за пять лет фактически взбунтовавшись против своего командира: «Если Вы не согласны с моей оценкой ситуации, разбирайтесь с ней без меня». Учитывая, что сам М. Бегин был глубоко гражданским человеком и не мог выполнять роль военного командира, место А. Паглина занял Я. Меридор, чья оценка ситуации в целом не отличалась от мнения А. Паглина. М. Бегин же по-прежнему оставался в плену своих иллюзий в отношении благородства своих политических оппонентов. Я. Меридор настаивал на том, что ситуация опасна, и что М. Бегину нужно покинуть берег, однако руководитель ЭЦЕЛЯ возразил, что ему вначале необходимо выступить перед сторонниками и активистами, подробно рассказав им о его переговорах с представителями правительства, которые не давали никаких поводов к насилию.

Однако именно правдивые слова М. Бегина власти, как оказалось, совершенно не готовы были ни слушать сами, ни давать слушать другим. Когда представители ЭЦЕЛЯ стали собираться для того, чтобы перед ними выступил руководитель организации, по ним был открыт огонь. Э. Ланкин вспоминал: «Люди встали рядами, и Менахем начал говорить, и в это самое время раздался громкий гул выстрелов из винтовок, автоматов, артиллерийских орудий – все сразу, одновременно, в полную силу. Менахем тут же сказал всем разойтись и

занять оборонительные позиции»²⁰⁸. Я. Меридор остался командиром бойцов ЭЦЕЛЯ на берегу, а М. Бегин и Э. Ланкин на катере направились на «Альталену», рядом с которой находились два корвета военно-морских сил израильской армии. Огонь велся как по «Альталене», так и по катеру, в котором находились М. Бегин и Э. Ланкин. Бойцы ЭЦЕЛЯ открыли ответный огонь. Тогда, в ночь на 21 июня, погибли шесть бойцов ЭЦЕЛЯ и двое солдат израильской армии.

Вспоминая эти события впоследствии, Моше Даян писал: «У меня было тяжело на сердце. Мне никогда не могло прийти на ум, что может сложиться ситуация, при которой армия Израиля будет вынуждена воевать против евреев. Но я не сомневался в том, что должен выполнить этот приказ. Бен-Гурион был не только наделен высшей властью в стране в качестве главы правительства. В моих глазах он обладал также непререкаемым личным авторитетом»²⁰⁹. Именно такие люди были нужны Д. Бен-Гуриону: бесконечно преданные и боготворившие его лично – и готовые выполнить любой его приказ, пусть даже сами они чувствовали в связи с этим большое внутреннее беспокойство. Едва ли будет преувеличением сказать, что именно тогда, 21 июня 1948 года, Моше Даян «заработал» в глазах Давида Бен-Гуриона пост начальника Генерального штаба, на который он был назначен пять с половиной лет спустя, 6 декабря 1953 года.

²⁰⁸ Цит. там же, стр. 189.

²⁰⁹ Моше Даян, *Жизнь с Библией*, гл. 20 «Брат против брата».

«Альталена» получила приказ двигаться на юг, в сторону Тель-Авива. В половине первого ночи 22 июня корабль подошел к Тель-Авиву, но примерно в девяноста метрах от кромки воды наскочил на затопленный остов эмигрантского корабля и не смог двигаться дальше. «Альталена» встала напротив снесенного впоследствии отеля «Кэти Дан». Нужно понимать, что данный по распоряжению Д. Бен-Гуриона приказ кораблю двигаться в сторону тель-авивского берега сам по себе делал разгрузку оружия невозможной, ибо «Альталена» была фактически отбуксирована к берегу, находившемуся непосредственно напротив гостиницы, где жили представители ООН, наблюдавшие за соблюдением условий прекращения огня между Израилем и арабскими странами. Было совершенно очевидно, что прямо на их глазах разгружать корабль, полный оружия, невозможно, но именно это место, в самом центре крупнейшего города страны, было идеальной площадкой для показательной расправы.

Для Д. Бен-Гуриона очень большое значение имела не только реализация его замысла в полном объеме, но и максимально публичная демонстрация своих возможностей, чтобы непосредственных свидетелей было как можно больше – и они разнесли молву как можно дальше. Когда весной 1960 года агентам Службы внешней разведки Израиля удалось схватить в Аргентине Адольфа Эйхмана, то Д. Бен-Гурион даже распорядился построить в центре Иерусалима большое здание с вместительным залом специально для проведения суда над ним (постоянное новое здание для судебных заседаний было

построено в Иерусалиме только в 1994 году). Д. Бен-Гуриону мало было поймать А. Эйхмана и казнить его; ему нужно было провести процесс так, чтобы как можно больше людей в самом Израиле и за его пределами восприняли то толкование исторических событий, которое сам Д. Бен-Гурион и его соратники по руководству страны считали правильным (а учитывая, что в переговорах с А. Эйхманом в 1943–1944 годах опосредованно принимал участие никто иной, как М. Шарет, задача выстраивания удобного так называемому «рабочему движению» нарратива исторической памяти была отнюдь не самоочевидной). Точно таким же образом и в июне 1948 года Д. Бен-Гурион готовил масштабное шоу, прекрасно отдавая себе отчет в том, что столь нужное израильской армии в Войне за независимость оружие окажется потерянным. Д. Бен-Гурион сам сообщил министрам, что в Кфар-Виткин «разгружена только часть оружия, большая же его часть по-прежнему находится на корабле»²¹⁰. В Архиве Армии обороны Израиля сохранился документ, в котором скрупулезно перечислен весь выгруженный на берегу Кфар-Виткин арсенал: 1.844 винтовки (из пяти тысяч), 200 пулеметов (из 250), 3.139 снарядов (из пяти тысяч) и два миллиона патронов; выгрузка находившихся на корабле десяти тонн взрывчатки даже не начиналась.

Вся эта ситуация могла развиваться совершенно по-другому. Вечером 21 июня тогдашний министр внутренних

²¹⁰ Цит. подлинник протокола заседания Временного правительства Израиля от 22 июня 1948 года, стр. 2 [на иврите] // Государственный архив Израиля, Иерусалим.

дел от либеральной партии Общих сионистов Ицхак Гринбойм (1879–1970) пригласил одного из армейских офицеров в свою канцелярию. Получив информацию об этом, Д. Бен-Гурион немедленно наложил вето на данную встречу, вместо этого отправив к И. Гринбойму собственного эмиссара. И. Гринбойм сообщил премьер-министру, что, согласно полученным им сведениям, в ходе прошедшего 20 июня заседания правительства его члены были дезинформированы Израэлем Галили, а потому принятое ими решение должно быть обсуждено заново, а с ЭЦЕЛем нужно вступить в переговоры. Д. Бен-Гурион тут же отправил И. Гринбойму письмо, в котором выразил категорический отказ от подобного рода переговоров, в частности, мотивировав свою позицию тем, что проблема стала известна представителям ООН²¹¹. Это было несомненно верно, но случилось исключительно в связи с тем, что сам Д. Бен-Гурион и преданные ему военные не дали спокойно разгрузить судно на берегу Кфар-Виткин накануне.

Обращал также на себя внимание тот факт, кого именно Д. Бен-Гурион представил членам правительства в качестве капитана судна. Изученный нами подлинник протокола заседания свидетельствует о том, что, вообще не назвав имя Монро Фейна, который как раз был капитаном корабля, и перечислив командиров ЭЦЕЛЯ М. Бегина и Я. Меридора, соответственно, вторым и третьим, первым Д. Бен-Гурион назвал Авраама

²¹¹ Там же, стр. 2.

Ставского²¹², за пятнадцать лет до этого обвиненного в соучастии в убийстве Хаима Арлозорова, проведенного более года в тюрьме, однако впоследствии оправданного Верховным судом Палестины и освобожденного из заключения. После этого вердикта суда, обвинения «рабочего движения» в адрес ревизионистов, будто они убили их «принца», рухнуло, с чем Д. Бен-Гурион и его соратники так и не смогли смириться. А. Ставский не был ни капитаном корабля, ни командиром ЭЦЕЛЯ, однако все-таки именно его имя Д. Бен-Гурион назвал самым первым, очевидно, будучи уверенным, что это поможет убедить идеологически близких к нему членов правительства поддержать крайние меры.

Обращает на себя внимание тот факт, что на заседании 22 июня министр здравоохранения Хаим Моше Шапира (1902–1970) обратился к Давиду Бен-Гуриону с просьбой лично описать ход переговоров с представителями ЭЦЕЛЯ, однако глава правительства фактически уклонился от этого, спрятавшись за словами, будто «это было изложено на прошлом заседании»²¹³. Министр Х.М. Шапира также потребовал дать указание военному командованию не открывать огонь по «Альталене» до тех пор, пока идет заседание правительства, и оно не приняло решения по данному вопросу. Д. Бен-Гурион на это возразил, что уже «дано

²¹² Там же, стр. 1.

²¹³ Там же, стр. 3.

указание подготовить все требуемые силы у берега, чтобы принудить корабль к сдаче»²¹⁴.

Министр И. Гринбойм указал, что поддержав решение о направлении сил в Кфар-Виткин, члены правительства руководствовались тем соображением, что, увидев значительные воинские подразделения, силы ЭЦЕЛЯ не вступят в бой и, таким образом, удастся избежать кровопролития; в реальности же именно оно и произошло. И. Гринбойм сообщил, что ему стало известно о «весьма дружественном» ходе переговоров между представителями правительства и ЭЦЕЛЯ и о том, что единственный спорный вопрос касался распределения 80% оружейного арсенала – в дополнение к тем 20%, которые, как было согласовано, будут направлены бойцам ЭЦЕЛЯ в Иерусалим. И. Гринбойм, фактически, прямо обвинил М. Шарета во лжи, указав, что в ходе переговоров представители правительства даже и не вспоминали о том, что прибытие корабля с оружием нарушит эмбарго ООН, а теперь именно в этом обвиняют представителей ЭЦЕЛЯ²¹⁵. Пойманный, в полном смысле этого слова, с поличным, М. Шарет ответил на возражение о том, что основное, в чем не была достигнута договоренность – это распределение оружия, будто «главное – это суверенитет Государства Израиль», и Д. Бен-Гурион тут же поддержал эту казуистическую ремарку²¹⁶. И. Гринбойм настаивал на правдивости той информации, которую получил, требуя,

²¹⁴ Там же, стр. 4.

²¹⁵ Там же, стр. 4–6.

²¹⁶ Там же, стр. 7.

чтобы кровопролитие, случившееся у берега Кфар-Виткин, не повторилось²¹⁷.

Утром того же дня по распоряжению Д. Бен-Гуриона в газетах было опубликовано сообщение от имени Правительственной службы информации, в котором, в частности, говорилось: «Временное правительство рассматривает доставку оружия обособленной группировкой по собственному усмотрению, особенно в период прекращения огня, как грубое нарушение законов Государства Израиль, удар по его международным обязательствам и очевидное нарушение соглашения, достигнутого с руководителями ЭЦЕЛЯ недавно...»²¹⁸. В этом пресс-релизе лживо уже было абсолютно все, ибо, как было показано выше, оружие было приобретено еще до подписания соглашения И. Галили с ЭЦЕЛем, которое к тому же никак не оговаривало невозможность ЭЦЕЛЯ и его бойцов защищать интересы еврейских жителей, составлявших большинство населения Иерусалима, а факт прибытия корабля во время перемирия был хорошо известен Д. Бен-Гуриону и согласован лично с ним. Завершая это обращение призывом «ко всем гражданам Израиля и защитникам родины объединиться для защиты национального единства и суверенитета», Правительственная служба информации демонстрировала яркий пример оруэлловского языка, однако возможности ЭЦЕЛЯ и его руководителей донести до широких слоев

²¹⁷ Там же, стр. 8.

²¹⁸ Цит. по: Давид Бен-Гурион, *Обновленное Государство Израиль*, том I, стр. 181.

общества правду были куда более ограниченными, чем возможность их оппонентов распространять ложь. Более того, Давид Бен-Гурион был готов дезинформировать даже членов правительства, сообщив им, что «почти не было кровопролития»²¹⁹, тогда как на самом деле в Кфар-Виткин погибли восемь человек.

К сожалению, на этом трагедия не закончилась. Под влиянием Д. Бен-Гуриона, правительство отвергло предложение создать комиссию для переговоров с «Альталеной» и постановило предъявить ей ультиматум о безусловном разоружении; после чего Д. Бен-Гурион, бывший одновременно главой правительства и министром обороны, отдал приказ конфисковать оружие безотносительно мнения руководства ЭЦЕЛЯ, а в случае неподчинения применить все необходимые средства вплоть до открытия огня. При этом он отверг все варианты относительно бескровного захвата судна (например, забросав его дымовыми шашками), заявив, что только в случае уничтожения оружия на «Альталене» «удастся предотвратить гражданскую войну» (которую, вообще говоря, никто, кроме него самого, начинать и не думал). На заседании правительства 22 июня министр внутренних дел Ицхак Гринбойм внес предложение, чтобы корабль «Альталена» согласился покинуть территориальные воды Израиля, получив при этом заверение правительства, что в этом случае судно и находящиеся на нем люди не будут

²¹⁹ Протокол заседания Временного правительства Израиля от 22 июня 1948 года, стр. 13.

подвергаться никакому преследованию²²⁰. Д. Бен-Гурион категорически отверг это предложение, сказав: «Я предлагаю арестовать людей, командующих этим кораблем»²²¹. Когда предложение И. Гринбойма было поставлено на голосование, то, под давлением Д. Бен-Гуриона, оно было отклонено семью голосами против двух²²²; иными словами, правительство постановило преследовать корабль даже в том случае, если бы он покинул территориальные воды Израиля и никакого эмбарго не нарушал бы в принципе. Министры от центристской партии Общих сионистов, равно как и представители национально-религиозных партий, выступали за создание правительственной комиссии, уполномоченной вести переговоры с ЭЦЕЛем от имени правительства; министрами от Партии Труда и Объединенной рабочей партии и это предложение было отклонено шестью голосами против четырех²²³. Д. Бен-Гурион сознательно шел на обострение конфликта, имея целью политически уничтожить М. Бегина и его соратников; при этом его не останавливал даже тот факт, что под угрозой ставится огромное количество оружия, которое было жизненно необходимо стране и которое в любом случае должно было достаться в основном Армии обороны Израиля.

²²⁰ Там же, стр. 28.

²²¹ Там же, стр. 29–30.

²²² Там же, стр. 31.

²²³ Там же, стр. 30.

Обстрел корабля начался, когда заседание правительства еще продолжалось. Непросто было найти военных, которые были бы готовы участвовать в этой позорной операции. Возникла мысль разбомбить «Альталену» с воздуха, но никто из летчиков не согласился в этом участвовать. С большим трудом удалось найти двух артиллеристов, которые обстреляли корабль из 69-миллиметрового навесного орудия; четвертый снаряд попал в корабль, после чего «Альталена» загорелась. Стрелял доброволец из Южной Африки Хиллель Дельский (Hillel Daleski, 1926–2010), впоследствии сделавший впечатляющую карьеру как ученый-литературовед, ставший президентом Международного Диккенсовского общества, действительным членом Израильской Национальной академии наук, Американской академии наук и искусств и лауреатом Государственной премии Израиля за 2000 год; хотя он был профессором Иерусалимского университета, все до единой его книги посвящены английской литературе. До сих пор неизвестно, кто именно руководил стрельбой по кораблю. По одним свидетельствам, это был Игаль Алон, по другим – Ицхак Рабин, лично бросивший в сторону бойцов ЭЦЕЛя несколько ручных гранат²²⁴ («рабочее движение» оценило эту преданность, и впоследствии И. Рабин дослужился до поста начальника Генерального штаба).

Двое членов экипажа были убиты сразу, а Авраам Ставский был тяжело ранен, после чего на носилках

²²⁴ Йоси Гольдштейн, *Рабин. Биография* (Тель-Авив: «Шокен», 2006), стр. 60 [на иврите].

доставлен на берег, но скончался в больнице на следующий день. 21 июня 1933 года, на четвертый день после убийства Хаима Арлозорова, В.Е. Жаботинский в своей статье «Холодно и стойко» сравнил огульно обвиненного в его убийстве А. Ставского с оклеветанным черносотенными погромщиками Менахемом Менделем Бейлисом (1874–1934), про которого в 1911 году говорили, будто он совершил ритуальное убийство двенадцатилетнего Андрея Ющинского. Как известно, прошло два с половиной года, пока 28 октября 1913 года присяжные вынесли оправдательный вердикт, и М.М. Бейлис был немедленно освобожден. Сразу же после убийства Х. Арлозорова и выдвинутого против «ревизионистов» обвинения, В.Е. Жаботинский написал: «Я уверен, что Ставский невиновен. Мы встанем на его защиту так, как в свое время мое поколение встало на защиту Менделя Бейлиса»²²⁵. В.Е. Жаботинский оказался абсолютно прав, и как бы они того ни желали, но расстрелять Авраама Ставского в 1933 году деятели так называемого «рабочего движения» не смогли, поскольку британское правосудие не было готово совсем уж забыть о принципах беспристрастного судопроизводства. Спустя пятнадцать лет Д. Бен-Гуриону и его соратникам руками дезинформированного добровольца из ЮАР, наверняка не

²²⁵ Подробный анализ позиции В.Е. Жаботинского в дни «процесса Ставского» представлен в монументальной книге: Шмуэль Кац, *Одинокий волк. Жизнь Жаботинского* [1993] / пер. с иврита (Тель-Авив: «Иврус», 2000), том II, главы 84–86.

знавшего всех этих деталей, удалось расправиться с тем, кого они считали своим кровным врагом.

В грузовом отсеке начался пожар. Капитан М. Фейн приказал поднять белый флаг и покинуть судно. М. Бегин возражал, но флаг был поднят, а протестующего М. Бегина удерживал радист. Э. Ланкин покинул корабль последним. М. Бегин не хотел уходить с корабля, будучи готовым погибнуть вместе с ним, и М. Фейну пришлось чуть ли не силой спустить его в лодку. Ицхак Рабин, находившийся в штабе ПАЛЬМАХа с самого утра, вспоминал, что когда люди прыгали с палубы в море, на корабль обрушился «адский огонь невероятной интенсивности из всех стволов». И. Рабин объяснял это следующим образом: «Старая ненависть, которую несли в себе люди ПАЛЬМАХа и “Хаганы” по отношению к организациям [ЭЦЕЛю и ЛЕХИ] и их руководителям, нашла выход в силе огня»²²⁶. В половине шестого вечера корабль «Альталена» взорвался. Всего погибли шестнадцать членов ЭЦЕЛЯ (из них четырнадцать евреев из Европы, переживших Холокост) и трое солдат Армии обороны Израиля.

В это же время на берегу началась перестрелка между бойцами ПАЛЬМАХа и пытавшимися спасти своих товарищей бойцами ЭЦЕЛЯ. Фактически, развернулся бой между бойцами ЭЦЕЛЯ и солдатами, верными правительству, в котором в общей сложности погибли одиннадцать человек. После этого несколько сот человек были арестованы, но, реально опасаясь гражданской

²²⁶ Цит. по: Ури Мильштейн, *Рабин: рождение мифа*, глава 41(4).

войны, Д. Бен-Гурион пошел на попятную, и все они, кроме пятерых человек, были освобождены уже 24 июня, а вскоре вышли на свободу и остальные.

Пока на берегу разворачивалась драма, «в верхах» разыгрывалось нечто более похожее на фарс. В кабинете Д. Бен-Гуриона собрались мэры четырех городов (Тель-Авива, Рамат-Гана, Нетании и Петах-Тиквы), которые выразили тревогу в связи с возможной реакцией населения; народ надеялся на упрочение национального единства, а видит перед собой начало гражданской войны. Мэры предложили свое посредничество, попросив прежде всего прекратить огонь: «В конце концов, они же наши дети. Вчера они проливали кровь в Яффо и в Иерусалиме. И завтра они снова будут проливать кровь, чтобы мы могли жить». «Я понимаю ваши чувства, но не могу дать приказ без решения правительства», – издевательски ответил им Д. Бен-Гурион. Вскоре в комнату вошел военный секретарь Д. Бен-Гуриона полковник Нехемия Аргов (1914–1957), после чего Д. Бен-Гурион пригласил мэров на балкон и указал им на хвост дыма, тянущийся от моря к Тель-Авиву: «Слишком поздно. Нечего делать. Мне сообщили, что снаряд попал в корабль». Мэр Рамат-Гана Авраам Криницы (1886–1969) суммировал: «Теперь мы поняли, что когда Бен-Гурион беседовал с нами и обещал дать ответ, он уже знал, что будет происходить на берегу. Потрясенные, мы ушли от Бен-Гуриона»²²⁷.

Впоследствии активистов ЭЦЕЛЯ обвиняли в том, что они будто бы хотели захватить штаб ПАЛЬМАХа, а ни

²²⁷ Цит. по: Ури Мильштейн, *Рабин: рождение мифа*, глава 41(4).

одного дня не служивший в армии Шимон Перес рассказывал, что провел следующую ночь «в кабинете Бен-Гуриона в Рамат-Гане, где располагался Генеральный штаб Армии обороны Израиля. В руках у меня была винтовка – возникли опасения, что демонстранты набросятся на военную базу, где размещался Генштаб, и попытаются нанести физический ущерб самому Бен-Гуриону»²²⁸. Все эти обвинения были абсолютной клеветой, ни в коей мере не соответствовавшей реальному положению дел. Ни штабу ПАЛЬМАХа, ни зданию Генерального штаба, ни, разумеется, лично Д. Бен-Гуриону не было нанесено никакого урона. Погибшие были активистами не ПАЛЬМАХа, а ЭЦЕЛЯ. Д. Бен-Гурион, в свою очередь, не нашел ничего лучшего, как заявить: «Благословенна пушка, которая пустила на дно “Альталену”». Д. Бен-Гурион и его соратники ради достижения своих политических целей были готовы к гражданской войне; М. Бегин не был готов к ней ни в коем случае и ни на каких условиях, о чем заявил в тот же день.

Во взволнованной речи, переданной радиостанцией ЭЦЕЛЯ, *Бегин призвал своих сторонников во что бы то ни стало избежать братоубийства*. Бегин изложил весь ход событий со своей точки зрения, начав с того, как он предупредил Д. Бен-Гуриона об отплытии корабля. Он рассказал о соглашении, которое было достигнуто с Д. Бен-Гурионом и которое премьер-министр вопиющим образом нарушил. И тем не менее, он непрестанно говорил бойцам ЭЦЕЛЯ: «Не смейте поднимать руку на своих

²²⁸ Шимон Перес, *Мой Бен-Гурион*, стр. 136.

братьев, даже в такой ситуации». Его слова звучали как заклинание: «Евреи не воюют с евреями, и нельзя использовать еврейское оружие против еврейских бойцов». Он заключил свое обращение словами: «Да здравствует еврейское отечество! Да здравствуют герои Израиля! Солдаты Израиля – навсегда!». Главная мысль, проходившая через все обращение: мы не должны мстить. «Не может быть гражданской войны, когда враг стоит у наших ворот!»²²⁹. Позднее М. Бегин писал: «Надеюсь, что после моей смерти меня будут помнить в первую очередь как человека, предотвратившего гражданскую войну»²³⁰.

1 июня 1948 года М. Бегин подписал с представителями израильского правительства соглашение, дух и букву которого он был готов соблюдать, однако для Д. Бен-Гуриона это была лишь тактическая уступка, которая не стоила затраченной бумаги. Обвинив М. Бегина и ЭЦЕЛЬ в нарушении соглашения, которое как раз нарушил он сам, Д. Бен-Гурион объявил этот документ не имеющим силы, а согласие на сохранение в армии обособленных отрядов, составленных из бойцов ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ, недействительным. Борцы за свободу еврейского государства, внесшие решающий вклад в изгнание англичан, надеялись на достойную интеграцию в составе, если и не политических структур, то хотя бы Армии обороны Израиля. Д. Бен-Гурион же, добиваясь

²²⁹ Цит. по: Даниэль Гордис, *Менахем Бегин. Битва за душу Израиля*, стр. 126.

²³⁰ Jerold S. Auerbach, *Brothers at War: Israel and the Tragedy of the Altalena* (New Orleans: Quid Pro, 2011), p. 109.

абсолютной власти, был готов принять исключительно их безоговорочную капитуляцию.

Прошло почти семьдесят лет, пока 27 октября 2016 года в Тель-Авиве в присутствии премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху был открыт памятник погибшим при расстреле корабля «Альталена».

4. Уничтожаемые, но не покорившиеся: ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ в борьбе за Иерусалим

Расстрел «Альталены» нанес ЭЦЕЛЮ большой урон, однако организация смогла пережить даже такую трагедию. Вполне вероятно, что руководители «рабочего движения» рассчитывали, что М. Бегин сочтет за благо отправиться в эмиграцию и, как и его духовный учитель В.Е. Жаботинский и сын последнего Ари-Теодор, перенесет центр своей деятельности в одну из стран диаспоры. Так рассуждали, кстати, довольно многие, в том числе и среди самих «ревизионистов». Бывший тогда активистом ЛЕХИ Исраэль Эльдад (урожденный Шайб, 1910–1996), позднее ставший одним из виднейших израильских философов и публицистов, в 1977 году удостоенный премии имени Шауля Черняховского, а в 1988 году – премии имени Хаима Нахмана Бялика (и который, несмотря на полученную им в 1933 году в Венском университете докторскую степень по философии, никогда не был приглашен профессором ни в один из израильских университетов), обратился к Менахему Бегину с напоминанием о том, что «и Ленин руководил революционным движением, прячась в лесу». «Я – не

Ленин», – однозначно возразил М. Бегин, не считая возможным оставить своих соратников по борьбе в столь сложную минуту²³¹.

Д. Бен-Гурион в связи с этим чувствовал, что то, ради чего, собственно, затевался расстрел «Альталены», не было доведено до конца. По наиболее активной и дееспособной организации его политических оппонентов справа ему удалось нанести очень болезненный удар, который, однако, не стал фатальным. Нужно было найти еще один повод для нового витка репрессий, и такая возможность подвернулась Д. Бен-Гуриону весьма скоро.

Перемирие, которое нарушала прибывшая с оружием «Альталена», как все и ожидали, продержалось недолго – и было сорвано уже через месяц. 9 июля 1948 года возобновились бои на всех фронтах²³², причем особенно интенсивными они были именно в Иерусалиме и его окрестностях, где плечом к плечу сражались отряды выросшей из «Хаганы» израильской армии и ЭЦЕЛЯ, которым бы так пригодились оружие, бездарно затопленное на «Альталене». Посредник, действовавший от имени Организации Объединенных Наций, шведский граф Фольке Бернадот (1895–1948) в ходе первого перемирия предлагал существенно видоизменить границы арабского и еврейского государств в сравнении с тем планом, который в ноябре 1947 года был утвержден резолюцией №181 Генеральной Ассамблеи. Согласно его

²³¹ Цит. по: Ави Шилон, *Бегин*, стр. 134–135.

²³² Хаим Герцог, *Арабо-израильские войны* / пер. с иврита (Лондон: «Нина Карсов», 1982), книга 1, стр. 119–136.

предложению, не только Нижняя, но и Верхняя (Северная) Галилея должна была отойти к Израилю, а вот пустыня Негев, наоборот, – к арабам, причем арабская часть Палестины должна была стать не независимым государством, а управляться Трансиорданией; для Иерусалима же по-прежнему предусматривался международный статус²³³.

Различные державы поддерживали идею интернационализации Иерусалима, каждая по своим причинам²³⁴; ни одна из них не была готова от этой идеи отказаться, хотя и не сделала ничего для ее практической реализации. Представитель Франции уже в апреле 1948 года предложил направить в Иерусалим специального эmissара ООН, наделив его правом сформировать международную полицию численностью в тысячу человек, но эта инициатива была заблокирована арабскими странами. Буквально за день до окончания срока мандата от имени Генеральной Ассамблеи ООН муниципальным эmissаром Иерусалима был назначен квакер из Филадельфии Гарольд Эванс (Harold Evans, 1886–1977). Из-за своих религиозных взглядов он отказался въехать в Иерусалим с военным эскортом, а никак иначе его личная безопасность не могла быть гарантирована. Прождав в Каире до конца июня 1948 года, он ушел в отставку,

²³³ Там же, стр. 119.

²³⁴ Григорий Меламедов и Алек Эпштейн, *Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история* (Москва/Иерусалим: Институт Ближнего Востока – Институт стран Азии и Африки МГУ – «Мосты культуры», 2008), стр. 156–176.

фактически не вступив в должность, и вернулся в США; Иерусалим же остался без каких-либо признанных властных структур²³⁵.

И евреям, и арабам было очевидно, что не имевший прецедентов план превращения Иерусалима в некий обособленный международный город не будет реализован, а поэтому власть окажется в руках тех, кому физически удастся ее захватить. В ночь с 9 на 10 июля 1948 года рота молодежного батальона израильской армии, состоявшего из юношей 16–17 лет, заняла участок, впоследствии получивший название горы Герцля (там сейчас находятся Национальное мемориальное кладбище и Центр изучения Холокоста и героизма Яд Ва'шеш), господствовавший над районом Эйн-Карем. Находившийся южнее район Малха был занят с 13 по 16 июля; арабы пытались отбить его в ходе контрнаступления, но, несмотря на то, что погибли пятнадцать бойцов ЭЦЕЛЯ, Малха была сохранена под еврейским контролем²³⁶. Назавтра был занят район Эйн-Карем. Командир ЭЦЕЛЯ в Иерусалиме Мордехай Раанан (урожденный Кауфман, 1922–2003), встречаясь с тогдашним фактическим командующим Иерусалимским фронтом Давидом Шалтиэлем (1903–1969), неоднократно настаивал на том, что необходимо прорваться в Старый город²³⁷. Войска ЭЦЕЛЯ к тому времени сумели закрепиться в районе киббуца Рамат-Рахель

²³⁵ Там же, стр. 176–177.

²³⁶ Мартин Гилберт, *Иерусалим. История города в XX веке*, стр. 263.

²³⁷ Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин*, стр. 191.

(находящегося к востоку от Старого города), который был занят еще 24 мая. На совещании, которое проводил Давид Шалтиэль, было принято решение, что попытка захвата Старого города начнется в пятницу 16 июля в восемь часов вечера. Уже было известно, что 17 июля в 5.45 утра должно вступить в силу новое соглашение о прекращении огня, однако Д. Шалтиэль указал, что даже если задача овладения Старым городом не будет решена к этому времени, то боевая операция продолжится столько, сколько это будет необходимо. Обращал на себя внимание тот факт, что речь шла о совместной слаженной боевой деятельности трех батальонов: первый, бывший частью Армии обороны Израиля, должен был прорваться в Старый город с горы Сион; второй – батальон ЭЦЕЛЯ – должен был прорваться через так называемые Новые ворота, третий же – батальон ЛЕХИ – должен был пробиться через Яффские ворота.

Этому плану, однако, не было суждено реализоваться. Начало операции дважды откладывалось: в первый раз – на 23.00, а во второй раз – на 2.30 ночи; из трех батальонов только отряду ЭЦЕЛЯ удалось пробиться в Старый город, и его сил было явно недостаточно для овладения им. Мэр Рамат-Гана Авраам Криницы был прав, когда, оплакивая затопленный на «Альталене» арсенал, отмечал: «С этим оружием границы государства были бы другими, и Иерусалим, настоящий, внутри стен [Старого города], стал бы нашим»²³⁸. Бывший тогда фактическим мэром еврейского Иерусалима Дов Йосеф

²³⁸ Цит. по: Ури Мильштейн, *Рабин: рождение мифа*, глава 41(4).

(урожденный Бернард Джозеф, 1899–1980) так писал об этой неудачной попытке отбить Еврейский квартал: «Неподалеку от Новых ворот арабы соорудили заграждения из дерева и стружек. Туда попал снаряд, заграждение загорелось, потребовалось двадцать минут, чтобы потушить пламя, и наши бойцы смогли двинуться дальше. Бесценные минуты были потеряны, и можно сказать, что эти превратности судьбы решили судьбу Старого города»²³⁹. В момент вступления в силу соглашения о прекращении огня в 5.45 утра, поступил приказ о завершении операции, и отряд ЭЦЕЛЯ вынужденно покинул Старый город. После вступления в силу перемирия, бои там более не возобновлялись. Старый город Иерусалима, бывший сосредоточением национальных устремлений еврейского народа на протяжении столетий, а также основной причиной того, что сионистское движение последовательно отвергало все инициативы по созданию еврейского «национального дома» где бы то ни было, кроме Палестины/Эрец-Исраэль, оказался потерянным для еврейского народа, и эта ситуация изменилась только в июне 1967 года.

С возобновлением перемирия активизировал свою деятельность Фольке Бернадот, предложения которого равным образом были категорически неприемлемы как для палестинских арабских националистов, так и для Государства Израиль. Давид Бен-Гурион как-то в сердцах бросил: «Тот, кто подозревал в Бернадоте агента Бевина,

²³⁹ Цит. по: Мартин Гилберт, *Иерусалим. История города в XX веке*, стр. 264.

не совсем заблуждался»²⁴⁰. И действительно, предложения, сделанные шведским дипломатом, идеально соответствовали именно британским интересам. Как известно, предлагая всевозможные планы раздела Палестины/Эрец-Исраэль между евреями и арабами, британские власти никогда не имели в виду создание независимого палестинского государства. Речь шла исключительно о создании еврейского государства, с одной стороны, и передаче территорий, большинство населения которых составляли арабы, Трансиордании (при сохранении самими британцами контроля над Иерусалимом, Вифлеемом и Назаретом), с другой²⁴¹. Многие также считали, что идея отторгнуть от Израиля Негев была следствием того, что он мог стать «идеальной альтернативой британским военным базам в Египте»²⁴². Генеральная Ассамблея ООН по различным причинам, преимущественно связанным с конфликтом между державами-победительницами во Второй мировой войне, пошла по другому пути, вследствие чего именно Великобритания и ее главный союзник в регионе – эмир Трансиордании Абдалла – оказались наиболее проигравшими сторонами. Действуя как бы от имени ООН, Фольке Бернадот по сути стремился помочь

²⁴⁰ Цит. по: Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион*, книга 1, стр. 432. Эрнест Бевин (Ernest Bevin, 1881–1951) в 1945–1951 гг. был министром иностранных дел Великобритании.

²⁴¹ См. Алек Эпштейн. *Горизонты и миражи палестинской государственности*, стр. 180–205.

²⁴² Игаль Алон, *Щит Давида*, стр. 246.

англичанам невыгодное для них решение этой международной организации переиграть.

«Опыт последнего месяца, – писал Ф. Бернадот в июне 1948 года – постепенно привел меня к мысли, что резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1947 года, была неудачной. Искусственность границ Государства Израиль, а также категорическое неприятие раздела Палестины и создания отдельного еврейского государства арабскими странами не могли не привести к осложнениям военного характера»²⁴³. По сути, Ф. Бернадот предлагал максимально вернуться к плану Комиссии Пиля 1937 года, который предусматривал раздел Палестины/Эрец-Исраэль между Государством Израиль и Трансиорданией при передаче последней контроля над пустыней Негев. Совершенно очевидно, что проблема «категорического неприятия раздела Палестины/Эрец-Исраэль и создания отдельного еврейского государства арабскими странами» предложениями Ф. Бернадота никоим образом не решалась: арабские страны, и тем более палестинские националисты, были обеспокоены не тем, будет ли Израиль контролировать ту или иную часть Галилеи или пустыни Негев, а будет ли он существовать вообще. Трудно, поэтому, избавиться от впечатления, что под прикрытием реально существовавшей острой проблемы

²⁴³ Цит. по: Говард Сакер, *История Израиля* / пер. с англ. В. Орла и В. Гопмана (Москва: «Книжники», 2011), том I, стр. 443–444.

Ф. Бернадот проталкивал план, который к решению этой проблемы имел крайне опосредованное отношение.

Важно отметить в этой связи, что, выступая с требованием гарантировать еврейскому населению Иерусалима широкую автономию, сам город он при этом предлагал передать Трансиордании; предусматривались также неконкретизированные «специальные» меры для охраны святых мест²⁴⁴. Кроме англичан и эмира Трансиордании Абдаллы, этот план не была готова поддержать ни одна страна. В Израиле этот план был воспринят резко негативно практически всеми, вне зависимости от их идеологических воззрений. Показательны в этой связи слова Игалья Алона, который стоя бесконечно далеко от ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ, был командиром глубоко преданного «рабочему движению» ПАЛЬМАХа. По словам И. Алона, «когда план графа Бернадота был, наконец, обнаружен, он превзошел самые худшие опасения израильтян... Израиль в возмущении заявил в ООН, что рекомендации графа Бернадота вообще едва ли можно принимать всерьез, и отверг этот план целиком и полностью»²⁴⁵. 16 сентября Ф. Бернадот представил видоизмененную версию, в которой вновь предлагалось объявить Иерусалим международным анклавом под контролем ООН, но пустыню Негев, а также захваченные Израилем 12–13 июля города Лод и Рамле, непосредственно примыкающие

²⁴⁴ Мартин Гилберт, *Иерусалим. История города в XX веке*, стр. 262.

²⁴⁵ Игаль Алон, *Щит Давида*, стр. 246.

к единственному в стране международному аэропорту, передать под контроль арабов²⁴⁶. Против подобного «поворота истории вспять» в еврейской общине Палестины/Эрец-Исраэль выступали практически все. Весьма сложным было и отношение к самому Ф. Бернадоту, который в последние недели войны вел переговоры с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером, добываясь от него освобождения узников нацистских лагерей уничтожения. Хотя тысячи евреев были перевезены на запад Германии, где их впоследствии освободили союзные войска, большинство заключенных в лагерях уничтожения, еще остававшихся в живых в начале апреля 1945 года, погибли в последние недели войны; хотя никто, разумеется, не обвинял Ф. Бернадота – тогдашнего руководителя шведского Красного Креста – в том, что он был виновен в их гибели, его чрезмерная осторожность и недостаточная настойчивость в ходе контактов с одним из высших руководителей нацистской Германии, когда она уже очевидно проигрывала войну, виделась еврейскому населению Израиля непростительной²⁴⁷. Когда 10 августа в здании бельгийского консульства в Иерусалиме Фольке Бернадот встречался с Бернардом Джозефом (Довом Йосефом, 1899–1980) и сопровождавшими его израильскими государственными деятелями, бойцы ЛЕХИ пикетировали здание с плакатами «Стокгольм – Ваш, Иерусалим – наш!» и «Зря стараетесь – мы уже здесь!».

²⁴⁶ Говард Сакер, *История Израиля*, том I, стр. 445

²⁴⁷ Там же, стр. 433.

Однако, отстаивая право еврейского народа на Иерусалим, деятельность ЛЕХИ не ограничилась пикетированиями. 17 сентября 1948 года, когда кортеж из трех автомобилей, в одном из которых находился Фольке Бернадот, выехал в сторону центрального района Нового Иерусалима²⁴⁸, джип, неожиданно выскочивший из-за поворота, преградил им дорогу. В джипе сидели четверо мужчин, трое из которых выскочили на мостовую, подошли к машине Ф. Бернадота и расстреляли ее в упор.

²⁴⁸ В разных источниках указаны разные маршруты этой поездки. Так, Г. Сакер в книге *История Израиля* (том I, стр. 445) утверждает, что Ф. Бернадот и его спутники выехали в штаб-квартиру посредника в здании ИМКА, расположенном в Иерусалиме напротив гостиницы «Царь Давид». В свою очередь, М. Гилберт в книге *Иерусалим. История города в XX веке* (стр. 266–267) пишет о том, что Ф. Бернадот «выехал из бывшего британского дома правительства, где решил оборудовать зимнюю штаб-квартиру, и направился в Рехавию, в дом еврейского военного губернатора Бернарда Джозефа на чаепитие». По информации, собранной О. Регевом, Ф. Бернадот как раз успел встретиться с Бернардом Джозефом в здании ИМКА, после чего направился в штаб-квартиру ООН в Иерусалиме, где провел около двух часов, а затем в сопровождении кортежа, выехал к Бернарду Джозефу домой, чтобы одолжить пластинку Яна Сибелиуса, которой он очень хотел порадовать жену, и именно этот маршрут стал для него роковым (см.: Офер Регев, *Иерусалимский принц. Покушение на графа Фольке Бернадота* (Иерусалим: «Порат», 2006) [на иврите]).

Кроме самого шведского графа, погиб и офицер французской армии полковник Андре Пьер Сиро.

Несмотря на комендантский час, тщательные поиски и 184 ареста только в одном Иерусалиме²⁴⁹, убийца Ф. Бернадота так официально никогда и не был найден; в запечатанных конвертах, подброшенных к воротам иностранных консульств в Иерусалиме, неизвестная организация под названием «Хазит ха'моледет» [«Фронт родины»] заявляла, что убийство было совершено ее членами. Фактически, ни у кого не было сомнений, что убийцами графа Ф. Бернадота были активисты организации «Борцы за свободу Израйля» (ЛЕХИ). Уже спустя два дня после этой трагедии Давид Бен-Гурион записал в своем дневнике: «Граф Бернадот убит в Иерусалиме. Исер²⁵⁰ считает, что покушение совершили Йехошуа Коэн и Йехошуа Зетлер из Кфар-Сабы»²⁵¹. Эта цитата свидетельствует о том, что Д. Бен-Гурион сразу же получил адекватную информацию о произошедшем; скорее всего, это стало следствием того, что Ф. Бернадота, среди других, сопровождал и командир «Хаганы» в северном секторе Иерусалима Моше Гильман, и он узнал

²⁴⁹ Мартин Гилберт, *Иерусалим. История города в XX веке*, стр. 267.

²⁵⁰ Речь идет об Исере Харэле (урожденном Израиле Гальперине, 1912–2003), в то время возглавлявшем службу безопасности, тогда еще бывшую подразделением Армии обороны Израйля.

²⁵¹ Цит. по: Давид Бен-Гурион, *Военный дневник*, Том II (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны, 1982) [на иврите].

по крайней мере одного из нападавших – бойца ЛЕХИ Мешулама Маковера (1923–1997). Более того, спустя несколько десятков лет после описываемых событий, Йехошуа Зетлер (1917–2009) рассказал о том, что буквально на завтра после убийства он лично передал всю информацию о нем тогдашнему министру внутренних дел Ицхаку Гринбойму²⁵². Таким образом, и от И. Хареля, и от И. Гринбойма, Д. Бен-Гурион сразу же получил полную и адекватную информацию о произошедшем.

Более того, когда в 1953 году, в первый раз уйдя в отставку, он поселился в киббуце Сде-Бокер в Негеве, именно уже живший там Йехошуа Коэн (1922–1986) был приставлен к нему в качестве личного охранника; Д. Бен-Гурион стремился вести образ жизни простого киббуцника, ничем не отличающегося от остальных, что создало известные сложности службам безопасности, обеспокоенным за его благополучие. Именно поэтому Й. Коэн приложил огромные усилия, чтобы выстроить с Д. Бен-Гурионом глубоко уважительные отношения, как бы ученика с как бы учителем, чтобы бывший – и будущий (а в 1955 году он вернулся на этот пост) – глава правительства не подозревал, что ему выделен личный охранник, который к тому же должен был скрывать тот факт, что и ряд других молодых людей, сопровождавших Д. Бен-Гуриона в его прогулках по пересохшим ручьям

²⁵² *Борец за свободу Иерусалима: воспоминания Йехошуа Зельтера* / записаны Х. Регев-Яркони и О. Регевом (Иерусалим: «Порат», 2007).

пустыни, являются сотрудниками служб безопасности²⁵³. Интересно, что когда М. Бар-Зохар в начале 1970-х годов начал работать над биографией Д. Бен-Гуриона, то обратил его внимание на то, что именно его преданный спутник непосредственно стрелял в графа Ф. Бернадота. Д. Бен-Гурион выразил М. Бар-Зохару крайнее удивление этим, объявив, что немедленно вызывает Й. Коэна на разбирательство, после которого попросил М. Бар-Зохара нигде об этом не высказываться²⁵⁴. Вполне вероятно, учитывая полученную Д. Бен-Гурионом сразу же после убийства Ф. Бернадота информацию, включавшую имя Й. Коэна, что перед М. Бар-Зохаром был разыгран небольшой моноспектакль, хотя может быть и так, что Д. Бен-Гурион, голова которого была полна датами и событиями, на самом деле не связал своего преданного «ученика»-киббуцника с активистом ЛЕХИ, хладнокровно расстрелявшим видного иностранного дипломата.

Учитывая, что, по его собственным словам, «убийство Бернадота создало в нескольких европейских странах враждебную атмосферу по отношению к Израилю»²⁵⁵, Д. Бен-Гурион мог бы сделать шаг для изменения подобного отношения, распорядившись о предании и Й. Коэна, и Й. Зетлера суду. Этого, однако,

²⁵³ Надав Шаргай, «"Еврейский террорист" Бен-Гуриона» // *Израиль сегодня*, 10 августа 2017 г. [на иврите].

²⁵⁴ Цит. по: Офер Регев, *Иерусалимский принц. Покушение на графа Фольке Бернадота*.

²⁵⁵ Д. Бен-Гурион, *Обновленное Государство Израиль*, том I, стр. 288.

никогда не было сделано; как вспоминал на основе бесед с ним М. Бар-Зохар, «Бен-Гурион не проронил ни слезинки в связи со смертью Бернадота»²⁵⁶.

Однако Д. Бен-Гурион цинично воспользовался этим трагическим событием для решения собственных политических проблем, к Ф. Бернадоту и его убийству не имевших никакого отношения. Как указывает биограф Д. Бен-Гуриона, сам бывший на протяжении многих лет депутатом Кнессета от Партии Труда, «Бен-Гурион тут же принял решение: разогнать “отколовшиеся организации” в Иерусалиме и разбить их остатки во всех районах страны. Д. Бен-Гурион вызвал к себе Исера Харэля – начальника службы внутренней безопасности и начальника военной полиции. Он приказал им арестовать всех членов ЛЕХИ, находившихся на территории страны. Он решил также немедленно принять крутые меры против ЭЦЕЛЯ, хотя и знал, что эта организация не принимала участия в убийстве»²⁵⁷. «Наконец-то мы приняли решение уничтожить ЭЦЕЛЬ», – записал Д. Бен-Гурион в своем дневнике²⁵⁸. Всего было арестовано более четырехсот членов ЛЕХИ, в том числе глава организации Натан Елин-Мор (урожденный Фридман, 1913–1980)²⁵⁹; многие из них

²⁵⁶ Цит. по Офер Регев, *Иерусалимский принц. Покушение на графа Фольке Бернадота*.

²⁵⁷ Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион*, книга 1, стр. 434.

²⁵⁸ Цит. по: Давид Бен-Гурион, *Военный дневник*, Том II, стр. 704 [на иврите].

²⁵⁹ Говард Сакер, *История Израиля*, том I, стр. 445.

оставались в заключении, без какого-либо суда, на протяжении многих месяцев.

Прекрасно зная, кто именно совершил это убийство, и понимая, что бойцы ЛЕХИ ради собственного освобождения не выдадут своих товарищей по борьбе, Д. Бен-Гурион воспользовался данным трагическим событием для нового витка политических репрессий против своих идейных оппонентов. Уже 20 сентября 1948 года штабу ЭЦЕЛЯ в Иерусалиме был предъявлен ультиматум, подписанный генералом Игалем Ядином, с требованием полного самороспуска и сдачи всех запасов оружия на склады израильской армии в течение 24 часов. Перед активистами ЭЦЕЛЯ вновь, как и в дни «Альталены», встал выбор между подчинением заведомо несправедливым требованиям властей – либо необходимостью вести гражданскую войну, и М. Бегин и его соратники вновь подчинились диктату; 21 сентября член командования ЭЦЕЛЯ Шмуэль Кац заявил о том, что в сложившихся обстоятельствах Национальная военная организация прекращает свою деятельность²⁶⁰. Аналогичным образом рассуждали и активисты ЛЕХИ; в своей книге воспоминаний Ицхак Шамир писал: «[Израэлю] Эльдаду не удалось скрыться, мы снова были в подполье, разыскиваемые властями, но... нам не приходило в голову, что мы будем бороться против Государства Израиль»²⁶¹.

²⁶⁰ Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин*, стр. 192.

²⁶¹ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 110.

Именно так, двумя витками репрессий, расстреляв «Альталену» и арестовав сотни борцов за свободу и независимость Государства Израиль, «рабочее движение» во главе с Д. Бен-Гурионом строило свою политическую гегемонию. Активисты ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ видели, что, несмотря на формальное наличие всевозможных демократических институтов и процедур, в критические моменты их совершенно некому защитить от диктаторских замашек Д. Бен-Гуриона. *Фактически, именно Д. Бен-Гурион подтолкнул активистов ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ к политической деятельности, которой они в принципе заниматься не стремились. Несколько парадоксальным образом, именно его настойчивое стремление сокрушить оппонентов «рабочего движения» привело к тому, что, пусть и спустя три десятилетия, сокрушенным оказалось само «рабочее движение».*

Обращал на себя внимание тот факт, что решение правительства о запрете деятельности ЛЕХИ базировалось на применении драконовского британского мандатного законодательства, введенного в 1945 году. Менахем Бегин совершенно справедливо указал, что «эти законы дают Временному правительству диктаторские полномочия и, фактически, отменяют как права человека и гражданина, так и основы отправления правосудия в Израиле»²⁶². *Именно для того, чтобы не дать превратить Израиль в диктатуру, а права человека и гражданина – в фикцию,*

²⁶² Цит. по: Йехиам Вайц, *От вооруженного подполья – к политической партии* (Сде-Бокер: Университет имени Д. Бен-Гуриона в Негеве, 2003), стр. 161–163 [на иврите].

М. Бегину и его соратникам и пришлось идти в политику. На 25 января 1949 года были назначены выборы в Учредительное собрание Государства Израиль, и ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ приняли решение в них участвовать.

5. Новая политическая конфигурация: национал-либералы в Учредительном собрании

Анализируя партийно-политическую систему, существовавшую в той или иной стране достаточно давно, необходимо избежать соблазна ее рассмотрения сквозь призму терминов и понятий дня сегодняшнего. Особенно это верно применительно к Израилю, где все разделение на так называемых «правых» и так называемых «левых», несколько странным образом, оказалось выстроено вокруг полемики о будущем территорий, занятых Израилем в 1967 году: те, кто принимали тезис, что Государству Израиль нужно быть готовым расстаться с этими территориями «в обмен на мир» с палестинцами и арабскими странами, стали именоваться «левыми», те же, кто отстаивали идею так называемой «неделимой Эрец-Исраэль» – «правыми».

Необходимо понимать, что подобное деление на «правых» и «левых» не существует больше ни в одной стране мира, ибо существующие в них линии политических водоразделов принципиально иные. В странах Запада к «левым» принято относить социал-демократов, социалистов и коммунистов, а к «новым левым» – экологов, борцов за ядерное разоружение и адептов так называемой «политики идентичностей»,

мотивирующих представителей любых меньшинств не только рассчитывать на формальное либеральное равенство, но и на возможность самовыражения и гарантированного участия в общественно-политических, экономических, правовых и социально-культурных институтах именно в качестве представителей того или иного меньшинства. К «правым» же относят как адептов свободного рынка, так и приверженцев консервативных ценностей, а к «новым правым» – сторонников жесткого контроля миграции и так называемых «евроскептиков». В этой связи очевидно, что партия «Шинуй» [«Перемена»], которая в 1992 году растворилась в блоке МЕРЕЦ, в Израиле считающаяся леворадикальной, на Западе была бы охарактеризована как типично правоцентристская. Это же верно относительно партии «Иеш атид» [«Есть будущее»], возглавляемой Яиром Лапидом: в Израиле ее считают левоцентристской, тогда как на Западе сочли бы, скорее, правой, ибо ни «Иеш атид», ни «Шинуй» ни с какой стороны не выступают за строительство социализма, расширение прав профсоюзов и социально-ориентированное законодательство.

Надо при этом помнить, что сама полемика о том, можно ли и нужно ли отдавать какие бы то ни было территории в обмен на какой-либо мир, не могла начаться до того, как обсуждаемые территории попали под контроль Израиля, а это случилось только в июне 1967 года. На протяжении первых девятнадцати лет израильской государственности никаких разговоров о возможности отказа от тех или иных территорий ни в обмен на мир, ни в обмен на что бы то ни было другое не

велось в принципе, однако очевидно, что разделение на «правых» и «левых» существовало и тогда, и оно в целом было куда ближе к общепринятому: партии, позиционировавшие себя как социалистические и коммунистические считались «левыми», тогда как видевшие будущее Израиля как государства свободного рынка с многоукладной экономикой – правыми.

Важно понимать, что тогдашние «левые» придерживались не менее жесткого курса в отношении арабов, чем тогдашние «правые». Достаточно сказать, что наиболее боеспособные силы Армии обороны Израиля в Войне за независимость были сформированы из отрядов ПАЛЬМАХа, офицеры и солдаты которого в большинстве своем солидаризировались с социалистической Объединенной рабочей партией (МАПАМ). При этом, вопреки тому, что можно было бы ожидать от «левых», в эту партию, равно как и в социал-демократическую Партию Труда и в Федерацию профсоюзов (*Хистадрут*), вообще не принимали арабов, даже получивших израильское гражданство.

Это краткое предуведомление совершенно необходимо для того, чтобы четче представлять, кому именно посвящена настоящая книга. В сегодняшнем Израиле «национал-либеральной» называет себя партия «Ликуд», но она возникла в качестве таковой вследствие объединения различных политических сил в 1973 году. В последние сорок пять лет очевидно, что именно «Ликуд» является ведущей политической силой национал-либеральной направленности в Израиле. Однако кого и на каком основании можно причислить к национал-

либералам в первые четверть века израильской государственности, с 1948 по 1973 годы? Этот вопрос является отнюдь не простым.

С одной стороны, сложно отрицать, что ни одной партии, которая бы называла себя таковой в первые четверть века израильской государственности в стране не было. Однако важно все-таки не столько смотреть на названия партий и общественно-политических движений, сколько сущностно анализировать выдвигавшиеся ими программы. Для примера укажем, что и Франсуа Миттеран, и Франсуа Олланд были президентами, выдвинутыми Социалистической партией, но всем понятно, что никакого социализма во Франции, ни когда они пришли к власти, ни когда они завершили свои президентские каденции, не было. Представляется, что *на национал-либеральный сегмент израильской политической системы в первые годы государственности все-таки можно посмотреть ретроспективно из 1973 года: все, кто в конечном итоге объединились в составе национал-либерального блока, могут быть отнесены к этому «лагерю» и тогда, и когда они существовали обособленно под другими названиями.* В составе блока «Ликуд» объединились различные политические силы, возникшие в разное время, зачастую отнюдь не в 1948 и не в 1949 году. Если смотреть на итоги выборов в Учредительное собрание, которые прошли 25 января 1949 года, то пять участвовавших в них партий, в разные годы объединяясь между собой, и сформировали, вместе с другими политическими группами, национал-либеральное

движение²⁶³. Процесс этот был сложным, совсем не линейным и развивавшимся зачастую не так, как можно было ожидать.

Ицхак Шамир справедливо указывал, что «имя и дух Жаботинского живут сегодня в общественном сознании в основном благодаря движению “Ликуд”, которое в наибольшей мере выражает и представляет принципы его философии и может считаться носителем его политического завещания»²⁶⁴. В самом деле, официальная историография «Ликуда» постулирует, что эта партия объединяет идейных и политических наследников В.Е. Жаботинского, а партийный штаб и поныне находится в Тель-Авиве в здании, носящем его имя. Так, однако, было не всегда. Нужно помнить, что Союз сионистов-«ревизионистов», непосредственно основанный самим В.Е. Жаботинским, закончил свое существование еще в 1949 году, получив лишь 2.892 голоса принявших участие в выборах в Учредительное собрание (менее 1% избирателей)²⁶⁵. Список, называвшийся «Движение Жаботинского – союз сионистов-ревизионистов»,

²⁶³ См. таблицы, приведенные в книге: Бениамин Нойбергер, *Политические партии в Израиле* / пер. с иврита С. Фролова (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1998), стр. 144, 162.

²⁶⁴ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 20.

²⁶⁵ Все приводимые здесь данные, касающиеся итогов выборов в Учредительное собрание, представлены по итоговым протоколам, хранящимся в Архиве Кнессета.

выдвинул девяносто одного кандидата²⁶⁶, из которых в Учредительное собрание, вскоре объявившее себя Кнессетом первого созыва, не прошел ни один. Таким образом, *та политическая сила, которая, по идее, должна была стать остовом национально-либерального лагеря, с первых же дней израильского парламентаризма оказалась вычеркнута из политической жизни страны. Эту нишу заняли другие партии и движения, которые постепенно утвердились как продолжатели и наследники В.Е. Жаботинского* – вместо тех, кто с наибольшим основанием считались таковыми изначально, – а в Учредительном собрании сформировались четыре фракции, которые много позднее, объединившись между собой, и составили «Ликуд».

Список «Движение Жаботинского – союз сионистов-ревизионистов» возглавлял уроженец Одесской области Арье Альтман, еще в 1931 году избранный главой отделения сионистов-«ревизионистов» США, где он в то время жил, а после смерти В.Е. Жаботинского в 1940 году возглавил политический секретариат движения в Иерусалиме. Это был высокообразованный человек, получивший степень доктора наук в Нью-Йоркском университете (и который, несмотря на это, опять же, никогда не приглашался профессором ни в один из университетов в Израиле). Проблема, однако, состояла в том, что в отличие от В.Е. Жаботинского, которого

²⁶⁶ Все списки кандидатов в депутаты Учредительного собрания хранятся в архиве Национальной и университетской библиотеки Израиля в Иерусалиме.

воспринимали в качестве своего непререкаемого лидера и БЕЙТАР, и ЭЦЕЛЬ, Арье Альтман в этих организациях влияния не имел. Никакого влияния в них не имели и три общественных деятеля – Бен-Цион Штернберг, Цви Сегал и Нафтали Герцль Розенблюм, входившие в состав Временного государственного совета Израиля как представители сионистов-«ревизионистов». *Сложилась непростая ситуация, при которой политическая и «партизанская» ветви, каждая из которых считала себя наследницей В.Е. Жаботинского, существовали совершенно обособленно друг от друга.*

Эта проблема отчетливо проявилась и в дни кризиса вокруг «Альталены», когда политические руководители сионистов-«ревизионистов» не были вовлечены ни в какие усилия по разрешению кризиса, а попытки избежать кровопролития предпринимали лидеры Общих сионистов, либеральной Прогрессивной партии и религиозно-сионистских движений «Мизрахи» и «Ха'поэль ха'мизрахи», для которых руководители ЭЦЕЛЯ все же не были идейными единомышленниками.

Из-за раскола, произошедшего среди соратников В.Е. Жаботинского, его единственный сын Ари-Теодор баллотировался на выборах в Учредительное собрание в составе другого списка, что, очевидным образом, ставило под сомнение моральное право Союза сионистов-«ревизионистов» называть себя «движением Жаботинского». Хотя движение БЕЙТАР с 1925 года

существовало и в Палестине/Эрец-Исраэль²⁶⁷, его основная деятельность велась в странах диаспоры, тогда как непосредственно в Палестине/Эрец-Исраэль наиболее преданная борьбе за национальную независимость молодежь, видевшая своим кумиром В.Е. Жаботинского, вступала в ЭЦЕЛЬ или ЛЕХИ. Деятельность этих организаций была запрещена Д. Бен-Гурионом и его соратниками в сентябре 1948 года, что заставило их лидеров, в значительной мере против своей воли, идти в политику, чтобы идеалы, за которые они боролись, не были растоптаны и преданы забвению.

Список кандидатов в депутаты Учредительного собрания от ЛЕХИ включал всего десять фамилий, причем первые два кандидата – Натан Елин-Мор (Фридман) и Матитьяху Шмуэлевич (1920–1995) находились во время избирательной кампании в камерах тюрьмы в Акко, куда их заточили уже отнюдь не англичане!.. ЛЕХИ, безусловно, была милитантной боевой организацией, но сформированный ею предвыборный *Список борцов* имел очевидную правозащитную направленность, ставя своей целью освобождение политических заключенных. Эта цель была достигнута; когда *Список борцов*, получив 5.363 голоса, получил одно место в Учредительном собрании, то оба руководителя движения, в том числе и не ставший депутатом М. Шмуэлевич (в 1980 году М. Бегин назначил его главой Администрации главы правительства), были из заключения освобождены.

²⁶⁷ См.: Эстер Штейн-Ашкенази, *БЕЙТАР в Эрец-Исраэль, 1925–1947* (Тель-Авив: Институт им. Жаботинского, 1997 [на иврите]).

При этом сам Н. Елин-Мор отнюдь не был либералом по своим взглядам, а с конца 1940-х годов его мировоззрение было откровенно просоветским²⁶⁸: на учредительном съезде Партии борцов Н. Елин-Мор охарактеризовал Советский Союз как «союзника Израиля»²⁶⁹, а в марте 1949 года выступил за строительство в Израиле социализма, национализацию средств производства и переход к плановой экономике²⁷⁰. Существует мнение о том, что совершенное боевиками ЛЕХИ в феврале 1948 года необъяснимое на первый взгляд убийство преданного сторонника сионистского движения, верного друга Авраама Штерна, бывшего генерального консула Польши в Палестине Витольда Хуланицкого (Witold Hulanicki, 1890–1948), буквально накануне его отъезда в Лондон обвиненного в том, будто он был «польским шпионом и агентом британской разведки»²⁷¹, было инспирировано внешней разведкой

²⁶⁸ И. Шамир в книге *Подводя итоги* (стр. 107) вспоминал, что под влиянием Н. Елин-Мора «в рядах ЛЕХИ наметился сдвиг влево, вроде романа с социалистическим миром, очаровавшим некоторых наших молодых товарищей».

²⁶⁹ Цит. по: «Борцы собрались вчера на свой первый съезд» // *Херут* [«Свобода»], 25 февраля 1949 г. [на иврите].

²⁷⁰ Цит. по: «Борцы объявили свою цель: социалистический строй в целостной Эрец-Израэль» // *Херут* [«Свобода»], 28 марта 1949 г. [на иврите].

²⁷¹ Н. Елин-Мор в своих воспоминаниях утверждал, будто были сведения, что В. Хуланицкий передает информацию англичанам и арабам – против евреев, не приводя никаких источников этих

Советского Союза²⁷², с которой Н. Елин-Мор, вероятно, сотрудничал²⁷³. Возможно, он и был тем «своим человеком» советской разведки, которого, по воспоминаниям Павла Судоплатова, в окружение Авраама Штерна удалось заслать одному из руководителей заграничной разведывательной и диверсионной работы органов госбезопасности СССР Якову Серебрянскому (1891–1956) еще в 1937 году²⁷⁴, ведь именно тогда Н. Елин-Мор (Фридман) в Польше познакомился с А. Штерном. П.А. Судоплатов утверждал, что контакт с этим человеком поддерживал «Семенов»; насколько известно, его

сведений и не конкретизируя их; о дружбе В. Хуланицкого с А. Штерном деятелям ЛЕХИ якобы не было известно; см.: Натан Елин-Мор, *ЛЕХИ – Борцы за свободу Израиля* (Тель-Авив: «Шикмона», 1974), стр. 473 [на иврите].

²⁷² См.: Isabella Ginor and Gideon Remez, “A Cold War Casualty in Jerusalem, 1948: The Assassination of Witold Hulanicki” // *Israel Journal of Foreign Affairs*, vol. 4, no. 3 (2010), pp. 135–156.

²⁷³ Нужно сказать, что еще Исер Харэль в своей изданной более тридцати лет назад книге *Советский шпионаж: Коммунизм в Эрец-Исраэль* (Тель-Авив: «Эйданим», 1987 [на иврите]) посвятил целую главу вопросу о том, был ли Натан Елин-Мор советским агентом, дав отрицательный ответ (стр. 193–205). Жаль, что Исера Харэля уже пятнадцать лет нет в живых, и ему невозможно показать опубликованные с тех пор новые материалы, чтобы спросить, не пересмотрел ли бы он свое мнение в свете этих публикаций.

²⁷⁴ См.: Павел Судоплатов, *Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля* (Москва: «Гея», 1996), стр. 345.

настоящее имя – Эйл (Александр) Таубман (1916–1974). Он родился в Париже в семье эмигранта-бундовца из Ковно (Каунаса), долгие годы вел нелегальную работу во Франции, в Румынии и в Палестине/Эрец-Исраэль и, в частности, в 1938 году организовал в Париже убийство немецкого коммуниста Рудольфа Клемента²⁷⁵, в 1933–1935 годах бывшего секретарем Л.Д. Троцкого, а затем ставшего секретарем Бюро IV Интернационала. Вся эта проблематика, очевидно, лежит за рамками основной темы настоящей книги, но важно понимать, что те, кто боролись за «неделимую Эрец-Исраэль на обоих берегах реки Иордан», могли быть не только не либералами, но и откровенно просоветски настроенными строителями социализма. Это лишний раз демонстрирует, насколько специфическим является принятое в Израиле разделение на «правых» и «левых».

Уже в апреле 1949 года в Партии борцов произошел раскол, и девять членов ее Центрального комитета, включая Исраэля Эльдада (Шайба) и много лет спустя ставшую депутатом Кнессета Геулу Коэн, покинули движение, справедливо обвинив «своего» единственного депутата в предательстве заветов как В.Е. Жаботинского, так и А. Штерна²⁷⁶. Партия борцов распалась, и больше никогда ни в каких выборах не участвовала. Н. Елин-Мор же продолжал борьбу, став в 1960 году, когда Франция всюю помогала Израилю обрести свой ядерный

²⁷⁵ Там же, стр. 58.

²⁷⁶ Цит. по: «Д-р Шайб назвал Елин-Мора “предателем” и вышел [из партии]» // *Маарив*, 29 апреля 1949 г. [на иврите].

потенциал, одним из создателей, наряду с видными деятелями Коммунистической партии Моше Сне и Туфиком Туби (1922–2011), т.н. Израильского комитета за свободный Алжир; в декабре 1967 года он был одним из учредителей т.н. Движения за израильско-палестинскую федерацию. В 1969 году он вновь пытался попасть в Кнессет, на этот раз – в составе леворадикального, по израильским понятиям, Списка за мир, который, однако, не преодолел электоральный барьер.

Однако что для списка ЛЕХИ стало закатом, то для списка ЭЦЕЛЯ стало началом долгого пути к триумфу. Именно в ходе выборов в Учредительное собрание взошла политическая звезда Менахема Бегина: возглавляемый им список, полное название которого было *Партия Свободы, основанная Национальной военной организацией (ЭЦЕЛЬ)*, неожиданно для многих оказался первым по популярности среди всех национально-либеральных сил. Командир ЭЦЕЛЯ Менахем Бегин вновь, как и в дни польского БЕЙТАРа, представший ярким оратором и хлестким полемистом, предвыборный список возглавлял, его предшественник и заместитель Яаков Меридор шел третьим. В список входила и родная сестра погибшего четвертого командира ЭЦЕЛЯ Давида Разиэля, Эстер Разиэль-Наор (1911–2002), а также сын В.Е. Жаботинского Ари-Теодор и его соратники по общественной деятельности, которую они вели в США, – Хиллель Кук и Шмуэль Мерлин (1910–1994). Партия Свободы получила на выборах почти пятьдесят тысяч голосов – 49.782 (четырнадцать мандатов), и хотя это было в три с лишним раза меньше, чем получила возглавлявшаяся Д. Бен-

Гурионом Партия Труда, остальные политические силы, не связанные с «рабочим движением» и миром иудейской ортодоксии, получили еще меньше: Общие сионисты – 22.661 голос (семь мандатов), либеральная Прогрессивная партия – 17.786 голосов (пять мандатов). Таким образом, *Менахем Бегин, до этого ни в какие политические структуры не входивший* (он не был ни депутатом Собрания представителей, ни членом Народного совета, ни Временного государственного совета и не избирался делегатом Сионистских конгрессов), *в одночасье стал признанным политическим лидером национал-либерального Израиля.*

Нужно сказать, что никаких выборов или голосований по списку кандидатов в Учредительное собрание от Партии Свободы не было; М. Бегин составлял список единолично, и, например, руководивший всеми боевыми операциями ЭЦЕЛЯ А. Паглин был глубоко оскорблен, увидев себя лишь на двенадцатом месте. М. Бегин согласился передвинуть его на седьмое, но А. Паглин объявил, что не будет баллотироваться, если ему не будет предоставлено второе место. Этот внутренний бунт ни к чему не привел – М. Бегин список не изменил²⁷⁷. Однако этого совестливого человека многие годы мучило чувство вины, и спустя двадцать восемь лет, став, наконец, главой правительства, он назначил А. Паглина своим советником по борьбе с террором. На двенадцатом месте в списке Партии Свободы в итоге оказался Э. Ланкин, и это тоже покорило многих, включая его самого, ибо он не

²⁷⁷ См.: Ави Шилон, *Бегин*, стр. 145–146.

без оснований считал, что глава ЭЦЕЛЯ обязан ему своей спасенной на «Альталене» жизнью. М. Бегин объяснял своим соратникам, что в политической деятельности требуются иные навыки, чем в партизанской борьбе, но отнюдь не все готовы были с этим согласиться – и ряда активистов подполья Партия Свободы лишилась уже тогда, в первые месяцы своего существования.

Более того, М. Бегин потребовал, чтобы все кандидаты в депутаты с самого начала подписались под заявлениями о собственной досрочной отставке; не без возражений они сделали это, воспринимая данный шаг как чистую формальность²⁷⁸, однако когда на выборах, на которых М. Бегин нацеливался минимум на 25 мандатов²⁷⁹, Партия Свободы получила всего пятнадцать, и Эстер Разиэль-Наор, бывшая на семнадцатом месте в списке, в число депутатов не попала, он воспользовался заявлением адвоката д-ра Авраама Вейншала (1893–1968), который занимал десятое место, но так в итоге и не получил депутатский мандат.

Эстер Разиэль-Наор пользовалась большим авторитетом и доверием в ЭЦЕЛе. Яков Меридор вспоминал, что именно ей он направил из каирской тюрьмы тайное послание, адресованное Менахему Бегину²⁸⁰. Сын Эстер Разиэль-Наор, Арье, вспоминал, как «на другой день после провозглашения независимости Израиля Менахем Бегин пришел к нам домой поздравить

²⁷⁸ См. там же, стр. 147.

²⁷⁹ См.: Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин*, стр. 194.

²⁸⁰ Яков Меридор, *Длинна дорога к свободе*, стр. 70.

дедушку и бабушку – родителей Давида Разиэля, с праздником»²⁸¹. (Спустя тридцать лет, став главой правительства, М. Бегин пригласил сына Арье Наора на пост секретаря кабинета министров, который он занимал на протяжении пяти лет, до апреля 1982 года). И все же вряд ли в 1949 году это была обоснованная замена, принимая во внимание, что речь шла о работе не в подполье, а в парламенте. Уроженец Баку Авраам Вейншал, в 1911–1916 гг. изучавший право в университетах Германии и Швейцарии, бывший депутатом Собрания представителей еврейской общины подмандатной Палестины/Эрец-Исраэль второго и третьего созывов, был бы более чем полезен в Учредительном собрании, ибо никто из избранных по списку Партии Свободы никакого парламентского опыта не имел. В 1926 году Авраам Вейншал основал в Хайфе ассоциацию правовой помощи «*Зхутейну*» [«Наши права»], призванную помогать евреям, пострадавшим от преследований по политическим мотивам. Позднее, в августе 1947 года, он был арестован британскими властями, на протяжении сорока дней находился в тюрьме, но не изменил своим идеалам и принципам. Его сын Шауль (1927–1948) геройски погиб в бою во время Войны за независимость Государства Израиль. Однако М. Бегин решил передать его мандат Э. Разиэль-Наор – и А. Вейншал не стал это оспаривать. Прошли годы, пока в Партии Свободы утвердились демократические процедуры, ныне считающиеся самоочевидными.

²⁸¹ Цит. по Марк Зайчик, *Жизнь Бегина*, стр. 253.

Неожиданным даже для своих соратников образом, второе место в списке Партии Свободы М. Бегин отдал выдающемуся поэту Ури-Цви Гринбергу (1896–1981), который был идеологически близок к ЭЦЕЛю, однако никогда не входил в число его руководителей. У.-Ц. Гринберг оставался депутатом на протяжении лишь одной каденции, вернувшись к литературной деятельности, за которую он в 1957 году был удостоен Государственной премии Израиля. Очевидно, этим выбором М. Бегин отдал дань своему глубочайшему уважению к интеллектуалам, создававшим новую литературу и культуру на языке иврит.

Вероятно, опасаясь конкуренции со стороны Ари-Теодора Жаботинского, М. Бегин поставил его лишь на четырнадцатое место. Отношения между М. Бегиним и А.-Т. Жаботинским со временем лишь ухудшались, и уже 20 февраля 1951 года А.-Т. Жаботинский вышел из фракции Партии Свободы. В тот же день аналогичный поступок совершил и Хиллель Кук, вследствие чего фракция Партии Свободы сократилась в ходе работы Кнессета первого созыва с четырнадцати до двенадцати депутатов. Вопреки ошибочным утверждениям в целом ряде публикаций, документы, изученные в архиве Кнессета, свидетельствуют, что друг А.-Т. Жаботинского и Х. Кука Шмуэль Мерлин не последовал их путём, до конца работы Кнессета первого созыва оставаясь в составе возглавлявшейся М. Бегиним фракции Партии Свободы.

М. Бегину было очень важно, что в 1950 году движение сионистов-«ревизионистов» во главе с А. Альтманом присоединилось к Партии Свободы, и это

стало первым в цепочке многих объединений, которые, спустя почти тридцать лет, позволили ему возглавить правительство Израиля. С электоральной точки зрения, это объединение мало что давало: как указывалось выше, список во главе с А. Альтманом, получил менее трех тысяч голосов, в семнадцать раз меньше, чем Партия Свободы, но прекратился раскол в самом «ревизионистском» движении в Государстве Израиль²⁸². Однако темпы этого процесса ни в коем случае нельзя переоценивать: к концу работы Кнессета первого созыва Партия Свободы была представлена фракцией из лишь двенадцати человек, что составляло только 10% состава парламента.

С первой же попытки М. Бегин сумел добиться положения ведущего политического лидера в лагере сионистов-«ревизионистов», а также главы наиболее популярной в обществе партии национально-либеральной направленности. Однако не получив приглашения войти в состав правительства, и будучи отрезан от реальных рычагов власти и управления, М. Бегин, как и его соратники, находился на огромном расстоянии от того места во главе страны, куда он хотел прийти, и куда, как был ошибочно уверен Д. Бен-Гурион, он не придет никогда. М. Бегину в итоге удалось добиться, казалось бы, невозможного, но этот путь занял почти тридцать лет.

²⁸² См. Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин*, стр. 196.

ГЛАВА IV.

ВОПРЕКИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ:

ПУТЬ К ОБРЕТЕНИЮ

ОБЩЕСТВЕННОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ

1. Партия Свободы в Кнессете: парламентские будни борцов подполья

На протяжении десятков лет основной заботой еврейского национального движения была борьба за обретение государственности. Собственно говоря, именно в этом и состояло ключевое отличие так называемых «ревизионистов» от их идеологических оппонентов, которые либо стремились к одновременному воплощению национального и социального идеалов, либо были озабочены тем, чтобы еврейское государство, если когда и возникнет, было верным традициям ортодоксального иудаизма. Оппоненты национал-либералов слева не видели смысла в еврейском государстве, которое при этом не будет социалистическим, а оппоненты из религиозных кругов считали невозможным, чтобы еврейское государство не гарантировало статус иудаизма как государственной религии. В.Е. Жаботинский же и его сторонники настаивали на том, что вопросы социально-экономической политики, равно как и статуса религии в общественной жизни, можно и нужно обсуждать тогда и только тогда, когда достигнуто главное – независимость еврейского государства. Это помогало «ревизионистам» мобилизовать сторонников, которым как раз и казалась неправильной внутренняя борьба за облик государства, которого все равно не было – и создание которого отнюдь не было гарантировано. Однако после принятия решения о создании еврейского государства на Генеральной Ассамблее ООН, а в еще большей мере – после того, как стране удалось выстоять и победить в Войне за

независимость, движение соратников и наследников В.Е. Жаботинского оказалось перед насущной необходимостью заново сформулировать цели и смысл своего существования.

На протяжении десятилетий В.Е. Жаботинский и его единомышленники не без оснований обвиняли так называемое «рабочее движение» в том, что многие его шаги и устремления оказывают негативное влияние на борьбу за обретение государственности, однако к 1949 году непреложными стали два факта: во-первых, еврейское государство возникло, выстояло и получило признание со стороны ведущих мировых держав, а во-вторых, руководящие позиции в этом государстве оказались заняты именно представителями «рабочего движения». Какова была тогда роль и миссия «ревизионистов»? С какой программой и ради чего им следовало, если следовало, участвовать в выборах? Эти вопросы отнюдь не были тривиальными и, как представляется, именно неспособностью дать быстрый и убедительный ответ на них объясняется провал списка во главе с д-ром Арье Альтманом на выборах в Учредительное собрание. Фактически, избиратель сказал «ревизионистам», что «они сделали свое дело» – и, не имея никаких других устремлений, могут уходить с общественно-политической арены страны. Существовала поэтому реальная опасность того, что политическое наследие В.Е. Жаботинского останется исключительно объектом изучения историками.

Этого, однако, не случилось, но не случилось именно потому, что нашлась *другая* политическая сила, которая *добровольно* взяла на себя миссию сохранения этого

наследия, настаивая на том, что оно имеет непреходящее значение. Ключевая роль в этой связи принадлежит лично Менахему Бегину и д-ру Йоханану Бадеру (1901–1994), которые формулировали политическую программу Партии Свободы перед выборами в Учредительное собрание – программу, в целом остающуюся в значительной мере неизменной и поныне. Во время борьбы за обретение государственности вооруженные организации подполья, в частности, ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ, не публиковали каких-либо листовок или деклараций в отношении социальных, экономических или глобальных внешнеполитических вопросов. Как указывалось выше, единственный ставший депутатом представитель ЛЕХИ Натан Елин-Мор выступал за строительство в Израиле социализма, национализацию средств производства и внешнеполитическую ориентацию на Советский Союз; в принципе, ничего не мешало выступать под такой же программой и руководителям ЭЦЕЛЯ. То, что они не сделали этого, было, повторим, их личным добровольным выбором, но с течением времени стало ясно, что именно этот выбор имел решающее значение для будущего израильской политики.

По решению временного Государственного совета первые выборы должны были состояться 25 ноября 1948 года, но так как в то время бои Войны за независимость еще продолжались, выборы были проведены только в январе 1949 года. В предвыборной программе Партии Свободы М. Бегин и Й. Бадер зафиксировали стремление к строительству в Израиле экономики, базирующейся на ценностях свободного рынка, к превращению Федерации

профсоюзов в то, чем она должна быть, исходя из ее собственного названия (а в те годы Федерация профсоюзов была и крупнейшим работодателем в стране, ибо в ее собственности находились многочисленные предприятия и организации в самых разных сферах и отраслях), разделение между членством в том или ином профессиональном союзе (настаивая на том, что решение о вступлении в таковой каждый работник должен принимать самостоятельно) и медицинским страхованием. Кроме того, указав, что Государство Израиль должно сохранять нейтралитет в противостоянии между тогдашними великими державами, программа Партии Свободы постулировала, что по своей внешнеполитической ориентации Израиль, не стремясь строить социализм, естественным образом оказывается среди государств условного Запада.

Надо сказать, что в последнем пункте программа Партии Свободы, основанная активистами ЭЦЕЛЯ, вполне соответствовала и курсу Давида Бен-Гуриона, который как раз в этом более всего расходился с руководителями Объединенной рабочей партии (МАПАМ), желавшими видеть Израиль частью блока «прогрессивных сил» во главе с Советским Союзом, который тогда, напомним, возглавлял И.В. Сталин. По всем же остальным вопросам программа Партии Свободы радикально отличалась от позиций, защищаемых Партией Труда, бывшей едва ли не сообщающимся сосудом с Федерацией профсоюзов и стремившейся не ослаблять, а, наоборот, всячески укреплять его. В Израиле всегда существовали довольно строгие законы в отношении финансирования партий, а

потому именно бездонный бюджет Федерации профсоюзов обеспечивал многократное финансовое превосходство Партии Труда над всеми ее конкурентами, в том числе и во время предвыборных кампаний – и Партия Труда совершенно не хотела лишаться этого преимущества.

На протяжении пяти лет, предшествовавших провозглашению независимости Израиля, именно ЭЦЕЛЬ был наиболее активной и бесстрашной организацией, способствовавшей изгнанию из Палестины/Эрец-Исраэль британцев. Однако задачи, перед которыми стоял Израиль после того, как каждый сотый еврейский житель погиб в боях Войны за независимость, а в страну шла беспрецедентная волна массовой иммиграции, за три года удвоившая ее население, не могли быть решены методами подпольной борьбы.

Партия Свободы с первых дней своего существования выступала за то, чтобы еврейское государство существовало на всей территории подмандатной Палестины/Эрец-Исраэль, включая ту ее часть, на которой была создана Трансиордания. Всем было очевидно, что эти планы нереализуемы и представляют собой не столько политическую программу, сколько декларацию о намерениях. Вместе с тем, была одна важная сфера, в которой критика со стороны Партии Свободы была весьма болезненной для государственной власти – вопрос об Иерусалиме. Как известно, Генеральная Ассамблея ООН не предусмотрела включение в состав еврейского государства никакой части Иерусалима, однако в ходе Войны за независимость западная часть города оказалась

под израильским фактическим контролем. Тем не менее, главный город, к которому столетиями были обращены устремления еврейского народа, не был сразу же включен в состав еврейского государства. Процесс фактического оформления Западного Иерусалима как израильской столицы был довольно длительным: в сентябре 1948 года именно там начал работать Верховный суд, в феврале 1949 года – прошло первое заседание Кнессета и принес присягу ставший первым президентом страны Хаим Вейцман, в декабре 1949 года в город переехали администрация главы правительства и почти все министерства. 10 декабря 1949 года под давлением Давида Бен-Гуриона правительство утвердило решение об объявлении Иерусалима столицей Израиля (против чего, кстати, решительно возражал Моше Шарет, бывший тогда министром иностранных дел); 19 января 1950 года Кнессет провозгласил Иерусалим вечной столицей Государства Израиль²⁸³. Менахем Бегин призывал к такому шагу на протяжении полутора лет, однако когда он был совершен, то все связанные с этим аплодисменты, равно как и стрелы критики, получил не он, а Давид Бен-Гурион.

В условиях драматичной нехватки ресурсов, правительство, возглавлявшееся лидерами Партии Труда, объявило о политике сокращения потребления и введении карточной системы на основные продукты и товары, что, естественным образом, привело к недовольству широких слоев населения, не говоря уже о расцвете «серого и

²⁸³ Григорий Меламедов и Алек Эпштейн, *Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история*, стр. 195–196.

черного рынка». Драконовские ограничения на вывоз из Израиля свободно конвертируемой валюты (а израильская лира таковой ни в коем случае не была), равно как и тотальный запрет израильским гражданам иметь какие-либо счета в иностранных банках, служили дополнительным фактором раздражения в глазах все сокращавшегося среднего класса. В результате этого усиливалась популярность именно той политической силы, которая выступала с максимально аполитичных позиций, «просто» настаивая на том, что своими действиями государственная власть душист наиболее активную и творческую часть населения страны.

Не забудем, что демократически избранными мэрами крупнейшего из новых еврейских городов – Тель-Авива – были в 1921–1936 годах Меир Дизенгоф (1861–1936), а в 1936–1953 годах – Исраэль Роках (1889–1959), каждый из которых пришел в политику не из Федерации профсоюзов, а из бизнеса. Именно представители партии так называемых Общих сионистов, одним из которых, кстати, и был И. Роках, наиболее активно говорили от имени тель-авивского среднего класса. Хотя Общие сионисты не могли похвастаться своим вкладом в какое бы то ни было подполье, которое добилось для еврейского народа государственной независимости, именно они заняли второе место на выборах в Кнессет второго созыва, прошедших 30 июля 1951 года, получив 111.394 голосов избирателей – почти в два с половиной раза больше, чем

основанная активистами ЭЦЕЛЯ Партия Свободы, оказавшаяся лишь на пятом месте с 45.651 голосами²⁸⁴.

Итоги выборов в Кнессет второго созыва фактически подвели жирную черту под эпохой борьбы еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль за свое государство. Когда это государство стало свершившемся фактом, то основными политическими силами в нем оказались партии так называемого «рабочего движения» (Партия Труда и МАПАМ в сумме получили в 1951 году шестьдесят мандатов, то есть ровно половину списочного состава Кнессета) и либералы, выступавшие от имени среднего класса и городской интеллигенции (Федерация Общих сионистов и Прогрессивная партия на двоих получили двадцать четыре мандата). Заняв лишь пятое место и получив менее семи процентов голосов, Партия Свободы встала перед срочной необходимостью заново определить свой целевой электорат, а также задачи, ради решения которых она просит у общества мандат доверия.

Нужно сказать, что сам М. Бегин, будучи глубоко разочарован итогами выборов в Кнессет второго созыва, склонялся к тому, чтобы уйти из политики; он даже записался в адвокатскую контору под управлением Макса Крайцмана (1914–2003) на прохождение в ней практики с целью получения лицензии на занятие юридической деятельностью²⁸⁵. М. Бегин колебался и на протяжении

²⁸⁴ Данные об итогах выборов представлены по итоговым протоколам Центральной избирательной комиссии, хранящимся в Архиве Кнессета.

²⁸⁵ Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин*, стр. 196.

более чем четырех месяцев не получал депутатский мандат, полагавшийся ему как лидеру Партии Свободы, занимавшему первое место в ее предвыборном списке. Вместе с тем, взвешивая возможность ухода из политики, М. Бегин окончательно к такому решению не пришел, вследствие чего, не взяв мандата, он и не отказался от него в пользу шедшего девятым руководителем альтернативной Национальной федерации профсоюзов Элизера Шостака (1911–2001). Аналогичные сомнения были и у шедшего вторым в списке Партии Свободы Яакова Меридора, который как раз 2 ноября 1951 года от мандата отказался (впрочем, в 1955 году он вернулся в Кнессет, депутатом которого оставался непрерывно до ноября 1969 года, а затем еще раз в 1981–1984 годах).

Еженедельник «Ха'олам ха'зе» [«Этот мир»] так описывал положение в Партии Свободы накануне выборов в Кнессет второго созыва: «Корень кризиса – отсутствие объединяющей идеи (помимо романтики подполья), а также подозрение, таящееся в глубине души остальных лидеров партии, что Менахем Бегин не потерпит вокруг себя других значительных фигур. Была еще одна невысказанная, но всем ясная причина: никто не верил, что движение получит необходимое число голосов, чтобы “вернуть” в Кнессет большинство депутатов, избранных на предыдущих выборах»²⁸⁶. Эти опасения подтвердились: на выборах в Кнессет первого созыва Партия Свободы получила четырнадцать мандатов, на выборах в Кнессет второго созыва два года спустя – только восемь.

²⁸⁶ Ха'олам ха'зе [«Этот мир»], 15 марта 1951 г. [на иврите].

Нужно помнить, что список Партии Свободы перед выбором в Кнессет второго созыва включал и активистов партии сионистов-«ревизионистов», руководитель которой Арье Альтман шел пятым, однако это объединение никоим образом не способствовало электоральному успеху списка. Необходима была какая-то новая сфера, в которой бы Партия Свободы, не находившаяся у руля управления страной и не имевшая, поэтому, доступа к распределению государственных и муниципальных ресурсов (который имели и так называемое «рабочее движение», и Общие сионисты), могла бы отчетливо продемонстрировать свою особую позицию, надеясь, что многим она окажется близка. М. Бегин не сдал свой депутатский мандат, выжидая и размышляя, и эта тактика себя оправдала.

Прозвучавшее как гром среди ясного неба сообщение Давида Бен-Гуриона о том, что правительство Израиля ведет переговоры с руководителями Федеративной Республики Германия, создало новую арену политических битв, на которой полемический сарказм и ораторский дар М. Бегина пришлись как нельзя кстати. 7 января 1952 года пленарное заседание Кнессета началось с принесения Менахемом Бегиным присяги в качестве депутата парламента. В тот же день он произнес одно из самых значительных выступлений за все годы своей политической деятельности.

2. Полемика о переговорах с Германией: идеалисты против прагматиков²⁸⁷

Идея о том, что Германия должна выплатить компенсацию еврейскому народу за материальный ущерб, причиненный ему в годы Катастрофы, появилась еще в разгар Второй мировой войны. В 1943 году в газете «Ха'арец» были опубликованы несколько статей Зигфрида Мозеса (1887–1974), в которых утверждалось, что после окончания войны еврейский народ должен потребовать от Германии выплаты компенсаций. В сентябре 1944 года З. Мозес опубликовал брошюру под названием *Post-War Jewish Claims* [«Послевоенные требования евреев»], в которой подробно изложил свои взгляды и размышления по этому вопросу.

В конце 1943 года этот вопрос был поднят на заседании правления Еврейского агентства в рамках специальной комиссии по планированию, созданной с целью определения перспектив деятельности в послевоенный период. 20 сентября 1945 года президент международной Сионистской организации Хаим Вейцман обратился к правительствам стран-союзниц с меморандумом, содержащим обобщенное требование о выплате компенсаций. В этом меморандуме утверждалось, что в результате массового уничтожения нацистами евреев

²⁸⁷ Эта глава книги в значительной степени базируется на соответствующих главах книги: Йехиам Вайц, *Политические и идеологические дискуссии* / пер. с иврита (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2001), стр. 176–219.

значительная часть их имущества, разграбленного во время Катастрофы, осталась без владельцев, и поэтому оно принадлежит жертве этого преступления, – то есть всему еврейскому народу, представителем которого и является Еврейское агентство. Далее в своем письме Х. Вейцман объяснил, что хотя в соответствии с существующим законодательством только государства имеют право на получение и распределение подобных компенсаций, учитывая беспрецедентный характер нацистских преступлений следует принять особые требования, предъявленные еврейским народом, не имевшим на тот момент своего государства. В то время обращение Х. Вейцмана осталось без ответа, и лишь после провозглашения государственного суверенитета Израиля эта тема получила дальнейшее развитие.

Принципиальное решение о начале ведения переговоров о выплате персональных компенсаций евреям, пострадавшим в годы Холокоста, было принято правительством Израиля 15 февраля 1950 года. Одновременно была высказана и идея о требовании компенсаций за конфискованное нацистами имущество тех евреев, которые погибли, и потому не могли подать иск с требованием индивидуальных компенсаций. Принимая во внимание деликатность этой темы, факт ее обсуждения в правительстве не оглашался. В сентябре 1950 года правительство Израиля назначило специальную комиссию по данному вопросу.

Спустя три месяца Министерство иностранных дел рекомендовало начать прямые переговоры со странами-победительницами (СССР, США и Великобританией), а

также с «властями Западной и Восточной Германии», о принципах выплаты компенсаций за конфискованное нацистами имущество евреев, погибших в годы Катастрофы. Рекомендации МИДа обсуждались на двух заседаниях правительства, состоявшихся 27 декабря 1950 года и 16 января 1951 года. Тогда правительство приняло решение обратиться к странам-победительницам с требованием обязать Германию выплатить репарации еврейскому народу. В соответствии с этим решением кабинета министров, Министерство иностранных дел обратилось в январе 1951 года к правительствам США, Великобритании и Советского Союза с просьбой, чтобы те потребовали от Германии выплатить указанную компенсацию. Обращение израильского МИДа было, однако, отвергнуто правительствами держав-победительниц. Израильскому правительству было предложено обратиться со своим требованием напрямую к правительству Германии.

Такой ответ стран-победительниц поставил израильское правительство перед весьма трудным выбором. Крайне тяжелое состояние израильской экономики, вызванное прибытием в Израиль за три года такого числа иммигрантов, что население страны удвоилось, вынуждало правительство искать деньги везде, где был шанс их найти, однако начало переговоров с Германией могло привести к серьезному внутреннему конфликту в израильском обществе. В этих условиях глава

правительства Давид Бен-Гурион принял нелегкое решение о начале прямых переговоров с Германией²⁸⁸.

Одновременно с решением о начале прямых переговоров с Германией, которое не было предано огласке, правительство Израиля послало правительствам победивших держав письмо, содержащее требование выплаты компенсаций в размере полутора миллиардов долларов за имущество, оставшееся без владельцев. После отправки этого письма министр иностранных дел Моше Шарет выступил 13 марта 1951 года с трибуны Кнессета и заявил: «Государство Израиль считает себя наследником миллионов погибших евреев, наделенным правом и обязанностью потребовать за них компенсацию, так как оно является единственным государственным образованием народа, за саму принадлежность к которому они были обречены на уничтожение».

Первая встреча представителей израильского правительства с канцлером ФРГ Конрадом Аденауэром состоялась в Париже 19 апреля 1951 года, и о ней не сообщалось в печати. На этой встрече Израиль представляли генеральный директор Министерства финансов Давид Хоровиц (1899–1979) и израильский посол в Париже Морис Фишер (1903–1965). В ходе встречи К. Аденауэр подчеркнул готовность сделать всё, от него зависящее, для того, чтобы правительство Германии выплатило компенсацию еврейскому народу и

²⁸⁸ См.: Yehudit Auerbach, “Ben-Gurion and Reparations from Germany”, in R. Zweig (ed.), *David Ben-Gurion – Political Leadership in Israel* (London: Frank Cass, 1991), pp. 274–292.

правительству Израиля за материальный ущерб, причиненный нацистами. Кроме того, канцлер обещал обдумать просьбу Д. Хоровица о том, чтобы Германия объявила о принятии на себя ответственности за преступления Третьего Рейха. Д. Бен-Гурион придавал этому заявлению особое значение, так как, понимая чувства, испытываемые большинством израильтян к Германии, он опасался, что общество придет в ярость, когда информация о переговорах с правительством ФРГ станет достоянием гласности. Он надеялся, что публичное выражение раскаяния со стороны руководителей Западной Германии подготовит почву для изменения общественного мнения.

27 сентября 1951 года К. Аденауэр выступил с заявлением с трибуны Бундестага, в котором отметил: «Федеральное правительство, а вместе с ним значительное большинство немецкого народа сознают, сколь безмерным было страдание, причиненное евреям в Германии и оккупированных странах в период господства национал-социализма. Именем немецкого народа были совершены неопишуемые преступления, требующие морального и материального возмещения, – как в отношении индивидуального ущерба, нанесенного евреям, так и в отношении имущества евреев, у которого в настоящее время не осталось владельцев или наследников». После выступления К. Аденауэра депутаты Бундестага почтили память жертв Холокоста минутой молчания.

После этого Д. Бен-Гурион решил начать открытые и официальные переговоры с Германией, что вызвало ожесточенную полемику в израильском обществе. В

декабре 1951 года данный вопрос обсуждался на заседании правления Еврейского агентства, в Комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне и на заседании правительства. Дискуссия достигла кульминации 7 января 1952 года, когда вопрос об отношениях с Германией был поставлен на повестку дня пленарного заседания Кнессета. Это было одно из самых бурных и тяжелых обсуждений, которые проходили в израильском парламенте за все время его существования, причем одновременно с обсуждением вопроса о репарациях в Кнессете за его стенами проходила не менее бурная демонстрация, организованная противниками переговоров с Германией.

Самой влиятельной из фракций национал-либерального лагеря были в те дни Общие сионисты – партия, получившая на прошедших в 1951 году выборах в Кнессет второго созыва двадцать мандатов. Точку зрения Общих сионистов на переговоры с Германией высказал в Кнессете Элимелех Рималът (1907–1987). В отличие от радикально настроенных членов Партии Свободы, которые старались представить сторонников переговоров с Германией людьми, продавшими душу дьяволу, Э. Рималът прямо заявил: «Наш спор – это не спор праведников со злодеями, верных с предателями, хороших с плохими, – мы спорим со своими братьями, которые, по нашему мнению, ошибаются и находятся в опасном заблуждении»²⁸⁹.

²⁸⁹ Выступление Э. Рималъта опубликовано в протоколе 38-го заседания Кнессета 2-го созыва, 7 января 1952 г. // Протокол заседаний Кнессета, том 15, стр. 897–900 [на иврите].

Источник ошибки и корень заблуждения, по словам Общих сионистов, следует искать в слишком рациональном подходе Д. Бен-Гуриона и его сторонников к столь деликатному и принципиальному вопросу. С рациональной точки зрения, утверждал Э. Римальт в своем выступлении в Кнессете 7 января 1952 года, переговоры с Германией следует рассматривать как своего рода необходимость, ибо «Израиль очень нуждается в средствах, необходимых для укрепления государства, ставшего воплощением надежд многих поколений». Поэтому «есть определенная логика в позиции тех, кто видит в деньгах, которые мы получим от немцев, как бы возмещение, как бы справедливость, если с помощью этих денег мы укрепим свое государство», – продолжал Э. Римальт. «Однако когда речь идет о преступлении, беспрецедентном по своим масштабам, необъяснимом в логических терминах, нельзя принимать решения только исходя из рациональных соображений», – добавлял он²⁹⁰.

Другой довод Э. Римальта против переговоров состоял в том, что невозможно будет ограничиться лишь темой репараций, и что динамика переговорного процесса неизбежно приведет к обсуждению всего круга тем, касающихся отношений между Израилем и Германией, что, в свою очередь, приведет к установлению отношений того или иного рода. «Тот, кто считает, что можно взять деньги и при этом продолжать ненавидеть немцев и бойкотировать их, ошибается, – говорил Э. Римальт. – Невозможно взять деньги и продолжать политику

²⁹⁰ Там же.

игнорирования и бойкота. Ведь все народы знают древнее правило: где торговля, там и дружба». «Более того, – продолжил свою речь Э. Римальт, – немцы стремятся к переговорам, чтобы стереть с себя позорное пятно, и мы последние, кто должен помочь им сделать это, ибо если есть в истории смысл и справедливость, на них должно остаться пятно. Каинова печать на челе этой нации»²⁹¹.

Хотя Общие сионисты и были самой большой фракцией в правой части политического спектра, основным центром сопротивления переговорам с Германией справа стала Партия Свободы, развернувшая широкую кампанию, направленную на то, чтобы всеми возможными способами разъяснять свое решительное противодействие любым переговорам с немцами. В декабре 1951 года на первой странице партийной газеты были опубликованы, в частности, такие заголовки: «Народ не даст своего согласия на акт примирения с народом убийц» и «Желтая метка – знак почета, репарации и переговоры – позор поколений». Кульминацией стал опубликованный 29 декабря 1951 года заголовок, в котором был перефразирован библейский стих о Иерусалиме: «Если забуду уничтожение евреев диаспоры от рук германского Амалека – да отсохнет моя правая рука».

Эта общественная кампания сопровождалась широкомасштабными акциями протеста, которые планировались в специально созданном для этого штабе, который возглавлял журналист Яков Рубин.

²⁹¹ Там же.

Кульминацией этой кампании стал массовый митинг, прошедший на Сионской площади в Иерусалиме, неподалеку от здания, где тогда размещался Кнессет, в день, когда в нем проходило обсуждение возможности переговоров о репарациях.

Это был едва ли не самый бурный митинг, который знала политическая система Израиля той поры. Основным оратором на митинге, как и на самом обсуждении в Кнессете, был Менахем Бегин. Сопrotивление М. Бегина любым переговорам с «нацистским Амалеком» было недвусмысленным и бескомпромиссным.

М. Бегин видел в противодействии соглашению с Германией тотальную борьбу не на жизнь, а на смерть, – борьбу, в которой необходимо победить любой ценой, даже ценой отказа от принятых демократических норм. Оправдывая свои весьма далекие от демократического идеала методы ведения общественной полемики, М. Бегин говорил, что это в политике все относительно, – когда же речь идет о том, что свято, существует только нравственный абсолют. В своей речи М. Бегин подчеркнул, что правительство, готовое вести переговоры с наследниками нацистов, утрачивает свою легитимность. «Еврейское правительство, которое будет вести переговоры с правительством Германии, перестает быть еврейским правительством. Это будет правительство, власть которого держится на штыке и гранате немецкого производства». В подкрепление своего довода М. Бегин заявил, что в день, когда будет принято решение о начале переговоров с Германией, все граждане Израиля должны перестать платить налоги. Главу правительства и его

сторонников, выступавших за заключение соглашения о репарациях, М. Бегин назвал «совершающими преступление против Израиля»²⁹².

Радикальность позиции Бегина проявилась и в его речи в Кнессете, о которой он сам сказал: «Возможно, это мое последнее выступление в Кнессете. Если есть смысл в слове “мученичество”, если есть содержание в выражении “умри, но не преступи” – в этом смысл, и в этом содержание. Есть вещи в жизни, которые дороже самой жизни. Есть вещи в жизни, которые страшнее самой смерти. Это – одна из тех вещей, за которые мы положим жизнь, за которую мы готовы умереть»²⁹³.

Обращаясь к членам правительства, в особенности к его главе, М. Бегин говорил: «Я знаю, что на вашей стороне сила, но это не важно. Об это сопротивление вся ваша сила разобьется, как стекло о камень. За правое дело мы будем бороться до конца»²⁹⁴.

М. Бегин, родители и брат которого были убиты нацистами, утверждал, что у него есть глубочайшее моральное право говорить от имени жертв Холокоста. С

²⁹² Выступление М. Бегина, прерванное в 18.45 в связи с беспорядками, опубликовано в протоколе 38-го заседания Кнессета 2-го созыва, 7 января 1952 г. // Протоколы заседаний Кнессета, том 15, стр. 903–905 [на иврите].

²⁹³ Выступление М. Бегина после возобновления заседания в 21.35 вечера опубликовано в протоколе 38-го заседания Кнессета 2-го созыва, 7 января 1952 г. // Протоколы заседаний Кнессета, том 15, стр. 906–907 [на иврите].

²⁹⁴ Там же, стр. 907.

одной стороны, в своем выступлении в Кнессете он потребовал от Д. Бен-Гуриона провести референдум по вопросу о соглашении о репарациях. С другой стороны, он заявил, что на самом деле голосование по этому вопросу в принципе невозможно, так как оно уже было проведено «в Трeблинке, в Освенциме, в Понарах – и там евреи проголосовали в смертных муках: не вступать в контакт, не вести переговоры с немцами»²⁹⁵.

М. Бегин воспринимал соглашение с правительством Германии как национальное самоунижение. Он удивлялся и возмущался тем, что именно «в том поколении, в котором мы наконец вышли из рабства к свободе», правительство Израиля готово «из-за нескольких миллионов грязных долларов, из-за грязных товаров, подавить то достоинство, которое мы сумели сохранить на протяжении веков изгнания и рассеяния». М. Бегин отмечал и то, что суммы, о которых идет речь, являются просто насмешкой. По его словам, по сути дела, правительство соглашалось на то, «чтобы 95% еврейского имущества по праву осталось в руках убийцы, в руках грабителя»²⁹⁶.

После окончания выступления М. Бегина демонстранты, насчитывавшие, по оценкам, более пятнадцати тысяч человек, двинулись в сторону здания Кнессета. Его защищали пятьсот полицейских, причем примерно каждый пятый из них был ранен во время возникших беспорядков. Демонстранты бросали камни в

²⁹⁵ Там же, стр. 905.

²⁹⁶ Там же.

здание Кнессета и разбивали окна. Некоторые депутаты были ранены осколками стекла. Йоханан Бадер вспоминал: «Снаружи доносились шум и крики. И вдруг шум уже внутри, звон разбитых оконных стекол, и в зал Кнессета падают камни. Один из камней попал в голову Ханану Рубину, депутату от партии МАПАМ, на помощь которому бросился доктор Бен-Цион Харэль [депутат Кнессета, врач, директор больницы «Асута»]. Камни падали слева и справа от нас...»²⁹⁷. Д. Бен-Гурион распорядился о привлечении солдат к охране здания Кнессета. Пожалуй, никогда угроза гражданской войны в Израиле не была столь реальной.

Руководители правительства и Кнессета не могли смириться с попыткой оказать насильственное давление на законно избранные органы власти. Когда порядок был восстановлен и дискуссия в Кнессете возобновилась, Пинхас Лавон, один из руководителей Партии Труда, сказал: «Сегодня мы стали свидетелями беспрецедентной акции в истории Израиля – намеренной попытки (а после окончания речи депутата Кнессета М. Бегина невозможно сомневаться в том, что эта попытка была намеренной и заранее спланированной) поднять руку на единственный храм, которым обладает еврейский народ в нашу эпоху, на Кнессет. В истории нашего народа были случаи, когда Храм сжигали враги, чужаки. Но на этот раз все это сделано руками евреев, под прикрытием разговоров о

²⁹⁷ Йоханан Бадер, *Кнессет и я* (Иерусалим: «Эйданим», 1979), стр. 62 [на иврите].

спасении “чести” еврейского народа»²⁹⁸. Комиссия Кнессета по процедурным вопросам приняла решение об отстранении М. Бегина от участия в пленарных заседаниях парламента на срок в три месяца.

Газета Партии Свободы озаглавила репортаж о произошедшем «Правительство Бен-Гуриона применило гранаты со слезоточивым газом немецкого производства для того, чтобы опозорить наш народ». В статье утверждалось, что демонстрация протеста десятков тысяч граждан, «которые пришли, чтобы выразить свой протест по поводу контактов с Германией, по приказу Бен-Гуриона была превращена полицией в кровавое столкновение, напомнившее о драмах британских времен. Целью этого было одно – имитировать намерение напасть на Кнессет»²⁹⁹. Газета утверждала, что невинные граждане стали жертвой инициированной Д. Бен-Гурионом провокации.

8 января 1952 года Д. Бен-Гурион выступил с обращением к народу, основной акцент в котором был сделан на события, случившиеся накануне, а не на причины, которые к ним привели. «Вчера на независимость Кнессета была поднята злодейская рука. Было заявлено, что политику нации будут определять не народные избранники, а силовое давление извне, – говорил Д. Бен-Гурион. – Как глава правительства и министр обороны, я считаю своим долгом гарантировать, что мы использовали и будем использовать впредь все

²⁹⁸ Протоколы заседаний Кнессета, том 15, стр. 907.

²⁹⁹ *Херут* [«Свобода»], 8 января 1952 г. [на иврите].

средства – я еще раз подчеркиваю: все средства – для того, чтобы защитить независимость Кнессета, соблюдение законности, само существование демократии, безопасность и мир в Израиле». «Господину Бен-Гуриону не удастся превратить открытую и неукротимую борьбу масс против позора переговоров с наследниками Гитлера в его личную войну против Партии Свобода», – ответила на это передовица, опубликованная в ее газете 11 января 1952 года.

Голосование по вопросу о начале переговоров с Германией состоялось в Кнессете 9 января 1952 года после трех дней бурной дискуссии. Большинством в 61 голос (включая пятерых представителей арабских партий) против 50 (шестеро воздержались, трое отсутствовали при голосовании) было утверждено предложение правительства, сформулированное депутатом от Партии Труда Акивой Говриным (урожденный Глобман, 1902–1980): «Кнессет, выслушав сообщение правительства о требовании репараций от Германии за разграбленное еврейское имущество, уполномочивает Комиссию по иностранным делам и обороне окончательно установить порядок действий в соответствии с обстоятельствами и условиями»³⁰⁰. Уже после объявления результатов голосования депутат от Партии Свободы Эстер Разиэль-Наор выступила, объявив об их категорическом

³⁰⁰ Краткое выступление А. Говрина опубликовано в протоколе 40-го заседания Кнессета 2-го созыва, 9 января 1952 г. // Протоколы заседаний Кнессета, том 15, стр. 961; поименные результаты голосования – там же, стр. 962–964 [на иврите].

неприятии, но это уже практически ни на что, конечно, повлиять не могло.

Идеалисты проиграли прагматикам. Государство Израиль, население которого удвоилось за три года и страдало от высочайшей безработицы и катастрофической нехватки жилья, остро нуждалось в деньгах – и их было совершенно негде взять, кроме как у правительства ФРГ. Переговоры о немецких репарациях закончились подписанием 10 сентября 1952 года в Люксембурге Конрадом Аденауэром, Моше Шаретом и главой Всемирного еврейского конгресса Нахумом Гольдманом (1895–1982) соглашения, по которому ФРГ обязалась выплатить в течение последующих двенадцати лет три миллиарда немецких марок (значительная часть этой суммы была выплачена поставками в Израиль немецких товаров), а также 450 миллионов марок постоянно действующей Конференции еврейских организаций по материальным претензиям к Германии; в сентябре 1953 года Бундестаг принял специальное законодательство по этому вопросу (в дальнейшем оно несколько раз дополнялось и уточнялось)³⁰¹. Израильское правительство приняло решение использовать немецкие репарации на развитие базовых отраслей сельского хозяйства, промышленности, транспорта и электроэнергетики. В период действия пунктуально выполненного ФРГ Люксембургского соглашения, поставки в счет репараций составляли до 20% ежегодного импорта в Израиль.

³⁰¹ См.: Говард Сакер, *История Израиля*, том I, стр. 629–634.

Конференция еврейских организаций по материальным претензиям к Германии использовала выделяемые ей по Люксембургскому соглашению средства (к 110 миллионам долларов правительство ФРГ добавило еще 16 миллионов), главным образом, для оказания помощи уцелевшим жертвам нацистского геноцида, проживающим во многих европейских странах. Наряду с этим, осуществлялись крупные образовательные и культурные программы; в значительной мере из этого же источника финансировались научные исследования Холокоста европейского еврейства. Позднее сотням тысяч евреев в Израиле и странах рассеяния были выплачены индивидуальные компенсации, а расходы ФРГ на эти цели исчислялись в миллиардах немецких марок.

Экономические, а с 1957 года и военно-технические, связи между Израилем и ФРГ, все более многообразные в годы выполнения соглашения о немецких репарациях, добросовестное выполнение германской стороной своих репарационных обязательств, а также международная ситуация привели в 1965 году к установлению полных дипломатических отношений между двумя странами. Менахем Бегин так никогда и не смирился с этим, но таков был ход истории, который ему не удалось изменить – и который, говоря по существу, принес Израилю, его гражданам и евреям диаспоры значительную пользу.

3. Патриоты «второго сорта»?

Наследники В.Е. Жаботинского в условиях повседневной дискриминации

Изначально бюджет Партии Труда в значительной мере состоял из денег, получаемых через Федерацию профсоюзов, которая этой партией практически безраздельно контролировалась до 1994 года. У партий национально-либеральной ориентации такой внушительной «дополнительной кормушки» никогда не было. Более того, поскольку представители Партии Свободы в эпоху Д. Бен-Гуриона никогда не приглашались к участию в работе правительства, то и распределение государственного бюджета на те или иные нужды с ними никогда не согласовывалось.

Особенно аморальной была ситуация в отношении пособий, выплачиваемых семьям погибших и тяжело раненым бойцам подполья. С первых дней израильской государственности были установлены правила, регулировавшие выплаты семьям погибших воинов Армии обороны Израиля, а также пособия по инвалидности, выплачиваемые тем, кто получил тяжелые ранения и потерял возможность полноценно работать. С самого начала было принято решение о том, что бойцы «Хаганы», погибшие или получившие ранения до провозглашения независимости Государства Израиль, будут приравнены к погибшим и раненым солдатам и офицерам Армии обороны Израиля, однако погибшие и раненые бойцы других организаций еврейского подполья – ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ – такого признания своего статуса не получили,

вследствие чего ни они, ни их родственники не могли рассчитывать ни на какую финансовую поддержку со стороны государства. По свидетельству Йихиеля Кадишая, бывшего солдатом английской армии, затем активистом движения БЕЙТАР (в Израиль лично он прибыл на корабле «Альгале́на»), а потом на протяжении ряда лет работавшего помощником Менахе́ма Бе́гина, это дискриминационное решение было принято лично Давидом Бен-Гурионом, который сказал: «Эти люди не получают ни гроша, потому что они террористы и родственники террористов»³⁰².

В результате этого, расходы по выплате пособий семьям погибших и тяжело раненых бойцов ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ несла Партия Свободы. Это тяжелым бременем ложилось на партийный бюджет, существенно сокращая и без того скромные возможности заниматься непосредственно политической деятельностью, которая, при всем энтузиазме, не могла быть бесплатной. Партия Свободы в начале 1950-х годов учредила фонд, получивший название «Тель-Хай» (по названию населенного пункта, где погиб Йосе́ф Трумпельдор, имя которого носит движение БЕЙТАР), через который и шли, в частности, эти выплаты, и для наполнения которого и лично М. Бе́гин, и его соратники вынуждены были много заниматься мобилизацией средств как в Израиле, так и в еврейских общинах диаспоры. По свидетельству Й. Кадишая, М. Бе́гин был крайне щепетильным и скромным человеком, которому было очень трудно

³⁰² Цит. по: Марк Зайчик, *Жизнь Бе́гина*, стр. 217.

просить большие деньги даже у тех, кто был искренне готов поддержать его и возглавляемое им движение³⁰³. Во второй половине 1970-х годов этот фонд оказался под угрозой полного истощения, а взятые в надежде на будущие поступления кредиты было нечем возвращать. Ицхак Шамир, бывший тогда председателем Центрального комитета блока «Ликуд», мобилизовал все свои таланты общественного деятеля и бизнесмена с целью спасения этого фонда, над которым висела угроза банкротства³⁰⁴.

Лишь когда М. Бегин возглавил правительство, ветераны ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ, а также погибшие бойцы этих организаций, были приравнены к воинам «Хаганы». При этом, в отличие от своих идеологических оппонентов, М. Бегин ни в чем не дискриминировал «Хагану» и тех, кто в ней состоял, и не мстил им за то, что они похищали и допрашивали активистов ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ, нередко сдавая их английской полиции. Как раз в годы, когда он был

³⁰³ Й. Кадишай вспоминал о том, как в ходе встречи с главой Партии Свободы один очень богатый человек спросил: «Что я могу для Вас сделать, мистер Бегин? Как могу помочь?» Растерянный Бегин попросил «тысяч пять долларов» и немедленно получил чек на эту сумму – при нескрываемом удивлении филантропа, смущенного скромностью подобной просьбы. «Вы понимаете, Бегин сидит напротив миллионера, готового выдать ему любую сумму денег, – и просит у него пять тысяч долларов, хотя вполне мог получить и миллионы»; цит. по: Марк Зайчик, *Жизнь Бегина*, стр. 220.

³⁰⁴ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 126–127.

премьер-министром, в Восточном Иерусалиме был построен новый район, улицы которого были названы в честь организаций «Хагана», ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ; представить, чтобы Партия Труда, находясь у власти, назвала какую бы то ни было улицу в честь вооруженных организаций своих идеологических противников, очевидно, невозможно.

Дискриминации подвергались не только мертвые, но и живые. Й. Кадишай использовал особенно резкие слова для описания сложившейся тогда ситуации: «Голда Меир, которая была министром иностранных дел, публично сказала, что “эти не переступят порога МИДа; даже разносчиком чая у нас не может быть их человек”. Выпускник университета, который хотел получить работу в МИДе, заполнял анкету, и если выяснялось, что его дед или отец состояли в рядах ЭЦЕЛЯ или Партии Свободы, то их немедленно исключали из рядов претендентов, как это было когда-то в Германии с евреями (прошу извинить меня за это сравнение)»³⁰⁵.

Надо сказать, что эти ограничения не распространялись на службу внешней разведки, где как раз навыки подпольщиков были востребованы. Ицхак Шамир вспоминал о том, как его сын дрался в школе, вынужденный «защищать доброе имя своих родителей-“террористов” и всей ЛЕХИ»³⁰⁶, однако он же свидетельствовал о том, как однажды в 1955 году один из его друзей, тоже бывший член ЛЕХИ, рассказал ему под

³⁰⁵ Цит. по: Марк Зайчик, *Жизнь Бегина*, стр. 218–219.

³⁰⁶ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 114.

строжайшим секретом о начале своей работы в «Моссаде», предложив и ему самому присоединиться к этой организации. И. Шамир рассказал, что глава Службы внешней разведки Исер Харэль, «человек острого ума», понимал, что «"Моссад" сможет извлечь пользу из особой квалификации людей вроде меня, которые сами долго были в розыске»³⁰⁷.

Ицхак Шамир, один из тройки высших руководителей ЛЕХИ, на протяжении десяти лет работал главой отдела специальных операций внешней разведки Израиля, находясь в прямом подчинении у ее руководителя, которым до 1963 года оставался Исер Харэль, а с 1963 года – генерал в отставке, выходец из «Хаганы» Меир Амит (урожденный Слуцкий, 1921–2009). И тогда, и теперь глава Службы внешней разведки в Израиле подчиняется непосредственно премьер-министру, таким образом, И. Шамир получал указания от человека, который сам в свою очередь получал их лично от Д. Бен-Гуриона. У Д. Бен-Гуриона не было никаких проблем использовать опыт и профессиональные навыки И. Шамира и некоторых его коллег по подполью, которых сам он привлек к работе, однако, несмотря на это, вдовы и дети погибших и казненных англичанами бойцов ЛЕХИ не получали от государства никакой помощи.

Еще одной сферой, вызывавшей разочарование и горечь национал-либералов, было отношение органов государственной власти к памяти о В.Е. Жаботинском. Будучи глубоко секулярным человеком, в завещании он не

³⁰⁷ Там же, стр. 115–116.

оставил никаких инструкций, касавшихся его похорон, однако попросил, чтобы правительство будущего независимого еврейского государства, в создании которого он не сомневался, приняло решение о перезахоронении его праха на территории этого государства. М. Бегин и его соратники неоднократно обращались по этому вопросу к Д. Бен-Гуриону, который, однако, категорически отказался пойти на такой шаг – и это несмотря на то, что он санкционировал перезахоронение в Израиле останков барона Эдмонда де Ротшильда (1845–1934), который в Палестине/Эрец-Исраэль пять раз побывал, но никогда не жил³⁰⁸; это случилось уже в 1954 году. Просьбу же об аналогичном перезахоронении В.Е. Жаботинского Д. Бен-Гурион настойчиво отвергал, и в период его правления завещание отца-основателя национально-либерального сионизма так и не было исполнено.

Только Леви Эшколь, сменив Д. Бен-Гуриона на посту главы правительства, согласился пойти на этот шаг, обусловив его, однако, тем, что перенос останков В.Е. Жаботинского в Израиль не потребует ни копейки государственных денег и пройдет вообще без участия кого-либо из членов правительства. М. Бегину и А.-Т. Жаботинскому пришлось согласиться на оба эти условия. Вместе с прахом самого В.Е. Жаботинского в Израиль были перевезены и останки его жены Иоанны. Они были перезахоронены в Национальном пантеоне Израиля на горе Герцля в Иерусалиме 9 июля 1964 года.

³⁰⁸ Ran Aaronsohn, *Rothschild and Early Jewish Colonization in Palestine* (Lanham: Rowman & Littlefield, 2000).

Выступая на церемонии, прошедшей в присутствии тогдашнего президента Израиля Залмана Шазара, М. Бегин сказал: «Сорок шесть лет спустя после того, как он воевал в составе Еврейского легиона за возвращение Эрец-Исраэль ее вечному владельцу – народу Израиля, тридцать пять лет спустя после того, как за его бескомпромиссную борьбу за создание еврейского государства он был насильственно разлучен с этой страной, двадцать четыре года спустя после его кончины и шестнадцать лет спустя, как чужеземная власть была изгнана из нашей страны – Жаботинский возвращается на свою духовную родину»³⁰⁹. Тот факт, что этого столь очевидного и напрашивавшегося события с момента провозглашения Государства Израиль пришлось ждать более шестнадцати лет, отчетливо свидетельствует о том, насколько враждебным было отношение к этому незаурядному человеку со стороны так называемого «рабочего движения» и его вождей. Перезахоронение В.Е. Жаботинского на горе имени Т. Герцля в Иерусалиме стало первым шагом к изменению отношения к национал-либералам со стороны социал-демократического истеблишмента, который чем дальше, тем меньше мог игнорировать растущую популярность идейно-политических наследников В.Е. Жаботинского в широких слоях израильского общества.

³⁰⁹ Цит. по Ави Шилон, *Бегин*, стр. 196.

4. От периферийной партии – к ведущему оппозиционному блоку

Грандиозные демографические перемены, произошедшие в Израиле в 1948–1951 годах, поставили все партии и общественно-политические движения перед необходимостью кардинально пересмотреть свои представления о собственной электоральной базе. Традиционно, большинство партий во всем мире прежде всего рассчитывают на тех, кто поддерживал их в ходе предшествовавших электоральных кампаний, однако, так как число избирателей в Израиле между выборами 1949 и 1959 годов увеличилось более чем вдвое, надеяться «получить свое» голосами преданных сторонников было заведомо невозможным, ибо пропорциональная доля избирателей-старожилов снизилась драматичным образом. Проиллюстрируем это цифрами: после выборов, прошедших 25 января 1949 года, Партия Труда получила 46 мандатов из 120, для чего ей было достаточно полученных 155.274 голосов³¹⁰. Спустя десять лет, 3 ноября 1959 года, после выборов в Кнессет четвертого созыва, эта партия сформировала почти такую же фракцию – из 47 депутатов, но для этого потребовалось почти в два с половиной раза больше голосов – 370.858!

Учитывая особенности законодательства, согласно которым новые жители Израиля получают избирательное

³¹⁰ Здесь и далее итоги выборов представлены по итоговым протоколам Центральной избирательной комиссии, хранящимся в Архиве Кнессета.

право спустя всего три месяца после прибытия в страну, в первое десятилетие государственности партии встали перед необходимостью рассказать о себе сотням тысяч человек, практически не имевших о них никакого представления. Важно отметить, что контроль за процессом абсорбции и интеграции новых граждан страны ультимативно находился в руках Партии Труда, а руководитель отдела абсорбции Еврейского агентства Гиора Йосефталъ (1912–1962) уже в 1951 году баллотировался в Кнессет по списку этой партии, в которой в 1956 году стал генеральным секретарем. Партия Труда использовала свой контроль над процессом абсорбции новых иммигрантов для их идеологической индоктринации; на свои политические митинги партия, как правило, централизованно свозила слушателей на предоставляемых Федерацией профсоюзов автобусах. Жившим в барачных поселках людям, прибывшим из стран Ближнего Востока и Северной Африки, о деятельности ЭЦЕЛЯ если и рассказывали, то в крайне негативном ключе, что дало свои плоды. Именно вызванным этой контрпропагандой полным провалом на избирательных участках в кварталах и лагерях новых иммигрантов более всего объяснялось фиаско Партии Свободы на выборах в Кнессет второго созыва в 1951 году. Тот факт, что уже четыре года спустя, в 1955 году, Партия Свободы заняла второе место на выборах в Кнессет (и, за исключением электоральной кампании 2006 года, ниже него не опускалась уже никогда) объяснялся именно тем, что М. Бегину удалось завоевать симпатии и авторитет среди многих представителей той очень большой группы

населения, которую социологи, с большой долей условности, обобщенно называют «вторым Израилем».

Важно подчеркнуть, что хотя в 1949 и 1955 годах Партия Свободы получила почти одинаковое число мандатов (в первый раз – четырнадцать, спустя шесть лет – пятнадцать), ситуация была совершенно другой. Во-первых, количество избирателей Партии Свободы более чем удвоилось: с 49.782 в 1949 году до 107.190 – в 1955 году, и дальше сохранив тенденцию к росту: до 130.515 – в 1959 году и 138.599 – в 1961 году. Во-вторых, выборы 1949 года партия закончила на четвертом месте, 1951 года – даже на пятом, в 1955, 1959 и 1961 годах уверенно занимая второе место. Таким образом, Партия Свободы доказала, что из всех политических сил, кроме правившей тогда страной Партии Труда, она наилучшим образом адаптировалась к произошедшим социально-демографическим переменам. На выборах 1955 года было отмечено резкое снижение поддержки Партии Труда в центрах абсорбции: по сравнению с 60%, полученными этой партией в них на выборах 1951 года, четыре года спустя лишь 35% их жителей отдали ей свои голоса. В центрах абсорбции были отдельные избирательные участки, в которых число проголосовавших за Партию Свободы превышало число голосов, полученных Партией Труда.

Популярность Общих сионистов, взлетевшая на волне экономических трудностей самых первых лет государственности, драматично упала, когда положение в хозяйстве страны постепенно стабилизировалось, а участие лидеров этой партии в работе правительства не

привело ни к каким существенным переменам. Вследствие этих причин на выборах в Кнессет третьего созыва партия откатилась на третье, а на выборах четвертого созыва – даже на пятое место, получив менее шестидесяти тысяч голосов, чего хватило лишь на восемь мандатов.

Изначально Давид Бен-Гурион надеялся, что если уж ненавистный ему ЭЦЕЛЬ и создал политическую партию, которая, в отличие от партии, созданной не менее ненавистной ему ЛЕХИ, оказалась достаточно успешной, то она «засохнет» в оппозиции, постепенно уменьшаясь до размеров статистической погрешности. Происходило, однако, прямо обратное: *постепенно именно Партия Свободы выдвинулась в очевидно ведущую силу, за которую голосовали те, кто стремился не подправить в ту или иную сторону политику властей, а хотел кардинально изменить ее.* Незадолго до формирования четвертого правительства (оно было представлено Кнессету 22 декабря 1952 года), когда уже пронесся слух о возобновлении контактов между Партией Труда и Общими сионистами, Йоханан Бадер писал в газете Партии Свободы: «Мы должны, наконец, привыкнуть к осознанию того, что Общие сионисты не являются неотъемлемой частью оппозиции, и что они из кожи вон лезут, чтобы понравиться властям. Пора сделать окончательный вывод: реальной оппозицией является только Партия Свободы»³¹¹. Заняло немало времени, пока израильское общество осознало этот факт, но это произошло. На одном из предвыборных митингов в 1955

³¹¹ Газета «Херут» [«Свобода»], 21 ноября 1952 г. [на иврите].

году Менахем Бегин сказал: «Сегодня выбор происходит не между Партией Труда и партией Общих сионистов, *Ахдут ха'авода* или Прогрессивной партией. Выбор – между всеми этими партиями – и единственной силой в Израиле, которую Партия Труда не смогла запугать и сломать»³¹². Так оно и было.

Видный израильский историк профессор Йехиам Вайц отмечал, что «постоянно повторявшееся Партией Свободы утверждение о том, что Общие сионисты вошли в правительство ради должностей, а не ради дела, имело под собой основания»³¹³. По этому поводу многолетний депутат Кнессета от этой партии Шнеур-Залман Абрамов (1908–1997) писал: «Присутствие Общих сионистов в коалиции не привело ни к каким переменам в экономической политике правительства. Вмешательство правительства в экономику оставалось значительным, бремя высоких налогов продолжало тяготить частный сектор, монопольное положение Федерации профсоюзов оставалось прочным. Контроль государства над такими структурами, как Федерация профсоюзов и Еврейское агентство, породил высокую централизацию власти, которая сохраняла и свои средства принуждения. Работа

³¹² Газета «Херут» [«Свобода»], 18 июля 1955 г. [на иврите].

³¹³ Йехиам Вайц, «Становление партийно-политической системы и парламентаризма в Израиле» / пер. с иврита // *От мечты – к ее реализации. Формирование израильской государственности: политика, право и международные отношения*, под ред. А.Д. Эпштейна (Иерусалим – Москва – Ереван: «Арцах», 2018), стр. 328.

четырёх министров от Общих сионистов, каждого в своей сфере, получила высокую оценку, но они не смогли добиться существенных перемен в политике правительства в целом»³¹⁴.

Нужно сказать прямо, что Менахему Бегину потребовалось много лет, чтобы добиться в своей партии того же непререкаемого положения, которое Давид Бен-Гурион имел в своей. Еще в 1943 году многих в ЭЦЕЛе покорило пришествие этого, выражаясь их языком, «нового иммигранта», не имевшего никакого опыта подпольной боевой работы, на пост командира организации. Постепенно Менахем Бегин утвердился в этом качестве, но ни Ари-Теодор Жаботинский и его ближайшие соратники Хиллель Кук и Шмуэль Мерлин, с одной стороны, ни Арье Альтман, с другой, не считали его достойным политическим лидером – и это несмотря на то, что возглавлявшийся им список получил на выборах в Учредительное собрание четырнадцать мандатов, тогда как список партии сионистов-«ревизионистов» во главе с Арье Альтманом – ни одного. Йоханан Бадер честно рассказал об очевидно завышенных ожиданиях, которые были у руководителей новой партии, впервые участвовавшей в выборах: «Мы ожидали гораздо большего, чем те четырнадцать мандатов, которые мы получили. Я помню тот вечер, когда вышел первый номер газеты нашего движения, и как М. Бегин, А. Бен-Элиэзер и я листали ее и выдвигали догадки и предположения,

³¹⁴ Шнеур-Залман Абрамов, *Об исчезнувшей партии и о либерализме* (Тель-Авив: «Двир», 1995), стр. 33–34 [на иврите].

сколько голосов мы получим на выборах – 20%? 25%? А если 25%, то есть шанс сформировать правительство!»³¹⁵. Эти ожидания были, очевидно, чрезмерными, но когда они не сбылись, то обвинять в этом соратники стали Менахема Бегина, хотя именно его ораторский дар и неиссякаемую энергию как раз следовало более всего благодарить за то, что список Партии Свободы получил в пятнадцать раз больше голосов, чем список партии сионистов-«ревизионистов»...

Менахем Бегин боролся за свое влияние в Партии Свободы с представителями внутрипартийной оппозиции, к которой присоединился и яркий оратор адвокат Шмуэль Тамир (урожденный Кацнельсон, 1923–1987). Члены этой группы утверждали, что партия забыла свое героическое прошлое, стала слишком «буржуазной» и недостаточно смелой. Борьба между ними и М. Бегиним достигла своего апогея на втором съезде партии, состоявшемся в феврале 1951 года, всего за пять месяцев до выборов.

Как свидетельствуют дневниковые записи Давида Бен-Гуриона, в Партии Труда внимательно следили за внутренней борьбой в лагере их идеологических конкурентов, рассчитывая, что Партия Свободы развалится изнутри³¹⁶, подобно тому, как в 1952–1953 годах распалась Объединенная рабочая партия. Идеологические оппоненты предвкушали распад Партии Свободы и ее исчезновение с политической арены. Газета

³¹⁵ Йоханан Бадер, *Кнессет и я*, стр. 20.

³¹⁶ Дневниковая запись Давида Бен-Гуриона, 12 июня 1951 г. [на иврите] // Архив Центра наследия Д. Бен-Гуриона.

«Ха'поэль ха'цаир», сохранившаяся, несмотря на то, что одноименное движение еще в 1930 году растворилось в Партии Труда, издевательски комментировала итоги электорального фиаско своих оппонентов на выборах в Кнессет второго созыва: «Кого удивит поражение Партии Свободы? Ведь это движение и существует-то вследствие удивительного недоразумения. Давным-давно никто не понимает, как этот “фрукт” сохранился до сих пор»³¹⁷. Д. Бен-Гуриону было очень удобно править, когда он возглавлял *единственную* крупную партию, а все остальные и близко не могли конкурировать с ней. Все годы, пока Д. Бен-Гурион оставался у власти, разрыв между возглавлявшейся им партией и ближайшими конкурентами составлял, как минимум, двадцать пять мандатов. Это в значительной мере превращало итоги электоральных кампаний в формальность, ибо победитель выборов был известен еще до того, как открывались избирательные участки.

Выдающийся талант М. Бегина к политическому выживанию в сложных условиях позволил ему сохранить Партию Свободы, уберечь ее от раскола, однако результаты выборов раз за разом показывали, что в одиночку она угрожать гегемонии Партии Труда не может. Несмотря на то, что, из-за сужения ее электоральной поддержки, фракция Партии Труда сократилась на пять депутатов, Партия Свободы в 1961, как и в 1959, году получила семнадцать мандатов. Таким образом, стало ясно, что даже когда Партия Труда теряет голоса, они не

³¹⁷ Газета *Ха'поэль ха'цаир*, 7 августа 1951 г. [на иврите].

достаются Партии Свободы, достигшей, видимо, потолка своих возможностей.

Стало очевидно, что подобно тому, как Партия Труда возникла в 1930 году путем объединения «Ахдут ха'авода» и «Ха'поэль ха'цаир», также и Партии Свободы необходимо сформировать блок, который позволит ей бросить вызов гегемонии так называемого «рабочего движения». Поскольку созданная ЛЕХИ Партия борцов исчезла с политической арены, а движение сионистов-«ревизионистов» и так уже объединилось с Партией Свободы, союзников можно – и нужно – было искать в сравнительно деидеологизированной городской либеральной среде. Федерация Общих сионистов постепенно теряла своих избирателей, однако перед выборами в Кнессет пятого созыва объединилась с еще менее массовой, но идейно близкой центристской Прогрессивной партией, сформировав первую в Израиле партию, выбравшую себе название Либеральной. В 1961 году эта партия получила на выборах более 137 тысяч голосов, лишь на 1% меньше, чем Партия Свободы (при пересчете на парламентские мандаты обеим партиям досталось по семнадцать). Стало понятно, что если им удастся объединиться, то этот союз сможет бросить вызов гегемонии Партии Труда.

Работа над таким объединением началась практически сразу же, и уже 28 февраля 1965 года такое произошло, после чего был сформирован единый предвыборный блок Партии Свободы и Либеральной партии. Менахем Бегин стал лидером объединенного списка, представители Партии Свободы Йоханан Бадер,

Арье Бен-Элиэзер, Яков Меридор и Хаим Ландау оказались в первой десятке кандидатов в депутаты, в которую вошли и пять представителей Либеральной партии во главе с их тогдашним лидером Йосефом Сапиром (1902–1972). Йосеф Сапир, как, кстати, и Исраэль Роках, родился в Яффо, занимался бизнесом, избирался мэром (только не Тель-Авива, а Петах-Тиквы, но тоже очень длительный срок – на протяжении одиннадцати лет) и никак не был связан ни с каким подпольем где бы то ни было. *Объединение с политической силой, представлявшей городской средний класс и бизнес-среду и выступавшей категорически против подчинения израильской экономики диктату Федерации профсоюзов, существенно расширило электоральные возможности Менахема Бегина.* Общие сионисты, а затем Либеральная партия, с не меньшим рвением, чем сам М. Бегин и его соратники, выступали против экономического курса так называемого «рабочего движения».

Когда на повестку дня встал вопрос объединения Партии Свободы и Либералов, то последние обратили внимание М. Бегина и его соратников на необходимость создания собственной фракции также и в Федерации профсоюзов, имевшей в то время огромное влияние на экономическую жизнь страны. Либералы настаивали на том, что обособленный Национальный профсоюз, созданный соратниками В.Е. Жаботинского еще в 1930-е годы, недостаточен для продвижения интересов блока и его сторонников в финансово-хозяйственной сфере.

В 1963 году было объявлено об основании группы «Тхелет-лаван» (название группы отражало цвета

израильского флага – белый и голубой) и ее намерении участвовать в следующих выборах руководства Федерации профсоюзов, которые должны были пройти – и прошли – в 1965 году. Накануне этих выборов исполнительный комитет Федерации профсоюзов принял решение о запрете участия в них группы «Тхелет-лаван», мотивируя это тем, что «базовые ценности и направления деятельности стоящей за этой группой Партии Свободы противоречат первоосновам Федерации профсоюзов».

На совещании, которое провел Менахем Бегин, обсуждались различные возможности противодействия этому запрету. Юридическое образование имел и сам М. Бегин, и ряд других руководителей партии, в том числе Й. Бадер, который считал путь апелляции к судебным инстанциям бесперспективным, и Ш. Тамир, который как раз был готов такой иск подать – и его в суде отстаивать. Получив поддержку М. Бегина, 28 июня 1965 года Шмуэль Тамир подал иск, ответчиком по которому значился генеральный секретарь Федерации профсоюзов, многолетний член Кнессета от Партии Труда Аарон Бекер (1905–1995)³¹⁸. Дело рассматривал д-р Йосеф Михаэль Ламм (1899–1976), бывший судьей Тель-Авивского окружного суда; руководители Партии Труда были уверены в том, что он вынесет вердикт в их пользу, ибо он сам состоял членом их партии и даже был депутатом от нее в Кнессете первого созыва в 1949–1951 годах.

³¹⁸ Шмуэль Тамир, *Сын этой страны. Автобиография* (Тель-Авив: «Змора–Битан», 2002), Том II, стр. 1294 [на иврите].

Однако, неожиданно для них, судья Й. Ламм вынес вердикт противоположного свойства, постановив, что никакая группа людей не может быть автоматически лишена права на самоорганизацию в составе Федерации профсоюзов по политическому признаку. В ходе прошедших 19 сентября 1965 года выборов (в которых могли принять участие 850 тысяч членов организации), движение «Тхелет-лаван» получило более ста тысяч голосов, сразу став второй по численности фракцией в Исполкоме Федерации профсоюзов. Шмуэль Тамир не без оснований указывал: «Это было первое властное достижение национально-либерального движения за тридцать лет»³¹⁹.

Объединение двух резко антисоциалистических партий дало возможность представителям двух принципиально разных электоратов (с одной стороны, стремившихся встать на ноги и избавиться от патернализма профсоюзной олигархии новых иммигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки, а с другой – городской интеллигенции, бизнесменов и лиц свободных профессий, бывших либо уроженцами Израиля, либо иммигрантами преимущественно из Западной и Центральной Европы) действовать рука об руку в направлении превращения Израиля в более свободную и плюралистичную страну. Отдельные недалёковидные публицисты, как, в частности, Аарон Гева из профсоюзной газеты «Давар» [«Слово»], даже пророчили, что создание объединенного блока

³¹⁹ Там же, стр. 1299.

правоцентристских партий «приведет к завершению политического пути Менахема Бегина»³²⁰; всё произошло с точностью до наоборот. Прав был Ицхак Шамир, отмечавший: «Параллельно со своим обращением к новым репатриантам, М. Бегин понял и необходимость апеллировать к городской буржуазии, представителем которой была Либеральная партия. Правильнее будет сказать, что именно М. Бегин привлек в “Ликуд” и эту группу населения, которая характеризовалась европейским происхождением, умеренным темпераментом, высоким уровнем образования. В сущности, если в Израиле есть сегодня настоящее национальное движение, совершенно очевидно, что мы обязаны этим Менахему Бегину»³²¹. *Фактически, именно объединение Партии Свободы и Либеральной партии перед выборами 1965 года создало в полном смысле слова то национально-либеральное движение, о котором мечтал В.Е. Жаботинский, и это ознаменовало собой начало конца гегемонии «рабочего движения».*

5. В дни мира и в дни войны: от ответственной оппозиции – к работе в правительстве

Одним из наиболее важных экзаменов для любой оппозиции является наличие или отсутствие чувства

³²⁰ Аарон Гева, «Правый блок приведет к поляризации»// *Давар* [«Слово»], 5 августа 1973 года [на иврите].

³²¹ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 129.

высшей национально-государственной ответственности, которая возникает или не возникает в периоды наибольших угроз государству и обществу. Очевидно, что такими периодами в наибольшей мере являются дни войны. Во время пребывания национал-либералов в оппозиции Израиль пережил три войны, и хотя каждая из них продолжалась менее месяца, их восприятие в обществе было очень и очень разным; различными были и реальные причины, приведшие к этим войнам, а также степень осведомленности о них не только широких слоев общества, но даже и людей, занимавших сравнительно высокие государственные посты.

Война против Египта, начатая Израилем 29 октября 1956 года, была лишь в небольшой степени следствием ее официально объявленной причины – закрытия для израильского судоходства Тиранского пролива. Многие в Израиле достаточно подробно знали о соглашении между Чехословакией и Египтом о поставке этой крупнейшей стране арабского мира самого современного на то время советского оружия, которое, очевидным образом, угрожало безопасности Израиля. Однако считанные единицы знали о третьей, едва ли не основной причине, по которой Давид Бен-Гурион решился на первую войну, в ходе которой Израиль был не атакованной, а атакующей стороной: соглашении с Францией, предусматривавшем существенную помощь этой страны Израилю в благодарность за то, что именно солдаты и офицеры израильской армии будут рисковать своими жизнями ради того, чтобы Г.А. Насеру был преподан тот урок, который

руководители Франции и Великобритании хотели ему преподавать³²².

Напротив, о факторах и причинах, приведших к Шестидневной войне, в целом были весьма обстоятельно осведомлены самые широкие слои израильского общества, и если не поддаваться тем или иным конспиралогическим теориям, то можно сказать, что за прошедшие с тех пор полвека наши знания о причинах этой войны принципиально не изменились.

Что же касается Октябрьской войны 1973 года, известной в Израиле как Война Судного дня, то совершенно очевидно, что она застала общество врасплох (впервые с 1948 года Израиль оказался стороной, вынужденной отражать агрессию, а не инициировавшей боевые действия в ответ на то, что руководство страны оценило как *casus belli*) именно вследствие фатальных просчетов в коммуникации между различными структурами разведки, с одной стороны, и высшим политическим руководством, с другой, а также вследствие чрезмерного и ошибочного доверия Голды Меир, возглавлявшей тогда израильское правительство, к госсекретарю США Генри Киссинджеру.

Это краткое введение важно для того, чтобы подчеркнуть непреложный факт: принимая решение поддержать или не поддержать правительство в самый

³²² Подробнее об этом см. в книге: Ицхак Бар-Он, *Зонтик для дождливого дня: военное сотрудничество между Францией и Израилем в 1948–1956 гг.* (Израиль: издатель Эфи Мельцер, 2010), стр. 395–410, 413–419 и далее [на иврите].

сложный для государства и общества час – во время начала войны – оппозиция и ее лидеры совсем не всегда имеют ту полноту информации, которая позволяет принимать наиболее взвешенные решения. В 1956 году Менахем Бегин очевидно *не* знал о тайных договоренностях Д. Бен-Гуриона с французами по вопросу развития израильской ядерной программы (справедливости ради укажем, что Д. Бен-Гурион скрыл ее и от большинства членов возглавляемого им правительства), а в 1973 году М. Бегину *не* пересылались закрытые отчеты руководителей «Моссада» и военной разведки (АМАН). Однако решения о поддержке правительства или об отказе от таковой ему нужно было принимать, основываясь только на той информации, которая в его распоряжении была.

Решение о начале войны против Египта было принято израильским правительством на заседании, прошедшем 28 октября 1956 года, причем Д. Бен-Гурион остановился на двух основных причинах, вынуждающих Израиль к этому шагу: блокирование египтянами судоходства в единственный израильский порт на Красном море – Эйлат и не прекращавшиеся нападения так называемых *фидаюнов* из сектора Газа на Израиль, совершавшиеся при попустительстве и поддержке египетских властей³²³. О своих договоренностях с французами и англичанами, имевших решающее

³²³ См.: Заки Шалом, *Проблемы безопасности и формирование оборонной политики Израиля* / пер. с иврита (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2001), стр. 38–58.

значение в его собственных глазах (что стало очевидно спустя одиннадцать лет, когда он выступил против начала той войны, которая вошла в историю под именем Шестидневной), Д. Бен-Гурион членам правительства сказал достаточно лаконично, упомянув лишь о взятых на себя французским правительством обязательствах по помощи военно-воздушным и бронетанковым силам Армии обороны Израиля в случае, если Египет атакует еврейское государство³²⁴; о сотрудничестве в сфере развития ядерного потенциала Израиля (а это имело для Д. Бен-Гуриона ключевое значение) на заседании правительства не говорилось вообще. «Если египетские самолеты долетят до Тель-Авива, мы не успеем добраться до бомбоубежищ», – предупредил министров Д. Бен-Гурион, отметив важность взятых на себя Францией и Англией обязательств по защите Израиля от подобного развития событий³²⁵.

Д. Бен-Гурион представил задачу израильской армии как овладение сектором Газа и Синайским полуостровом, а также двумя небольшими островами, контролирующими Тиранский пролив³²⁶. Министр развития Мордехай Бенет поинтересовался, планируется ли в результате аннексия Израилем Синай, сектора Газа или каких-либо их частей, либо же передача занятых Армией обороны Израиля, в

³²⁴ Цит. по подлиннику секретного дополнительного протокола заседания правительства Израиля от 28 октября 1956 г., стр. 4–7 [на иврите] // Государственный архив Израиля, Иерусалим.

³²⁵ Цит. там же, стр. 33.

³²⁶ Цит. там же, стр. 3–4.

случае успеха ее операции, этих территорий под контроль Западных держав³²⁷. Д. Бен-Гурион ответил, что не может сказать заранее, какова будет итоговая судьба территорий, которые израильской армии предлагалось поручить занять, однако с удивительной внешнеполитической прозорливостью предсказал: «Я могу представить себе, что различные силы заставят нас покинуть Синайский полуостров. Есть Америка, есть Россия, есть ООН, есть Неру, есть Азия и Африка – и Америки я боюсь больше всего. Америка может заставить нас отступить. Она не должна посылать для этого армию, у нее в распоряжении есть другие действенные меры, весьма болезненные [для нас]. [Руководители] Америки сядут разбираться, кто им важнее, мы или арабы, и я не знаю, что они решат»³²⁸. Анализ Д. Бен-Гуриона оказался совершенно точным: именно давление администрации Д. Эйзенхауэра заставило Израиль уже в марте 1957 года отступить со всех тех территорий, которые за неделю боевых действий в конце октября – начале ноября 1956 года были заняты его армией.

К большому сожалению, Менахем Бегин не оставил никаких воспоминаний, а Давид Бен-Гурион, мемуарное наследие которого насчитывает тысячи страниц, был в своих записках удивительно избирателен. В книге воспоминаний он указал, что еще на заседании правительства 28 октября 1956 года сообщил о своем желании в тот же день встретиться с лидерами Партии

³²⁷ Цит. там же, стр. 25–26.

³²⁸ Цит. там же, стр. 32.

общих сионистов и Партии Свободы и «сообщить им, что мы собираемся делать». Д. Бен-Гурион указал (о себе он писал в третьем лице), что «в тот же день глава правительства встретился в Тель-Авиве с [лидерами] оппозиционных партий и сообщил им, после того, как они обязались хранить это в совершенной тайне, о причинах и плане нападения на Синайский полуостров, начиная с раннего утра 30 октября»³²⁹. Указав, что он сообщил им причины этой операции, Д. Бен-Гурион не конкретизировал, какие именно. Протокола этой встречи нет, однако совершенно очевидно, что представители Партии Свободы и Общих сионистов не получили от Д. Бен-Гуриона информацию более подробную, чем получили министры, входившие в состав правительства, то есть о переговорах с французами по поводу обретения Израилем ядерного потенциала лидеры национал-либералов, очевидно, никаких сведений не получили. Однако им, как и членам правительства, хватило и тех аргументов, которые касались атак *фидаюнов* против Израиля, с одной стороны, и поставок советского оружия крупнейшей стране арабского мира, имеющей общую границу с Израилем, с другой. Д. Бен-Гурион не погрешил против истины, когда суммировал свою встречу с лидерами оппозиции лаконичной фразой о том, что «все восприняли услышанное сообщение с удовлетворением и с полным согласием»³³⁰.

³²⁹ Давид Бен-Гурион, *Обновленное Государство Израиль*, том 1, стр. 528.

³³⁰ Там же.

Эта встреча не имела никаких непосредственных практических последствий, и едва ли в том случае, если бы представители Партии Свободы или Общих сионистов свое удовлетворение и согласие не высказали, то боевые действия бы не начались – или начались бы в какое-то иное время и в ином месте. Осознавая это, важно всё же подчеркнуть, что эта встреча не имела прецедентов в предшествовавшей ей истории израильской политики: Д. Бен-Гурион, сотни раз атаковавший М. Бегина и его соратников и публично не называвший главу Партии Свободы иначе, как «человек, сидящий рядом с депутатом Бадером», счел необходимым пригласить М. Бегина и других лидеров оппозиции для обсуждения судьбоносной проблемы, перед которой встали государство и общество.

Болезни никогда не спрашивают людей, когда им вмешаться в их планы, и так случилось, что уже 30 октября Д. Бен-Гурион заболел гриппом и на протяжении недели оставался прикованным к постели, хотя, по его собственным словам, и «находился на постоянной связи с военными командирами и главой Генерального штаба генералом армии Моше Даяном, а также сотрудниками Министерства иностранных дел»³³¹. В ходе заседания правительства Голда Меир предложила, учитывая особые условия войны, создать специальную межминистерскую комиссию из четырех – шести человек, чтобы она коллективно принимала наиболее важные решения³³².

³³¹ Там же.

³³² Цит. по подлиннику секретного дополнительного протокола заседания правительства Израиля от 28 октября 1956 г., стр. 42.

Д. Бен-Гурион был не тем человеком, которому для принятия каких-либо решений нужна была та или иная комиссия, о чем он сразу же прямо и сказал, и таковая так и не была создана. Министр юстиции Пинхас Розен предложил обсудить этот вопрос на следующем заседании³³³, но в нем Д. Бен-Гурион, сославшись на болезнь, участия не принимал³³⁴; в его отсутствие никто никаких комиссий не создавал.

Боевые действия завершились 6 ноября 1956 года; Моше Даян вспоминал, что в этот день в 13.00 в Шарм-аш-Шейхе прошел «парад Девятой бригады, ознаменовавший собой окончание операции, а также всей Синайской кампании. Д. Бен-Гурион приехать не смог и вручил мне трогательное поздравительное письмо к рядовым, сержантам и офицерам бригады»³³⁵. В тот же день на самолете М. Даян вылетел к Д. Бен-Гуриону и вечером доложил ему о взятии Шарм-аш-Шейха и окончании кампании. Поразительным образом, уже назавтра, 7 ноября 1956 года, Д. Бен-Гурион, как он сам свидетельствует, «встал с постели, вопреки рекомендации

³³³ Там же.

³³⁴ В 24-страничной стенограмме заседания правительства Израиля от 29 октября 1956 г. [на иврите], прошедшем под председательством Голды Меир, о такой комиссии нет никакого упоминания // Государственный архив Израиля, Иерусалим.

³³⁵ Моше Даян, *Дневник Синайской кампании* [1966] / пер. с англ. А. Колина (Москва: «Эксмо», 2003), стр. 212–213.

врача»³³⁶. Тот факт, что он ровно всю войну как бы проболеел внезапно свалившим его гриппом, кончившимся аккурат в день окончания боевых действий, позволил Д. Бен-Гуриону не только не собирать какую бы то ни было правительственную комиссию для обсуждения чего бы то ни было, но и просто не приходить в свою канцелярию, создав максимально приватный режим взаимодействия с начальником Генерального штаба и другими высшими офицерами как с личными подчиненными; практически никто не знал с кем, как часто и о чем именно говорил глава правительства. Как указывалось выше, Д. Бен-Гуриону было крайне трудно вести переговоры, в успехе которых у него не было изначальной уверенности, и эту задачу он всегда старался перепоручить другим людям, однако у него никогда не было проблем с тем, чтобы отдавать те или иные распоряжения, какими бы рискованными они ни были, людям, которые эти распоряжения были готовы беспрекословно выполнять, а система отношений Д. Бен-Гуриона и М. Даяна была именно таковой.

Когда стало известно о болезни Д. Бен-Гуриона, М. Бегин, впечатленный приглашением на беседу с премьер-министром перед началом войны в тот же день, как правительство приняло решение о ней, решил навестить Д. Бен-Гуриона в его доме. Несколько необъяснимым образом врачи не отсоветовали лидеру оппозиции беспокоить больного премьер-министра,

³³⁶ Давид Бен-Гурион, *Обновленное Государство Израиль*, Том 1, стр. 528.

который, в свою очередь, не выразил беспокойства в связи с тем, что его вирус передастся посетителю. Удивленный приходом М. Бегина охранник приветствовал его словами молитвы: «Да будешь ты благословен, Владыка вселенной, который дал нам право дожить до этого дня»³³⁷. К сожалению, в своих воспоминаниях об этих днях Д. Бен-Гурион вообще не упоминает факта этой встречи, а потому в распоряжении историков нет никакой информации, о чем именно на ней говорилось. Ни в одной из двух существующих «канонических» биографий Менахема Бегина – ни в той, что вышла при его жизни, спустя год после того, как он впервые возглавил израильское правительство, ни в той, что увидела свет через пятнадцать лет после его кончины – об этом тоже не говорится ни слова. Единственное, что мы знаем – что некоторые соратники М. Бегина по Партии Свободы, в частности, Шмуэль Кац, считали, что М. Бегин слишком быстро поторопился забыть многолетнюю враждебность, которую демонстрировал Д. Бен-Гурион³³⁸. Можно сказать, что история совершила полный круг: за двадцать один год до этого М. Бегин резко выступал против соглашений, заключенных с Д. Бен-Гурионом В.Е. Жаботинским в Лондоне, упрекая того, кого он выбрал себе в духовные учителя, что он слишком быстро пошел навстречу Д. Бен-Гуриону, забыв о его многолетней резкой критике и клевете в свой адрес, а теперь ровно в

³³⁷ Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин*, стр. 217.

³³⁸ Ави Шилон, *Бегин*, стр. 217 и сноски 4 на стр. 488.

этом же более молодые соратники обвиняли самого М. Бегина.

Когда во второй половине мая 1967 года над Израилем вновь нависла опасность войны с Египтом, бывший тогда премьер-министром Леви Эшколь последовал тому же принципу, который впервые продемонстрировал Давид Бен-Гурион, считавший, что судьбоносное решение о начале боевых действий правительство не может принимать таким образом, чтобы избранные лидеры парламентской оппозиции узнали о нем из газет.

Утром 23 мая 1967 года Л. Эшколь, как и Д. Бен-Гурион совмещавший посты главы правительства и министра обороны, провел рабочее совещание с военным командованием, в ходе которого начальник Генерального штаба Ицхак Рабин, начальник оперативного отдела, бывший командующий военно-воздушными силами Эзер Вейцман (1924–2005) и начальник военной разведки Аарон Ярив (1920–1994) решительно потребовали ограниченного превентивного удара по Египту, который бы включал в себя захват сектора Газа и продвижение к району эль-Ариш³³⁹. Л. Эшколь остудил пыл генералов, указав, что внешнеполитическая ситуация, и прежде всего давление со стороны США, весьма ограничивает его возможности санкционировать подобную операцию.

Вечером того же дня Л. Эшколь собрал расширенное заседание президиума правительства (т.н.

³³⁹ Йоси Гольдштейн, *Эшколь. Биография* (Иерусалим: «Кетер», 2003), стр. 546 [на иврите].

Межминистерской комиссии по вопросам безопасности), на котором министры засыпали вопросами главу Генерального штаба Ицхака Рабина и его заместителя Эзера Вейцмана³⁴⁰. Требование генералитета, озвученное И. Рабиным и Э. Вейцманом, о немедленном начале боевых действий, было отклонено; решено было взять еще одну паузу для дополнительной попытки урегулировать

³⁴⁰ Йоси Гольдштейн в книге *Эшколь. Биография*, стр. 724, сноска 652 указывает, будто в этом заседании участвовал сам глава правительства, министры Абба Эвен, Израэль Галили, Залман Аран и Хаим Моше Шапира, начальник Генерального штаба Ицхак Рабин и его заместитель Эзер Вейцман, а также генеральный секретарь Партии Труда Голда Меир, а кроме них – еще шесть депутатов от оппозиционных партий Менахем Бегин, Арье Бен-Элиэзер (лидеры Партии Свободы), Йосеф Серлин, Элимелех Рималът (оба представляли в Кнессете Либеральную партию), а также Шимон Перес и Моше Даян (представлявшие в то время так называемый Список рабочих Израиля, который был создан Давидом Бен-Гурионом и который перестал существовать уже в 1968 году, когда его члены приняли решение о самороспуске и возвращении в Партию Труда). Подлинный 23-страничный протокол этого заседания, хранящийся в Государственном архиве Израиля [на иврите], свидетельствует о другом: кроме всех вышеперечисленных министров, в заседании участвовали члены правительства Израэль Барзилай, Зерах Вархафтиг, Пинхас Сапир и Моше Кармель, оба названных генерала и еще восемь государственных служащих, но ни Голда Меир, ни кто-либо из лидеров оппозиционных партий не присутствовали на нём.

проблему дипломатическими средствами. Л. Эшколь, человек очень прагматичный и осторожный, был склонен любой ценой избежать войны, которую он не считал неотвратимой. Он надеялся, что с течением времени, под давлением извне, Г.А. Насер, а вслед за ним и другие арабские лидеры, прекратят радикальную антиизраильскую риторику и деятельность, что сделает возможным возвращение к де-факто мирному статус-кво, существовавшему на протяжении десяти предшествующих лет, после вывода израильских сил с Синайского полуострова. Л. Эшколь просил паузу не для того, чтобы Израиль имел больше времени лучше подготовиться к войне, а как раз наоборот – для того, чтобы войны избежать.

По совету главы своей администрации Яакова Херцога (1921–1972), сославшегося на позитивный британский опыт, Леви Эшколь, получив на это предварительно по телефону согласие Голды Меир, пригласил руководителей всех трех основных партий, не входивших в возглавляемое им правительство, для обсуждения ситуации³⁴¹. Эта встреча прошла в здании Кнессета 24 мая 1967 года, и в ней участвовали лидер Партии Свободы Менахем Бегин, представители Либеральной партии Йосеф Серлин и Элимелех Рималът, а также Моше Даян от созданного поругавшимся с

³⁴¹ Шломо Накдимон, *Перед часом ноль: драма, предшествовавшая Шестидневной войне* (Тель-Авив, 1968), стр. 45–60 [на иврите].

бывшими соратниками по Партии Труда Давидом Бен-Гурионом так называемого Списка рабочих Израиля³⁴².

Обратим внимание: 28 октября 1956 года Д. Бен-Гурион встречался с лидерами Партии Свободы и Общих сионистов в тот же день, когда прошло заседание правительства, однако на само это заседание их никто не приглашал. Десять с половиной лет спустя Л. Эшколь поступил аналогичным образом, пригласив лидеров оппозиционных партий принять участие в обсуждении судьбоносного вопроса о том, что делать Израилю перед лицом ежедневно звучащих из Каира угроз «сбросить сионистское образование в море», но не давая им никакой возможности быть сопричастными к вырабатываемым решениям.

Руководители всех трех бывших тогда оппозиционными партий как раз склонны были поддержать мнение высшего генералитета, а не Л. Эшколя. Именно поэтому позиция главы правительства казалась им неверной, а сам он – неподходящим для того, чтобы стоять во главе израильской армии (а он был и министром обороны) в столь трудное время. Еще 18 мая 1967 года в беседе с депутатом Кнессета от Партии Свободы Цви Циммерманом (1913–2006) Менахем Бегин выразил мнение, что страна находится в опасности и необходимо вмешаться и сместить Леви Эшколя³⁴³. *Ни о чем не забыв, но ставя во главе своих устремлений высшие интересы национальной безопасности Израиля,*

³⁴² Йоси Гольдштейн, *Эшколь. Биография*, стр. 552.

³⁴³ Шломо Накдимон, *Перед часом ноль*, стр. 23–25.

Менахем Бегин решил действовать в направлении возвращения Давида Бен-Гуриона либо на пост главы правительства, либо хотя бы министра обороны. М. Бегин полагал, что из всех израильских руководителей только Д. Бен-Гурион обладает необходимым военно-политическим опытом, международными связями и авторитетом, как в армии, так и в широких слоях израильского общества.

Вечером 22 мая Менахем Бегин переговорил с одним из наиболее близких к Давиду Бен-Гуриону на протяжении всей его жизни людей – Шимоном Пересом. Вместе они встретились с одним из руководителей Национально-религиозной партии Ицхаком Рафаэлем (1914–1999). На этой встрече М. Бегин и Ш. Перес выдвинули идею создания в Израиле – впервые в его истории – правительства национального единства, с участием всех значимых оппозиционных партий, невзирая на идеологические, персональные и любые другие конфликты между ними. Эта встреча имела самые прямые последствия: вскоре Национально-религиозная партия, входившая в состав правительственной коалиции, фактически выдвинула Леви Эшколю ультиматум, требуя создания правительства национального единства; в противном случае министр внутренних дел от этой партии Хаим Моше Шапиро угрожал уходом в отставку.

Интерес Ш. Переса был более чем очевиден, ибо предполагалось, что его фактический патрон, Д. Бен-Гурион, отметивший незадолго до этого восьмидесятилетие, возглавит такое правительство; у М. Бегина подобных амбиций не было, его озабоченность

была вызвана сугубо национально-государственными интересами. Давид Бен-Гурион, со своей стороны, был готов вернуться в правительство, но только на пост его главы, категорически отказавшись от должности министра обороны в правительстве Л. Эшколя (хотя такой прецедент был, когда с февраля по июнь 1955 года Д. Бен-Гурион занимал пост министра обороны в правительстве М. Шарета).

Беседу по этому вопросу с самим Л. Эшколем М. Бегин взял на себя. Напомнив вначале о многолетней враждебности Д. Бен-Гуриона по отношению к нему самому и поблагодарив Л. Эшколя еще раз за его согласие на перезахоронение в Иерусалиме праха В.Е. Жаботинского и его супруги, М. Бегин призвал главу правительства понять, что его ограниченный военно-политический опыт недостаточен для того, чтобы руководить страной в столь сложный период резкого обострения напряженности. М. Бегин убеждал Л. Эшколя, на протяжении нескольких десятков лет бывшего помощником и соратником Д. Бен-Гуриона, подняться над враждой, рассорившей их в 1960-е годы вследствие так называемого «дела Лавона», и лично обратиться к Д. Бен-Гуриону с призывом встать во главе правительства или хотя бы Министерства обороны. Л. Эшколь, однако, категорически отверг это предложение, сказав, что они с Д. Бен-Гурионом больше не способны работать в одной упряжке³⁴⁴. Л. Эшколь даже собрал 25 мая 1967 года секретариат и политическую комиссию Партии Труда,

³⁴⁴ Йоси Гольдштейн, *Эшколь. Биография*, стр. 551.

которые не только выразили ему самому полное доверие как главе правительства и министру обороны, но и отвергли предложение о создании правительства национального единства с участием Партии Свободы, либералов и так называемого Списка рабочих Израиля, возглавлявшегося Д. Бен-Гурионом.

Сложилась поистине кафкианская ситуация, на что справедливо обратил внимание один из лидеров ЭЦЕЛЯ и Партии Свободы Арье Бен-Элиэзер: ветераны ЭЦЕЛЯ, которых по указаниям Давида Бен-Гуриона арестовывали, сдавали британской полиции и обстреливали напротив берега Кфар-Виткин и в Тель-Авиве, готовы были, руководствуясь высшими интересами страны, добиваться возвращения этого человека на главный государственный пост, а его многолетние соратники по партии, которую он сам десятки лет возглавлял, по своим, сугубо политиканским соображениям, блокировали – и успешно (для самих себя) заблокировали – эти усилия³⁴⁵.

В руководстве армии разразился сильнейший кризис доверия, и вечером 23 мая 1967 года Ицхака Рабина постиг первый нервный срыв (несколько дней спустя еще один выбьет его из седла почти на все время ведения боевых действий). И. Рабин попросил Э. Вейцмана де-факто руководить работой Генерального штаба вместо него, и вечером того же дня последний отдал ряд распоряжений,

³⁴⁵ См.: Заки Шалом, *Охваченный огнем: Давид Бен-Гурион и его борьба за государство и его будущее, 1963–1967* (Сде-Бокер: Университет имени Д. Бен-Гуриона в Негеве, 2004), стр. 196 [на иврите].

касавшихся подготовки к немедленному началу боевых действий. Когда на завтра Л. Эшколь узнал об этом, то пришел в страшное негодование, в тот же день фактически сместив Э. Вейцмана с занимаемого им поста, назначив заместителем начальника Генерального штаба (а у командующего армией в Израиле всегда есть только один заместитель) Хаима Бар-Лева (1924–1994); Эзеру Вейцману остался только пост начальника оперативного отдела. Возмущенный Э. Вейцман объявил о том, что если глава правительства и министр обороны не доверяет ему и его профессиональным рекомендациям, то он готов немедленно уйти в отставку. Данный шаг одного из наиболее опытных в стране военачальников, несомненно, нанес бы большой урон Генеральному штабу в едва ли не самое драматичное время в израильской военно-политической истории. Мало кто тогда знал, что человеком, отговорившим Э. Вейцмана от намерения уйти в отставку, был М. Бегин, с которым Э. Вейцмана связывали многолетние взаимоуважительные отношения³⁴⁶ (после демобилизации из армии Э. Вейцман присоединился к Партии Свободы).

Этим, однако, ключевая роль, которую сыграл М. Бегин, не ограничилась. Несмотря на противодействие Л. Эшколя идее назначения кого-либо на пост министра обороны вместо него самого и вопреки категорическому нежеланию Партии Труда видеть в правительстве какую-либо из оппозиционных партий, уже 1 июня главе правительства пришлось удовлетворить оба этих

³⁴⁶ Йоси Гольдштейн, *Эшколь. Биография*, стр. 548.

требования, ибо многие в стране считали, что Л. Эшколь, какими бы многочисленными положительными качествами он ни обладал, не является тем человеком, который может единолично держать на своих плечах судьбу государства. Единственным отличием той ситуации, которая сложилась к началу июня, от предшествовавших требований его оппонентов, был тот факт, что на пост министра обороны был назначен не сам Д. Бен-Гурион, а его многолетний протеже М. Даян.

Вот как вспоминал об этих событиях сам Моше Даян:

«Премьер-министром в это время был Леви Эшколь, и его нерешительность подрывала веру народа в то, что он может руководить страной в такой момент. Руководители партий парламентской оппозиции – Бегин, возглавлявший блок Партии Свободы и Либералов, и Бен-Гурион, возглавлявший Список рабочих Израиля (РАФИ), хотели заменить Эшколя другим деятелем. К удивлению членов партии РАФИ, Бегин и его товарищи нанесли визит Бен-Гуриону и выступили с предложением, которое поразило всех: необходимо сформировать правительство национального единства во главе с заклятым врагом Бегина – Давидом Бен-Гурионом!

Получив согласие Бен-Гуриона на свое предложение, Бегин отправился к Эшколю и сказал ему: “Господин премьер-министр, я знаю, что произошло между вами и Бен-Гурионом и насколько отравлены ваши отношения. Но прошу вас вспомнить, что произошло между ним и мною! И все же я готов забыть все, что было, только бы наш народ объединился перед лицом врага”. Эшколь отклонил это предложение, но Бегин повторил его перед

членами фракции своей партии в Кнесете. “Мы предложили, – сказал он им, – чтобы самый непреклонный противник нашей партии, Бен-Гурион, был назначен премьер-министром, но блок рабочих партий отклонил это предложение. Если бы правительство Эшколя вышло в отставку сегодня ночью, я рекомендовал бы президенту государства поручить формирование нового правительства Бен-Гуриону”.

Предложение Бегина не было принято. Эшколь не ушел в отставку, и Бен-Гурион не сменил его на его посту. Но было достигнуто сплочение народа и создано правительство национального единства. Три новых министра вошли в правительство, возглавляемое Эшколем: Менахем Бегин и Йосеф Сапир в качестве министров без портфелей и я в качестве министра обороны. Через четыре дня началась война»³⁴⁷.

Моше Даян обещал, что на этом посту будет постоянно и регулярно находиться на связи с Д. Бен-Гурионом, который станет его своего рода неформальным наставником³⁴⁸. М. Даян обещал Д. Бен-Гуриону посещать его каждое утро и каждый вечер; в реальности же, к огромному разочарованию бывшего главы правительства, за все шесть дней войны М. Даян ни разу не нашел времени для встречи с ним.

³⁴⁷ Моше Даян, *Жизнь с Библией*, гл. 19.

³⁴⁸ Ами Глуска, *Эшколь, дайте приказ! Армия обороны Израиля и правительство на пути к Шестидневной войне* (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны Израиля, 2004), стр. 348 [на иврите].

В Партии Труда же возобладала точка зрения, гласившая, что в условиях войны, итоги которой никто не мог предсказать наверняка, выгодно разделить ответственность со всеми оппозиционными силами, чтобы если что-то пойдет не так, как хотелось бы, никто не мог критиковать правящую верхушку со стороны. Так возник план, который в иных условиях невозможно себе представить: лидеры Партии Свободы и Либералов, к тому времени уже сформировавшие единый блок (см. ниже), приглашались к участию в правительстве, однако под их начало не передавались *никакие* министерства; Менахему Бегину и Йосефу Сапиру предлагалось войти в правительство на правах министров без портфелей. Для межпартийного блока, имевшего в Кнессете фракцию из 26 депутатов (Партия Труда имела 45), это предложение было унижительным, что те, кто его делали, отлично понимали – и ровно поэтому его и делали.

Усилия М. Бегина по возвращению Д. Бен-Гуриона к руководству страной и армией были восприняты в обществе как проявление высокого патриотизма, свободного от каких-либо политиканских соображений³⁴⁹. 2 июня 1967 года, менее чем за трое суток до начала войны, никто иной, как Шимон Перес, за девятнадцать лет до этого с винтовкой ночевавший в канцелярии Д. Бен-Гуриона, намереваясь грудью защитить своего босса от нафантазированного им нападения на него со стороны

³⁴⁹ Эран Эльдар, *Путь к 1977 году: крах гегемонии Партии Труда, 1965–1977* (Тель-Авив: «Ам овед», 2018), стр. 82 [на иврите].

«полчища боевиков ЭЦЕЛЯ», писал их бывшему командиру, что тот действовал рассудительно, товарищески, патриотично и с открытым сердцем, и что у него нет сомнений в том, что «широкая общественность сохранит в памяти Ваш [Бегина] образ в этот период национального кризиса»³⁵⁰. Ш. Перес больше, видимо, не державший в руках автомат, закончил свое письмо М. Бегину следующими словами: «Очень приятно поддерживать глубокие отношения с Вами. Я надеюсь, что контакты между нами в будущем станут постоянными»³⁵¹. Ш. Перес едва ли мог себе представить, что спустя ровно десять лет именно М. Бегину он проиграет выборы, в ходе которых он впервые будет баллотироваться на пост главы правительства сам...

Именно этот благородный и патриотичный образ М. Бегина тогдашние руководители Партии Труда и хотели поколебать: если бы он отказался от сделанного ими предложения как очевидно унижительного, то руководители так называемого «рабочего движения» имели бы возможность продемонстрировать, что М. Бегина интересует не благо общества, а собственное политическое продвижение; если же это предложение было бы принято, то оказывалось, что, имея 45 депутатов,

³⁵⁰ Письмо Ш. Переса М. Бегину находится в архиве Центра наследия Д. Бен-Гуриона и цит. по книге Э. Эльдара *Путь к 1977 году: крах гегемонии Партии Труда, 1965–1977*, стр. 82.

³⁵¹ Там же.

Партия Труда была бы представлена 11 министрами³⁵², в то время как блок Партии Свободы и Либеральной партии, располагавший фракцией из 26 депутатов, должен был довольствоваться двумя должностями министров без портфелей. Несмотря на эту очевидную несправедливость, Менахем Бегин и Йосеф Сапир³⁵³ согласились и на эти условия и вошли в правительство как министры без портфелей (кандидатура М. Бегина как лидера Партии Свободы была очевидной, однако в Либеральной партии было выдвинуто несколько человек, из которых только 2 июня был выбран Й. Сапир, поэтому в первом заседании правительства национального единства, состоявшемся 1 июня 1967 года, участвовал М. Бегин, но не было никого из представителей Либеральной партии)³⁵⁴. Обращал на себя внимание тот факт, что министр без портфеля в правительстве к тому времени был один – Израэль Галили – и он как раз 1 июня был утвержден министром информации.

³⁵² Персональный состав Тринадцатого правительства Израиля, начавшего свою работу 13 января 1966 года, проанализирован по данным, представленным в архиве Кнессета.

³⁵³ Йоси Гольдштейн в книге *Эшколь. Биография*, стр. 562 указывает, будто 1 июня 1967 г. к правительству присоединились М. Бегин и Э. Римальт; это очевидная ошибка, так как Э. Римальт вошел в состав правительства только 15 декабря 1969 г.

³⁵⁴ См. Ами Глуска, *Эшколь, дайте приказ!*, стр. 506, сноска 56 [на иврите].

Таким образом, для всех одиннадцати членов правительства от Партии Труда нашлась та или иная конкретная сфера ответственности, и только представители Партии Свободы и Либералов оказались вынуждены довольствоваться должностями «свадебных генералов». *Это было особенно несправедливо по отношению к М. Бегину, ибо само создание правительства национального единства в значительной мере было лично его заслугой*; даже Ш. Перес вспоминал, что вопрос о возвращении Д. Бен-Гуриона на пост главы правительства и министра обороны был впервые задан ему именно М. Бегиним после того, как они оба вышли с заседания Комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне³⁵⁵. Выступая на совещании депутатов от нескольких партий 24 мая 1967 года, М. Бегин отметил, что чрезвычайное положение в стране требует возвращения Д. Бен-Гуриона на пост главы правительства, Л. Эшколь же мог остаться его заместителем, курирующим всю общественно-экономическую сферу. Позднее М. Бегин указывал, что от Э. Вейцмана знал об остром кризисе доверия между высшим генералитетом и главой правительства, который он считал крайне опасным для страны, с высочайшей степенью вероятности стоявшей перед началом войны³⁵⁶. *Не считая возможным отказаться от сопричастности к ответственности за судьбу страны в столь драматичный для нее час,*

³⁵⁵ Шимон Перес, *Праца Давида* (Иерусалим, 1971), стр. 198.

³⁵⁶ Заки Шалом, *Охваченный огнем: Давид Бен-Гурион и его борьба за государство и его будущее, 1963–1967*, стр. 196.

М. Бегин не мог поставить свои личные политические интересы выше интересов государства и общества. С самого начала поддерживая мнение генералитета, согласно которому превентивный удар по Египту, находившемуся в состоянии активных приготовлений к войне против Израиля, является вынужденной необходимостью, которая должна быть реализована так, как это рекомендуют опытные военные, Менахем Бегин вошел в правительство как раз для того, чтобы Леви Эшколь имел меньше возможностей сдерживать опытных профессиональных офицеров в реализации планов, которые они считали оптимальными с точки зрения обеспечения безопасности еврейского государства.

Как и одиннадцать лет назад, в трудный для страны час начала войны национал-либералы во главе с М. Бегиным переставали быть оппозицией, причем в этот раз не просто поддерживав правительство извне, но войдя в него, чтобы разделить всю полноту ответственности.

М. Бегин – и от национал-либералов только он – вошел и в состав межминистерской комиссии по вопросам безопасности (фактического президиума правительства), в составе которой принимал очень активное участие в обсуждении хода начавшейся 5 июня войны на всех ее этапах. Протоколы заседания этой комиссии свидетельствуют о том, что именно М. Бегин, наряду с И. Алоном, занимал наиболее активистскую позицию, настаивая на том, что Армия обороны Израиля должна не только разгромить египетские силы на Синайском полуострове (на эту тему как раз существовал довольно

широкий консенсус), но и достичь трех других целей: во-первых, и в главных, «исправить несправедливость» 1948 года, добившись контроля еврейского государства над всем Иерусалимом, в особенности над Старым городом³⁵⁷; во-вторых, распространить израильский контроль на всю территорию Иудеи и Самарии до реки Иордан³⁵⁸; и, в-третьих, изгнать сирийцев с Голанских высот³⁵⁹, чтобы исключить возможность повторения артиллерийских обстрелов Галилеи и населенных пунктов на побережье озера Кинерет. *Все эти три цели были достигнуты, и в то, что Армия обороны Израиля получила от правительства соответствующие распоряжения, личный вклад Менахема Бегина был весьма велик.*

Благодаря своему членству в межминистерской комиссии по безопасности, его личным хорошим отношениям с М. Даяном, осознававшим, что именно инициативе М. Бегина по смещению Л. Эшколя с поста министра обороны он обязан своему назначению на эту должность, лидер Партии Свободы, даже в статусе министра без портфеля, обрел существенное влияние, которое целиком направил на обеспечение блага государства, как он его понимал. Ключевое заседание, на

³⁵⁷ См. выступление М. Бегина на заседании правительства уже вечером 5 июня 1967 г.; цит. по подлиннику рассекреченного в 2017 г. протокола этого заседания, стр. 4.

³⁵⁸ См. выступление М. Бегина на заседании президиума правительства 7 июня 1967 г.; цит. по подлиннику рассекреченного в 2017 г. протокола этого заседания, стр. 7.

³⁵⁹ См. там же, стр. 32.

котором обсуждалась израильская стратегия в ходе этой войны, прошло в здании Министерства обороны в Тель-Авиве 7 июня 1967 года, и участвовало в нем всего пять человек: Л. Эшколь, М. Даян, И. Галили, М. Бегин и Й. Сапир³⁶⁰. Таким образом, хотя Партия Труда была представлена в правительстве одиннадцатью министрами, а блок Партии Свободы и Либералов – лишь двумя, причем оба они работали в статусе «министров без портфеля», в самый решающий момент Шестидневной войны М. Бегин и Й. Сапир – оба – были среди пяти высших руководителей Государства Израиль, принимавших ключевые решения, значение которых не померкло до сегодняшнего дня.

Нужно сказать, что за последние полвека дискурс о том, необходим ли Израилю контроль над теми или иными территориями, или он может от них более или менее безболезненно отказаться, настолько доминирует в израильской политике и общественной жизни, что кажется, будто так было всегда. Однако на самом деле в первые девятнадцать лет израильской государственности вопрос о границах в целом считался в обществе, пусть и не идеально, но решенным окончательно в ходе Войны за независимость. За эти девятнадцать лет Израиль сотрясали многочисленные правительственные кризисы, но *ни один* из них не был связан с вопросом о каких-либо территориях. М. Бегин и некоторые другие израильские политики выступали в марте 1957 года против вывода

³⁶⁰ Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография* (Иерусалим: «Эйданим» – Тель-Авив: «Двир», 1976), стр. 443 [на иврите].

израильских сил с занятых за четыре месяца до этого Синайского полуострова и сектора Газа, но все это произошло так быстро и не было сопряжено с какими-либо существенными жертвами с израильской стороны, что большого влияния на общественную жизнь и политическую систему не оказало.

В эти годы наиболее острыми были вопросы, касавшиеся массовой иммиграции из стран Ближнего Востока и Северной Африки и путей абсорбции и интеграции новоприбывших в израильском обществе; введенного правительством режима жесткой экономии и ограничения потребления, драматично ударившего по благополучию израильского среднего класса; переговоров с пост-гитлеровской Германией; провала израильской разведывательной сети в Египте, стоившего жизни двум местным евреям и вызвавшего политический кризис, волны которого сотрясали израильскую политику десять последующих лет и т.д. По отдельным из этих вопросов позиция Партии Свободы была более ясной и четкой, по другим – менее, но *ни одна из этих проблем не была разрешена в то время так, как призывали лидеры национал-либералов*: не они определяли политику в области иммиграции и интеграции; не от них зависело введение режима жесткой экономии и его ослабление; они не имели никакого отношения к вопросу о том, кто в военно-политическом руководстве Израиля принял решение выстроить разведывательно-диверсионную сеть в Египте таким образом, что ее провал оказался едва ли не самым резонансным фиаско разведывательных служб Израиля за всю историю их существования; а в полемике о

немецких репарациях их позиция, хотя и звучавшая крайне отчетливо, оказалась отвергнута, пусть и большинством голосов депутатов Кнессета, набранным не всегда приглядными методами. Государство Израиль крепло и развивалось, переживало свои подъемы и спады, но национал-либералы имели весьма ограниченное влияние на всё происходившее.

Шестидневная война кардинальным образом изменила это положение, причем это случилось по трем взаимодополняющим причинам.

Первая из них касалась отношения к самому факту гарантированности существования еврейского государства. После того, как в ходе Войны за независимость Израиль не только выстоял, но и примерно наполовину увеличил свою территорию в сравнении с выделенной ему, согласно решению Генеральной Ассамблеи ООН, в еврейском государстве возобладала точка зрения, что само его существование является неопровержимым историческим фактом, который не может быть пересмотрен. *Все эти годы Менахем Бегин был фактически единственным политическим лидером, называвшим веру в это иллюзорной. Тяжелейшая ситуация, в которой оказалось еврейское государство в мае 1967 года, когда три граничащие с ним арабские страны открыто, на глазах всего мира, готовились к нападению на него, а все его просьбы о существенной международной поддержке (в частности, организации регаты судов из разных стран в Эйлат, вопреки введенному египтянами запрету) были отвергнуты (единственное, что слышал Израиль – это настоятельные*

призывы «сохранять сдержанность»), привела к тому, что значительное большинство израильтян увидели правоту Менахема Бегина, все эти годы утверждавшего, что сама борьба за существование еврейского государства отнюдь не закончена. Именно осознание этого факта широкими слоями общества привело к той беспрецедентной ситуации (такого в истории страны не было не только до, но и никогда после), когда главе правительства был, фактически, выдвинут вотум недоверия как человеку, отвечавшему за обеспечение безопасности государства и общества.

Хотя отнюдь не Менахем Бегин или кто-либо из его соратников в то время возглавил Министерство обороны, именно он оказался наиболее активным и смелым государственным деятелем, инициировавшим движение в этом направлении и обратившимся лично к Л. Эшколю с призывом поставить интересы государства и общества выше каких-либо персональных соображений. Внутриполитический кризис конца мая 1967 года отчетливо продемонстрировал обществу разницу между политиками, которые, как обычно, считали, что именно они более всего подходят на роль руководителей, всегда и при любых обстоятельствах – и Менахемом Бегиним, который искал, кто в наилучшей мере может возглавлять израильскую армию в условиях войны, с одной стороны, и сможет восстановить необходимую степень взаимного доверия между политическим руководством и генералитетом, с другой. *Последовательно согласившись поддержать сначала Давида Бен-Гуриона, а затем Моше Даяна, ни к одному из которых он после трагедии*

«Альталены» не имел причин испытывать чувства благодарности, Менахем Бегин предстал перед обществом как патриот, в трудный час забывающий обо всем личном во имя государства и народа. При этом именно активная позиция Эзера Вейцмана и проведенные под его непосредственным руководством боевые действия (а Ицхак Рабин не функционировал как главнокомандующий на протяжении большей части Шестидневной войны) открыли ему путь к последующему назначению министром обороны. Спустя десять лет, когда М. Бегин стал главой правительства, именно Э. Вейцману он поручил руководство этим важнейшим министерством.

Не менее важным было влияние итогов Шестидневной войны на отношение к национал-либералам в израильском обществе. Как указывалось выше, до этого вопрос о каких-либо территориях, не вошедших по итогам Войны за независимость в состав Государства Израиль, воспринимался как сугубо теоретический и умозрительный. Когда в 1965 году Партия Свободы объединялась с Либеральной партией в единый блок, то либералы потребовали, чтобы из его программы были вычеркнуты любые упоминания о стремлении к «целостной Эрец-Исраэль»; более того, когда блок не добился успеха на выборах, прошедших 2 ноября 1965 года (каждая из партий по отдельности имела в Кнессете пятого созыва по 17 мандатов, а их объединенный список получил всего 26), то лидеры либералов обвиняли М. Бегина и его соратников в том, что именно их «неадекватные» и «неуместные» разговоры о «неделимой Эрец-Исраэль» отвратили от блока немалое число его

потенциальных сторонников. 10 июня 1967 года Партия Свободы оказалась *единственной* политической силой, которая была готова объяснить, зачем Израилю нужны территории, оказавшиеся под его контролем. Разговоры, еще за полтора года до этого казавшиеся большинству неадекватными и неуместными, в одночасье приобрели большое практическое значение. В израильском обществе – и тогда, и впоследствии – выкристаллизовались разные взгляды на то, что Израилю делать с территориями, которые он достаточно неожиданно обрел за считанные дни, но в то время, как все остальные партии и их лидеры только начинали думать об этом, у М. Бегина и его соратников уже были адекватные ответы на эти вопросы.

В июне 1967 года положение Менахема Бегина, его соратников по Партии Свободы и израильских национал-либералов в целом за считанные дни изменилось драматическим образом, причем это произошло без того, чтобы хоть в чем-либо изменились они сами. *Общественно-политическая ситуация в Израиле и положение в регионе в целом продемонстрировали, что как раз те, кого обвиняли в оторванности от жизни, в наибольшей мере понимали динамику происходивших процессов и были готовы предложить ответы на возникавшие в этой связи вопросы.* Июньская война 1967 года продолжалась меньше недели, однако лидеры национал-либералов остались в правительстве и после ее окончания. С тех пор, как бы ни развивались события, они принимали непосредственное и самое активное участие в поиске оптимальных решений всех основных вопросов, которые стояли на повестке дня Государства Израиль.

ГЛАВА V.

ОТ ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ

ДО «ПЕРЕВОРОТА» 1977 ГОДА

1. Во имя национального единства: национал-либералы в правительстве Л. Эшколя

Не прошло и двух недель после окончания Шестидневной войны, как в ходе заседания, прошедшего 19 июня 1967 года, правительство Леви Эшколя приняло решение (которое не было опубликовано ни в широкой печати, ни в протоколах Кнессета) о готовности вернуть территории Синайского полуострова и Голанских высот, соответственно, Египту и Сирии – при условии подписания этими странами мирных договоров с Израилем и демилитаризации этих территорий³⁶¹. Не забудем, что к тому времени ни одна из арабских стран не признала существование еврейского государства и не подписала мирного соглашения с ним. Данное решение правительства Израиля во многих публикациях искажается (что не обязательно свидетельствует о злом умысле, ибо принятые в ходе того заседания решения и его протокол не были опубликованы вплоть до 2006 года!); утверждается, будто была выражена готовность отступить со всех занятых в ходе Шестидневной войны территорий «в обмен на мир». На самом деле намерение было принципиально другим: речь шла о готовности вернуть исключительно территории, которые *не были* частью подмандатной Палестины, то есть *ни на*

³⁶¹ См.: Алек Д. Эпштейн, *Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться* (Москва/Иерусалим: Институт Ближнего Востока – «Мосты культуры», 2008), стр. 49–54.

Восточный Иерусалим, ни на Иудею, Самарию и Иорданскую долину, ни на сектор Газа это решение правительства не распространялось.

Вопрос о возможности отступления с Синайского полуострова обсуждался в Центральном комитете Партии Свободы, причем было достигнуто полное согласие в отношении того, что условием возвращения Синайского полуострова Египту является обеспечение, с его стороны, гарантий беспрепятственного израильского судоходства к порту Эйлат и в Суэцком канале, с одной стороны, и общих гарантий ненападения на Израиль, с другой. Нужно сказать, что уже через шесть лет, в октябре 1973 года, когда весь Синайский полуостров находился под израильским контролем, стало понятно, что факт владения им не защищает Израиль от возможного нападения со стороны Египта. Однако следует видеть и другую сторону ситуации: благодаря тому, что Израиль контролировал весь Синайский полуостров, именно на его территории, а не в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе и их окрестностях, разворачивались боевые действия между израильской и египетской армиями в октябре 1973 года.

В Партии Свободы были активисты, считавшие, что после окончания Шестидневной войны нужно выйти из правительства, возглавляемого социал-демократами. Само создание правительства национального единства было отражением особых условий, сложившихся во второй половине мая 1967 года, которые, с их точки зрения, потеряли свою актуальность в связи с успешным завершением Шестидневной войны. Менахем Бегин отвергал подобный подход, настаивая на том, что его

пребывание в правительстве и в его президиуме (так называемом «кабинете безопасности») необходимо для того, чтобы блокировать попытки отказаться от контроля над теми или иными частями «западной Эрец-Исраэль»; под это определение, кроме собственно суверенной территории Государства Израиль, подпадали Иудея, Самария, Иорданская долина и сектор Газа.

На заседании президиума правительства при деятельном участии Менахема Бегина, которого поддержали генералы в отставке министр обороны Моше Даян и министр труда Игаль Алон, были приняты три ключевых решения. Во-первых, было введено никогда прежде не существовавшее понятие «оборонной границы Израиля», которой была объявлена река Иордан. Таким образом, были разделены понятия государственной политической границы и так называемой оборонной границы. Во-вторых, было решено, что повседневной жизнью арабских жителей Западного берега реки Иордан и сектора Газа будет руководить специально создаваемая Израилем администрация. В-третьих, было объявлено, что единый Иерусалим станет частью Государства Израиль, но будут выработаны меры, позволяющие обеспечить свободу вероисповедания для приверженцев разных религий и конфессий. Тогда же были объявлены утратившими силу все заключенные в 1949 году после Войны за независимость Израиля соглашения о прекращении огня³⁶².

³⁶² Цит. по подлиннику протокола заседания президиума правительства Израиля от 15 июня 1967 г., стр. 47 [на иврите].

Для Л. Эшколя сам факт обретения Израилем столь значительных территорий был неожиданным и, в общем-то, не особенно желанным, поэтому он был в целом готов сравнительно легко отказаться от них³⁶³. Не Л. Эшколь, а М. Бегин звонил М. Даяну утром 7 июня, услышав по Би-Би-Си сообщение о том, что в Совете Безопасности ООН рассматривается резолюция с требованием немедленного прекращения огня, с призывом «поторопиться с освобождением Иерусалима»³⁶⁴; на обсуждении в правительстве именно М. Бегин и И. Алон активнее всего выступали за то, чтобы израильская армия заняла Старый город Иерусалима и прилегающие к нему с юга, востока и севера районы³⁶⁵. О том, что силы Армии обороны Израиля заняли Голанские высоты, глава правительства вообще узнал постфактум, и М. Бегин, формально бывший всего лишь министром без портфеля, защищал М. Даяна перед Л. Эшколем на заседании правительства.

М. Бегин настаивал, что можно согласиться отказаться от контроля над какими бы то ни было территориями исключительно в ходе прямых переговоров о взаимном признании и мирном урегулировании между Израилем и арабскими странами. Положение о прямых переговорах упомянуто не случайно: в то время, да и в последующие годы, велико было давление на еврейское государство в направлении реализации идеи

³⁶³ Йоси Гольдштейн, *Эшколь – биография*, стр. 581.

³⁶⁴ См.: Ави Шилон, *Бегин*, стр. 210.

³⁶⁵ См.: Том Сегев, *1967* (Иерусалим: «Кетер», 2005), стр. 370 [на иврите].

международной конференции, в рамках которой Израиль должен был бы пойти на значительные территориальные уступки, согласившись лишь на те или иные промежуточные договоренности, без того, чтобы арабские страны пошли на полноценное мирное урегулирование с ним. Таким образом, речь шла даже не о реализации принципа «территории в обмен на мир», а об отказе от территорий без какого-либо мира, наступление которого, таким образом, откладывалось на совершенно неопределенный срок. Менахем Бегин видел основную цель своего пребывания в правительстве в недопущении подобного сценария. «Я выступаю за мирные договора, в которые обязательно должны быть включены гарантии обеспечения безопасности, – указывал М. Бегин, – а без заключения мирных договоров, израильские вооруженные силы останутся на всех территориях до линий прекращения огня, где они находятся сейчас»³⁶⁶. Эти требования были приняты правительством³⁶⁷.

Кроме того, М. Бегин выступал категорическим противником идеи автономии для арабских жителей занятых в июне 1967 года территорий, указывая: «Понятие автономии железной логикой приведет к Палестинскому государству»³⁶⁸. Выступал он и против идеи создания арабского кантона в районе городов Шхем, Дженин и Туль-Карем, утверждая, что подобное развитие событий

³⁶⁶ Цит. по подлиннику рассекреченного протокола заседания правительства Израиля от 19 июня 1967 г., стр. 58 [на иврите].

³⁶⁷ См. там же, стр. 98–102.

³⁶⁸ Там же, стр. 30.

постепенно приведет к созданию кантонов в самых разных районах, где арабы составляют большинство населения³⁶⁹. «Посылали ли мы наших сыновей на войну для того, чтобы создать еще одно арабское государство, или чтобы передать арабскому государству части территории Эрец-Исраэль, чтобы внутри нашего государства был анклав, откуда можно обстреливать Тель-Авив? Ради этого мы вели войну? – вопрошал М. Бегин, – добавляя: – Поэтому все эти решения – плохие в своей основе, и мы не должны предлагать их»³⁷⁰. Сам М. Бегин предложил принять решение, согласно которому «суверенитет Государства Израиль распространяется на территорию до реки Иордан»³⁷¹. «Мы должны внедрить в общественное мнение, что мы здесь, в Западной Эрец-Исраэль, не по праву силы, а силой права. Для пессимизма, который присутствует за этим столом [правительства] в отношении мирового общественного мнения, нет оснований», – настаивал М. Бегин³⁷².

Пребывание Менахема Бегина в правительстве имело значение и в контексте сложных отношений между главой правительства и министром обороны: Леви Эшколь помнил, как ему было навязано назначение Моше Даяна, и, в целом, не до конца понимал, почему после окончания войны М. Даян джентельменски не объявит о том, что задача, ради выполнения которой он возглавил

³⁶⁹ Там же, стр. 29–30.

³⁷⁰ Там же, стр. 31.

³⁷¹ Там же, стр. 33–34.

³⁷² Там же, стр. 34.

Министерство обороны, реализована, и он возвращает самому Л. Эшколю этот пост, который глава правительства занимал по совместительству на протяжении четырех предшествующих лет. В течение полутора лет до начала Шестидневной войны повседневными делами Министерства обороны в статусе заместителя министра занимался доктор юриспруденции Цви Динштейн (1926–2012), однако и он не сохранил свой пост. Став министром, Моше Даян сразу же объявил, что его «правой рукой» будет генерал армии в отставке Цви Цур (урожденный Чертенко, 1923–2004) в 1961–1963 годах бывший начальником Генерального штаба Армии обороны Израиля. В ноябре 1965 года Цви Цур был избран членом Кнессета от так называемого Списка рабочих Израиля (РАФИ), однако уже менее чем через три недели объявил об уходе из парламента и возвращении на пост генерального директора компании водоснабжения «Мекорот» [«Источники»], который занимал с 1964 года. М. Даян очень высоко ценил Ц. Цура, который оставался его наиболее доверенным лицом в Министерстве обороны на протяжении всех семи последующих лет³⁷³. Таким образом, Леви Эшколь не только сам потерял контроль над армией, но и лишился доверенного человека, на которого мог рассчитывать и кому мог доверять. Моше Даяна он воспринимал как «человека Бен-Гуриона», который в то время, не забудем, возглавлял собственную партию, борющуюся против Партии Труда за голоса избирателей и поддержку общественного мнения.

³⁷³ Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 421.

Конструктивное сотрудничество между главой правительства и министром обороны необходимо всегда, тем более в израильских условиях, и М. Бегин не раз и не два был посредником, сглаживавшим противоречия между Л. Эшколем и М. Даяном, остававшимся на посту министра обороны до 1974 года. Поскольку М. Бегин был равно удален как от Партии Труда, так и от созданного Д. Бен-Гурионом и его соратниками т.н. Списка рабочих Израйля (РАФИ), то он воспринимался обеими сторонами как непредвзятый, объективный посредник³⁷⁴. 28 сентября 1967 года М. Даян выступил на заседании Центрального комитета партии РАФИ, заявив, что целью является не оставаться «младшим» коалиционным партнером Партии Труда, а, наоборот, стать альтернативой ей. «Наша цель – сместить Л. Эшколя с поста главы правительства, а П. Сапира – с поста министра финансов». Леви Эшколь был возмущен этим выступлением, считая его предательством принципа коллективной ответственности; многие в Партии Труда требовали увольнения М. Даяна с поста министра обороны. По его собственным воспоминаниям, человеком, наиболее активно пытавшимся найти взаимоприемлемый выход из возникшего кризиса, был Менахем Бегин: «Бегин вел себя как ходатай и делал все, что было в его силах, чтобы облегчить мое положение»³⁷⁵. Эти усилия М. Бегина принесли плоды: правительство ограничилось резолюцией, в которой говорилось, что от всех его членов

³⁷⁴ См.: Ави Шилон, *Бегин*, стр. 210.

³⁷⁵ Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 552.

ождается взаимное уважение и коллективная ответственность, и что оно осуждает выступление министра обороны на съезде партии РАФИ. Моше Даян оставался министром обороны на протяжении шести с половиной последующих лет.

Впечатленный тем, как Менахем Бегин отстаивал в правительстве национального единства интересы государства и общества, 6 февраля 1969 года Давид Бен-Гурион послал ему личное письмо, завершавшееся словами: «На личном уровне у меня никогда не было вражды по отношению к Вам, и чем лучше я узнавал Вас в последние годы – тем больше Вас уважал»³⁷⁶.

Еще одной важной целью М. Бегина в правительстве было достижение признания вклада бойцов ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ в борьбу за независимость Государства Израиль. Именно М. Бегину удалось добиться принятия в 1968 году решения о вручении всем остававшимся к тому времени в живых участникам еврейского подполья Ордена борцов за независимость государства. Согласно принятому правительством решению, Министерству обороны поручалось вручить этот орден всем активистам вооруженных формирований, созданных еврейской общиной Палестины/Эрец-Исраэль в 1909–1948 годах, в том числе, ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ. Таким образом, впервые в израильской истории бойцы ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ были приравнены к бойцам «Хаганы». М. Бегин, еще с 1948 года настаивавший на том, что пошел в политику ради

³⁷⁶ Цит по.: Офер Грозбард, *Менахем Бегин. Портрет лидера* (Тель-Авив: «Рислинг», 2006), стр. 151 [на иврите].

сохранения наследия ЭЦЕЛЯ и борьбы за его идеалы, спустя двадцать лет смог добиться важного шага, сделанного высшими органами исполнительной власти Государства Израиль именно в этом направлении. После «пробитого» им решения правительства о перезахоронении праха Владимира (Зеева) Жаботинского и его супруги Иоанны, это был второй очень значительный шаг в сторону обретения национально-либеральными силами общегосударственной политической легитимации.

2. М. Бегина – в отставку?

Появление и закат внутрипартийной оппозиции

Вхождение Менахема Бегина в правительство произошло в период, когда Партия Свободы переживала очень непростые времена. Обычно политический деятель, которому не удается добиться победы на выборах, уходит в отставку, открывая, таким образом, возможность «попытать счастья» другим. До начала Шестидневной войны в Израиле прошло уже шесть парламентских выборов, в ходе которых Партии Свободы ни разу не удалось добиться поддержки хотя бы пятнадцати процентов избирателей. Перед выборами в Кнессет шестого созыва был создан предвыборный блок Партии Свободы и Либералов, однако объединенный список во главе с Менахемом Бегиним получил лишь двадцать шесть мандатов (тогда как в Кнессете пятого созыва две партии имели в сумме тридцать четыре мандата). В Партии Свободы усиливались голоса, утверждавшие, что

Менахем Бегин, как лидер, достиг максимума своих возможностей, и единственным спасением от вечного прозябания в оппозиции является его замена.

Очевидно, сторонники этой точки зрения находились под сильным впечатлением от итогов выборов в Кнессет шестого созыва, прошедших 1 ноября 1965 года, когда Партия Труда впервые просила мандат доверия у избирателей, баллотирясь не только без Давида Бен-Гуриона, но и против него. На протяжении десятилетий казалось самоочевидным, что Давид Бен-Гурион является не только непререкаемым лидером, но и неоспоримым электоральным остоном Партии Труда. В ходе изнурительных споров, начиная с 1954 года на протяжении десяти лет раздиравших руководство страны в связи с вопросом о том, кто конкретно отдал приказ о проведении диверсионной операции в Египте силами местных евреев, именно аргумент о необходимости сохранения Д. Бен-Гуриона на высшем партийном и государственном постах сыграл важнейшую роль в решении ЦК Партии Труда об удовлетворении требований премьер-министра, противоречивших выводам глубоко изучившей все обстоятельства дела межминистерской комиссии. Однако когда пути Давида Бен-Гуриона и Партии Труда все-таки разошлись окончательно и бесповоротно, то партия без него получила 443.379 голосов, тогда как так называемый Список рабочих Израиля во главе с самим Д. Бен-Гурионом – почти в пять раз меньше – лишь 95.328 голосов.

В Партии Свободы многие активисты пришли к выводу о том, что если Партия Труда прекрасно

продолжила свое существование при новом руководстве без Д. Бен-Гуриона, то и окончание эпохи М. Бегина не нанесет им никакого электорального урона. На очередном съезде Партии Свободы, прошедшем в июне 1966 года, Эхуд Ольмерт, спустя сорок лет сам ставший главой правительства Израиля, выступил – впервые в партийной истории! – с предложением сместить М. Бегина с поста лидера партии: «Вы проиграли выборы шесть раз и должны сделать выводы из этого»³⁷⁷. Многие небезосновательно считали, что Эхуд Ольмерт был движим мотивами личной мести в связи с тем, что его отец Мордехай (1908–1998), бывший активистом ЭЦЕЛЯ и депутатом Кнессета третьего и четвертого созывов, в 1961 году не был включен М. Бегиним в список кандидатов в депутаты парламента, что фактически привело к окончанию его политической карьеры³⁷⁸. Эхуду Ольмерту не было тогда и двадцати двух лет, и сам он, разумеется, на ведущее положение в Партии Свободы претендовать не мог. Не будет преувеличением сказать, что он был использован Шмуэлем Тамиром (урожденный Каценельсон, 1923–1987), который вел свою политическую игру.

Шмуэль Тамир был «потомственным» депутатом Кнессета, но, в отличие от Эхуда Ольмерта, его мама Бат-Шева Каценельсон (1897–1988) представляла в Кнессете не Партию Свободы, а Общих сионистов; видным активистом БЕЙТАРа и «ревизионистского» движения,

³⁷⁷ Цит. по: Шмуэль Тамир, *Сын этой страны*, том II, стр. 1322.

³⁷⁸ См.: Ави Шилон, *Бегин*, стр. 198.

чрезвычайно много сделавшим для организации нелегальной иммиграции в Палестину/Эрец-Исраэль, был его родной дядя Йосеф Каценельсон (1896–1940); не забудем, что его родная тетьа Рахель Каценельсон (1885–1975) была супругой тогдашнего президента Государства Израиль Залмана Шазара (урожденный Рубашов, 1889–1974). Шмуэль Тамир принадлежал к элите молодого государства: с 1938 года он был членом ЭЦЕЛЯ, в 1946 году стал заместителем командира Иерусалимского округа организации, в том же году был выслан англичанами в Кению, смог вернуться уже после провозглашения Израилем государственной независимости, и сразу же присоединился к Партии Свободы. Он получил известность в середине 1950-х годов как один из самых успешных и резонансных израильских юристов.

Шмуэль Тамир стремился возглавить Партию Свободы, однако, согласно его плану, Менахем Бегин должен был остаться в партии как ее своего рода символ и высший духовный авторитет; сам же он хотел быть избранным на пост председателя ее правления, в ведении которого сосредоточена вся текущая организационно-политическая деятельность. Предложив делегатам партийного съезда свою кандидатуру на этот пост, и объявив, что его поддерживает даже Амихай Паглин, считавшийся одним из наиболее близких к Менахему Бегину соратников по ЭЦЕЛЮ и Партии Свободы, Шмуэль Тамир неожиданно для многих одержал победу в ходе очень драматичного голосования. По ту же сторону баррикад находился и многолетний глава движения сионистов-«ревизионистов» в Палестине/Эрец-Исраэль

д-р Арье Альтман, охарактеризовавший отставку лидера, шесть раз проигравшего выборы, как «логичный шаг»³⁷⁹. С наиболее резкой критикой в адрес М. Бегина и его ближайших соратников выступил Амихай Паглин; по его словам, «секта, окружающая лидера, закрывает дорогу любым новым силам»³⁸⁰. Ш. Тамир в своих мемуарах охарактеризовал Партию Свободы как «двор раввина и его последователей», с возмущением упомянув, что и более пятнадцати лет спустя после окончания британского мандата и роспуска ЭЦЕЛЯ отдельные соратники, разговаривая с М. Бегиним, использовали обращение «командир»³⁸¹.

М. Бегин воспринял произошедшее крайне негативно и уже 28 июня 1966 года объявил о своей отставке. Напомнив, что «посвятил движению всю свою жизнь», он объявил о своем уходе с поста председателя Партии Свободы, заявив, что готов по первому требованию вернуть партии и депутатский мандат. Многие делегаты партийного съезда выкриками с мест призывали М. Бегина остаться, обращаясь к нему как к «отцу партии». Среди лидеров партии М. Бегина наиболее активно защищали Арье Бен-Элиэзер и Эстер Разиэль-Наор.

Партия оказалась в крайне странной ситуации: по всей видимости, те, кто требовали отставки М. Бегина, на самом деле хотели совсем другого: уступок с его стороны ради собственного внутрипартийного продвижения, как

³⁷⁹ Цит. по: Шмуэль Тамир, *Сын этой страны*, том II, стр. 1323.

³⁸⁰ Цит. там же, стр. 1326.

³⁸¹ Там же, стр. 1289.

раз совершенно не будучи готовыми к его уходу. Несмотря на то, что М. Бегин объявил о том, что добровольно покидает пост председателя партии, никто не был избран на его место; а сам он оставался членом Кнессета, причем весьма активным, и ни в какое политическое небытие уходить не собирался.

Сложно сказать, сколько бы продолжалась эта странная ситуация, если бы не скандал, связанный с публикацией в газете «Ха'арец» [«Страна»] резко критического письма против М. Бегина, автором которого значился неведомый Шимшон Розенбаум. В Партии Свободы была создана внутренняя комиссия, которая установила, что настоящим автором публикации является Хаим Амстердам – один из сторонников Шмуэля Тамира. Сам Шмуэль Тамир в своих воспоминаниях утверждал, что об этом письме, его содержании и факте его отправки в печать он ничего не знал³⁸². Соратники Менахема Бегина увидели в этом инциденте возможность перейти из обороны в наступление, создав еще одну внутрипартийную комиссию во главе с давним оппонентом Шмуэля Тамира д-ром Йохананом Бадером. Именно эта комиссия обратилась к М. Бегину с просьбой вернуться на пост лидера партии, чтобы способствовать улучшению морального климата в партии.

Это не оставило Шмуэлю Тамиру никакого иного выхода, кроме как покинуть Партию Свободы самому, и 30 марта 1967 года он объявил о создании новой партии и парламентской фракции, получившей название

³⁸² Там же, стр. 133б.

«Свободный центр»³⁸³. Крайне обидным для М. Бегина был факт присоединения к партии Ш. Тамира Амихая Паглина, а также Ари-Теодора Жаботинского; к «Свободному центру» присоединились и многолетний лидер партии сионистов-«ревизионистов» в Палестине/Эрец-Исраэль в период британского мандата Арье Альтман и глава Национального профсоюза Элиэзер Шостак. Из вышеназванных активистов членом Кнессета в то время, кроме самого Ш. Тамира, был только Э. Шостак; из пятнадцати тогдашних членов Кнессета от Партии Свободы за Ш. Тамиром ушли двое: Элиэзер Шостак и Авраам Тиар (1924–2011).

Следующие выборы в Кнессет должны были пройти – и прошли – только 28 октября 1969 года, но события Шестидневной войны кардинально изменили весь внутриполитический расклад: М. Бегин, который, как утверждалось, был виновен в том, что Партия Свободы «прозябает в вечной оппозиции», стал членом президиума правительства, непосредственно активно причастным к обсуждению важнейших проблем, стоявших на повестке дня государства и общества, тогда как Ш. Тамир и его попутчики в той драматичной ситуации, в которой находилось тогда Государство Израиль, оказались не у дел.

Начиная с июня 1967 года, все более укреплялось положение М. Бегина как видного государственного и национального лидера, а Партии Свободы и созданного ею

³⁸³ Там же, стр. 1351. Впоследствии эта партия скрупулезно соблюдала демократические процедуры, проведя 6 июля 1969 года свой первый, а 8 апреля 1973 года – второй съезд.

блока с Либеральной партией – как важных участников процесса выработки ключевых аспектов государственной политики. Список же «Свободного центра», приняв участие в выборах осенью 1969 года, получил лишь два мандата (которые достались самому Ш. Тамиру и Э. Шостаку), в то время как блок Партии Свободы и Либералов – двадцать шесть. Разница в числе полученных ими голосов была еще большей: список во главе с Ш. Тамиром получил в восемнадцать раз меньше, чем список во главе с М. Бегиним: 16.393 голоса против 296.294. Перед выборами 1973 года «Свободный центр» объединился с блоком Партии Свободы и Либералов, что позволило ему получить четыре мандата (из тридцати девяти, полученных блоком «Ликуд» [«Единство»]). Когда в 1977 году М. Бегин стал главой правительства, то, благородно забыв старые распри, назначил Ш. Тамира министром юстиции, а Э. Шостака – министром здравоохранения.

3. Переломный 1969-й год

Менахем Бегин и Йосеф Сапир оставались членами правительства национального единства до последних дней жизни Леви Эшколя, неожиданно скончавшегося 26 февраля 1969 года. На протяжении этих полутора лет М. Бегин и Й. Сапир в статусе министров без портфелей были единственными представителями Партии Свободы и Либералов (напомним, имевших двадцать шесть мандатов в Кнессете) в правительстве. Кончина Л. Эшколя создала беспрецедентную ситуацию. Никогда прежде глава

правительства Израиля не уходил из жизни, находясь на посту, вследствие чего какие-либо согласованные и проработанные механизмы его замены в подобных чрезвычайных обстоятельствах отсутствовали. Единственным вице-премьером в правительстве Леви Эшколя был Игаль Алон, который сразу же стал исполняющим обязанности премьер-министра, однако не было понятно, нужно ли проводить досрочные выборы, или страна могла обрести нового руководителя и без этого.

Игаль Алон, разумеется, считал себя естественным претендентом на этот пост, но его так называемые соратники по руководству Партией Труда полагали иначе. Ключевую роль в то время играли генеральный секретарь Партии Труда (этот пост он занял в августе 1968 года) Пинхас Сапир (урожденный Козловский, 1906–1975), который на протяжении тринадцати лет занимал посты министра финансов, торговли и промышленности, и министр образования и культуры на протяжении четырнадцати предшествовавших лет Залман Аран (урожденный Аранович, 1899–1970); оба они также претендовали на освободившийся после кончины Л. Эшколя пост. В результате непростых обсуждений П. Сапиром, З. Араном и И. Алоном было принято решение не бороться между собой, а подобрать временного премьер-министра, который сможет проработать на протяжении восьми месяцев до новых выборов в Кнессет. За эти восемь месяцев предполагалось провести внутрипартийные выборы, победитель которых должен был возглавить список партии на выборах в депутаты Кнессета седьмого созыва.

Лидерские амбиции отчетливо демонстрировал и министр обороны Моше Даян, хотя, не будучи членом правящей партии, с формальной точки зрения, он не мог претендовать на пост главы правительства. Было, поэтому, признано за благо найти компромиссную кандидатуру на этот промежуточный период, и выбор сразу же пал на Голду Меир. По ее собственным воспоминаниям, уже вечером того дня, когда скончался Л. Эшколь, она получила обращение с просьбой вернуться в правительство: «Все решили, что Вы должны занять место Эшколя. Вы единственный человек в партии, по общему мнению, достаточно для этого авторитетный, опытный и уважаемый»³⁸⁴. Сама Голда Меир была совершенно не готова к подобному повороту событий; к тому времени она уже отпраздновала семидесятилетие и ушла в отставку со всех занимаемых ею постов, уступив должность министра иностранных дел Аббе Эвену (урожденный Обри Соломон Эбан, 1915–2002), а пост генерального секретаря Партии Труда – Пинхасу Сапиру. Однако никакой другой приемлемой для всех кандидатуры не было, и 7 марта 1969 года ЦК Партии Труда, без единого голоса «против», утвердил Голду Меир главой правительства Израиля; последующее голосование в Кнессете было уже чистой формальностью.

Можно было бы подумать, что замена Л. Эшколя на глубоко уважавшую его соратницу по партии была шагом сугубо «техническим», не сопряженным с какими-либо принципиальными трудностями. На самом же деле

³⁸⁴ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 384

ситуация была существенно более сложной. Голда Меир еще в меньшей степени, чем Леви Эшколь, считала оправданным создание правительства национального единства и назначение Моше Даяна на пост министра обороны, о чем она честно рассказала, когда диктовала в 1975 году свои воспоминания:

«В каком-то смысле это объединение нации перед общей угрозой подготовило поднявшееся в Израиле требование всеобщей коалиции всех политических партий (кроме коммунистов) и передачи портфеля министра обороны человеку, более опытному в военном деле, чем Леви Эшколь. Надо сказать, что я не сочувствовала ни одному из этих требований. ... Если и была нужда, в чем я лично сомневаюсь, в те последние дни перед войной укреплять правительство Эшколя, это можно и нужно было сделать без особых замен. ... К концу мая ясно было, что тысячи израильтян считают Моше Даяна подходящим выразителем решительности нации все вытерпеть и победить. Словно бы израильтяне – не все, но очень многие – ожидали, что Даян привнесет что-то такое, чего у Эшколя не было. Я и теперь не могу в точности определить, чего они искали. Возможно, уверенности, что в такое трудное время их поведет боец, а возможно, им импонировало известное всем даяновское бесстрашие. Как бы то ни было, сопротивляться такому напору было невозможно. В конце концов, Эшколь, оскорбленный до глубины души, сдался. ... Даян оставался министром обороны Израиля до 1974 года, ... однако, я не верю, будто его назначение в 1967 году особенно изменило ход Шестидневной войны и будто он – главный создатель нашей

победы. ... Не думаю, что исход войны был бы иным, если бы Даян не вошел в правительство»³⁸⁵.

Голда Меир охарактеризовала правительство национального единства как фактор, «затруднявший» ее работу; Партию Свободы она называла не иначе, как «правой экстремистской»³⁸⁶. «Не говоря уже о глубоких, основополагающих разногласиях по идеологическим вопросам, всегда существовавших в Израиле между правыми и левыми, мы по-разному смотрели на положение, в котором оказался Израиль»³⁸⁷.

Таким образом, и Моше Даяну, и Менахему Бегину, и Йосефу Сапиру пришлось заново доказывать, что они находятся на своих постах не по милости и не по случайности, а по праву. Голда Меир, изначально призванная в правительство как временная компромиссная кандидатура, довольно быстро взяла бразды правления в свои руки, став отнюдь не номинальным, а весьма деятельным руководителем кабинета. Перед выборами в Кнессет седьмого созыва 28 октября 1968 года никому и в голову не пришло бросить вызов Голде Меир, а возглавлявшийся ею единый список Партии Труда и Объединенной рабочей партии получил поддержку 46.2% избирателей, что позволило сформировать фракцию из 56 депутатов – самую большую фракцию, когда-либо существовавшую в Кнессете за всю историю Государства Израиль. В возглавлявшемся ею

³⁸⁵ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 370–372.

³⁸⁶ Там же, стр. 393

³⁸⁷ Там же.

списке Игаль Алон шел вторым, Моше Даян – четвертым, Пинхас Сапир – шестым, Залман Аран же по состоянию здоровья принял решение более не баллотироваться вообще; спустя менее чем через год его не стало³⁸⁸.

Партия Свободы и Либералы вновь пошли на выборы объединенным списком, в котором Менахем Бегин был первым, а Йосеф Сапир – вторым³⁸⁹. Сохранив свое влияние, их объединенная фракция насчитывала 26 депутатов (как и в Кнессете предыдущего созыва). Однако теперь национал-либералы совершенно не были готовы довольствоваться двумя постами министров без портфелей. Левые радикалы из Объединенной рабочей партии оказывали давление на Голду Меир, призывая «не давать правым экстремистам больше, чем они получили от Эшколя», однако было совершенно невозможно сохранять положение, при котором фракция из 56 депутатов получала 13 министерских портфелей, а фракция из 26 – только два.

Идеологически вполне разделяя резко негативное отношение к Партии Свободы, Голда Меир не хотела выглядеть в глазах общества человеком, покушающимся на первое в истории страны правительство национального единства, согласившись, поэтому, на пропорциональное представительство национал-либералов в ее кабинете. Таким образом, было согласовано, что Партия Свободы и

³⁸⁸ Цит. по публикации Центральной избирательной комиссии Израиля от 20 октября 1969 г., стр. 207–209.

³⁸⁹ Там же, стр. 209–211.

Либеральная партия будут представлены в правительстве тремя министрами каждая.

Либеральная партия выбрала своими представителями Йосефа Сапира, занявшего пост министра торговли и промышленности и Элимелеха Римальта, ставшего министром связи, а казначей Еврейского агентства Арье Дульчин (1913–1989), не бывший членом парламента, получил пост министра без портфеля (позднее, в 1978–1987 годах, он занимал посты председателя Еврейского агентства и руководителя Международной сионистской организации, одновременно с этим, в 1968–1988 годах, возглавляя *World Council for Soviet Jewry*).

В Партии Свободы же Менахем Бегин решил остаться министром без портфеля, видя свою роль в правительстве, главным образом, как одного из ключевых соучастников выработки военно-политического курса. Согласно коалиционному соглашению, Партия Свободы получала контроль над министерствами развития и транспорта, и в обоих случаях решение о конкретной персоналии принималось в ходе демократического голосования. На пост министра развития был избран шедший лишь пятым в списке Партии Свободы и, таким образом, девятым в объединенном списке Хаим Ландау, министром же транспорта – шедший лишь седьмым и, соответственно, тринадцатым в объединенном списке Йосеф Крамерман (1926–1981), победивший в ходе голосования шедшего в партийном списке сразу вслед за М. Бегиним Йоханана Бадера. На самом деле, Й. Крамерман не планировал работать в правительстве,

сразу же уступив свой пост присоединившемуся к партии уже после выборов генералу Эзеру Вейцману.

Как указывалось выше, Э. Вейцман на протяжении многих лет поддерживал доверительные отношения с М. Бегиным, который, собственно, и отговорил его от того, чтобы покинуть армию накануне Шестидневной войны, когда Л. Эшколь отказывался следовать выработанным генералами рекомендациям. Именно политические взгляды Э. Вейцмана и его независимость стали причиной того, что, будучи естественным кандидатом на этот пост, он все же не был назначен начальником Генерального штаба. Когда ближе к концу 1969 года Э. Вейцман завершил службу в армии, то сразу же присоединился к Партии Свободы, однако, так как это произошло уже после выборов в Кнессет седьмого созыва, то депутатский мандат он обрести не успел. Благодаря благородному поступку Й. Крамермана, Э. Вейцман сразу же вошел в состав правительства и занял пост министра транспорта, став, таким образом, одним из лидеров Партии Свободы, председателем бюро которой он был избран уже в следующем году. В отличие от него, Хаим Ландау и Менахем Бегин были депутатами Кнессета всех созывов, начиная с самого первого, что обеспечивало очень высокую степень политической преемственности.

Недавний заместитель начальника Генерального штаба Эзер Вейцман был не единственной принципиально значимой фигурой, присоединившейся к Партии Свободы в 1969 году. Вторым, не менее важным, по крайней мере, в то время, новым лицом партии стал Биньямин Халеви (урожденный Эрнст Леви, 1910–1996), на протяжении

многих лет бывший председателем Иерусалимского окружного суда, а в 1963–1969 годах входивший в состав Верховного суда Израиля³⁹⁰. Биньямин Халеви был одним из самых известных израильских судей за все время существования государства, а вынесенные им вердикты по «делу Кастнера», в отношении трагических событий, произошедших в деревне Кфар-Касем в первый день израильско-египетской войны 29 октября 1956 года, а также в ходе процесса Эйхмана, и поныне изучаются на юридических факультетах всех израильских университетов. 11 сентября 1969 года, за одиннадцать лет до окончания своей каденции в качестве члена Верховного суда, Биньямин Халеви объявил о досрочном уходе в отставку и присоединении к Партии Свободы; в объединенном списке с Либералами он занял пятое место.

Не будет преувеличением сказать, что 1969 год был переломным в отношении положения, которое занимали национал-либералы в израильской политической системе. Впервые к ним присоединились вышедшие в отставку заместитель начальника Генерального штаба армии (до этого бывший едва ли не самым известным командиром Военно-воздушных сил Израиля за все годы их существования) и один из наиболее известных судей Верховного суда (до этого возглавлявший окружной суд в столице страны). Тогда же они получили больше четверти

³⁹⁰ См.: Амир Гольдштейн, «Правые сионисты в третье десятилетие: путь к перевороту», в книге *Третье десятилетие 1968–1978*, под ред. Ц. Цамерета и Х. Яблонка (Иерусалим: Центр имени И. Бен-Цви, 2008), стр. 328 [на иврите].

мест в правительстве страны, в том числе контроль над четырьмя министерствами: торговли и промышленности, развития, транспорта и связи. Из всех четырех человек, возглавивших эти министерства, опыт подобной работы прежде был только у Йосефа Сапира, работавшего министром транспорта в 1952–1955 годах по квоте партии Общих сионистов.

В отличие от конца мая 1967 года, когда вхождение Партии Свободы и Либералов в правительство объяснялось экстраординарными обстоятельствами, в которых Государство Израиль оказалось отнюдь не по своей воле, в присоединении к правительству этих же партий два с половиной года спустя не было и налета «чрезвычайщины». В 1969 году М. Бегин впервые возглавлял предвыборный список не оппозиционной партии, а блока, входившего в состав правительства, и то, что ему удалось сохранить в неприкосновенности число мандатов (а, например, для Общих сионистов пребывание в правительстве Д. Бен-Гуриона имело катастрофические электоральные последствия), свидетельствует о том, что широкие слои израильского общества были рады видеть Менахем Бегина и его соратников сопричастными к руководству страной. Национал-либералы сделали, таким образом, большой и значимый шаг к тому, чтобы взять ответственность за судьбу страны в свои руки.

4. Сохраняя верность принципам

Пребывание Менахема Бегина, Йосефа Сапира и их соратников в правительстве национального единства во

главе с Голдой Меир продлилось сравнительно недолго. Как указывалось выше, Менахем Бегин видел основной целью присутствия Партии Свободы в правительственной коалиции предотвращение израильских территориальных уступок в отношении так называемой Западной Эрец-Исраэль. Иными словами, главным оправданием нахождения в идеологически чуждом правительстве была забота о недопущении отказа от израильского контроля над территориями Иудеи, Самарии, Иорданской долины, Восточного Иерусалима и сектора Газа.

Однако именно над израильским контролем над этими территориями и оказался занесен меч в 1969–1970 годах, когда государственный секретарь США Уильям Роджерс (1913–2001) совместно с советскими дипломатами стал работать над планом, предусматривавшим отступление Израиля с занятых в ходе Шестидневной войны территорий. От Израиля требовалось полностью вернуть под контроль Египта Синайский полуостров и сектор Газа; что же касалось территорий, завоеванных у Иордании, то, согласно представленным 18 декабря 1969 года американским предложениям, Иудея, Самария и Иорданская долина должны были вернуться в состав Хашимитского королевства, за исключением взаимно оговоренных корректировок границы, а над Иерусалимом предусматривалось совместное иордано-израильское управление³⁹¹.

³⁹¹ См.: Алек Д. Эпштейн, *Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений*, том 1, стр. 265.

Параметры плана Роджерса с израильскими представителями не особенно согласовывались; им, если называть вещи своими именами, они ультимативно навязывались. Выработкой же этой программы были заняты заместитель госсекретаря США по вопросам Ближнего Востока и Южной Азии Джозеф Сиско (1919–2004) и советский посол в Вашингтоне Анатолий Добрынин (1919–2010); 14–17 июля 1969 года Дж. Сиско находился в Москве, согласовывая параметры инициативы с министром иностранных дел СССР А.А. Громыко (1909–1989) и его сотрудниками. Переговоры Дж. Сиско с А.Ф. Добрыниным продолжались и после этого, пока 28 октября 1969 года лично госсекретарь У. Роджерс не представил советскому послу полный текст документа, который американская сторона планировала обнародовать. О том, что они озвучили советским дипломатам позицию, требующую полного ухода израильских сил из Синая, руководителям еврейского государства американцы рассказали лишь постфактум³⁹².

При этом, вопреки требованиям Израиля, президент Египта Г.А. Насер отказался от ведения прямых переговоров с израильскими коллегами и подписания полноценного двустороннего мирного договора; с египетской точки зрения, речь могла идти не более чем о еще одном соглашении о разъединении сил, подобном тому, что было заключено на острове Родос в 1949 году. Американцы предлагали ввести термин *state of peace* [«состояние мира»], которое готовы были гарантировать,

³⁹² Там же, стр. 264.

при этом не требуя от Египта подписания всеобъемлющего мирного договора. Голда Меир была, мягко говоря, отнюдь не в восторге от этого плана, но не чувствовала себя в силах сказать американским руководителям решительное «нет». 10 декабря 1969 года правительство Израиля сделало заявление, в котором подтверждалось желание достичь заключения мирного договора с Египтом и повторялось, что для его выработки необходимы прямые переговоры представителей двух стран; сам план Роджерса при этом не поддерживался и не отрицался.

После обнародования 18 декабря 1969 года госсекретарем США требований о выводе израильских сил из Иудеи, Самарии и Иорданской долины положение существенно изменилось: и глава правительства Голда Меир, и лидер Партии Свободы Менахем Бегин видели в этой ситуации вызов, который требовал однозначной жесткой реакции. 22 декабря 1969 года правительство Израиля обнародовало заявление, в котором отвергло американскую инициативу. Назавтра посол А.Ф. Добрынин сообщил У. Роджерсу и Дж. Сиско, что и Г.А. Насер отверг предложения США, отказавшись вести с Израилем какие-либо переговоры, требуя безоговорочного вывода израильских войск со всех занятых им в 1967 году территорий³⁹³. Однако, несмотря на эту позицию сторон, госсекретарь США продолжал свое давление на Израиль, стремясь побудить его пойти на уступки, имевшие своей целью, прежде всего, продемонстрировать египтянам, что

³⁹³ См.: David A. Korn, "US–Soviet Negotiations of 1969 and the Rogers Plan" // *The Middle East Journal*, vol. 44, no. 1 (1990), p. 49.

американское посредничество для них выгоднее, чем советское. 23 марта 1970 года У. Роджерс публично заявил об «отсрочке» военных поставок Израилю, согласованных лишь за полгода до этого в ходе визита Голды Меир в Вашингтон. Советские же военные поставки в Египет не только не прекращались, но даже расширились. Не забудем и о том, что советские военные непосредственно принимали участие в боевых действиях на стороне Египта в ходе продолжавшихся вялотекущих столкновений, получивших в Израиле название Войны на истощение.

30 июля 1970 года в тридцати километрах к западу от Суэцкого канала израильские истребители сбили четыре советских самолета. Опасность резкой эскалации и существенной интенсификации вовлеченности в конфликт Советского Союза была очевидной, и Голда Меир, как и другие члены кабинета, понимали, что Израиль отчаянно нуждается в хоть какой-то поддержке извне. На следующий день правительство Израиля уведомило американцев, что согласно принять план Роджерса, касавшийся израильско-египетского урегулирования.

Однако Госдепартамент США решил выжать максимум из того трудного положения, в котором оказался Израиль, потребовав от еврейского государства согласиться вывести свои вооруженные силы также из Иудеи, Самарии, Иорданской долины в рамках реализации Резолюции №242 Совета Безопасности ООН. Поскольку ни Иордания, ни какая-либо другая арабская страна не выказывала никакой готовности вести с Израилем переговоры о мире, большинство членов правительства во главе с Голдой Меир не видели

проблемы в том, чтобы согласиться на принятие этого американского ультиматума, не без оснований полагая, что верные решениям Хартумского (1967 г.) саммита Лиги арабских государств, никакие из стран, участвовавших в Шестидневной войне, не пойдут на переговоры с «сионистским образованием».

Менахем Бегин считал, однако, по-другому, напоминая о том, что еще 19 июня 1967 года правительство приняло решение, согласно которому Израиль не может и не должен соглашаться на отступление с каких бы то ни было территорий до тех пор, пока не будет заключено мирное соглашение с той арабской страной, которой эти территории должны быть переданы. Цитируя это решение, принятое уже после отставки Голды Меир из правительства (в 1966 году Абба Эвен сменил ее на посту министра иностранных дел), Менахем Бегин настаивал на том, что американский ультиматум должен быть отклонен. На заседании правительства 30 июля 1970 года Менахем Бегин напоминал, что на протяжении многих лет утверждал – именно Израилю принадлежит право на Иудею и Самарию: «Я говорил это тогда, когда эти территории не были в наших руках. Может ли кто-то ожидать, что сейчас, когда эти территории находятся под нашим контролем, я скажу, что у нас нет права на них, и мы согласны на отступление из Иудеи и Самарии?!»³⁹⁴

³⁹⁴ Цит. по рассекреченному протоколу заседания правительства Израиля от 30 июля 1970 г., стр. 27 [на иврите].

При голосовании 31 июля 1970 года все шесть министров от блока Партии Свободы и Либералов выступили против принятия ультиматума У. Роджерса, тогда как все остальные семнадцать смирились с ним, проголосовав «за»³⁹⁵. Голда Меир понимала, что «формально они [Бегин и его соратники] были правы»³⁹⁶, но напоминала о том, что «мы нуждаемся в Никсоне и Роджерсе куда больше, чем они в нас»³⁹⁷.

М. Бегин настаивал, что не отдача каких бы то ни было территорий, а именно настойчивость в их удержании станет фактором, способствующим приближению мира. По его мнению, аннексия Иудеи и Самарии и их присоединение к Израилю покажет арабам серьезность израильских намерений, убедит их в бесплодности надежд «сбросить Израиль в море»³⁹⁸. Он полагал, что, именно увидев готовность Израиля аннексировать Иудею, Самарию и Иорданскую долину, Египет и Сирия придут к выводу о целесообразности заключения мирного договора с еврейским государством, ибо в противном случае и потерянные ими территории Синайского полуострова и Голанских высот могли быть просто присоединены к Израилю и, как следствие, не смогут больше быть предметом переговоров.

³⁹⁵ Подробнее см. Йоав Гелбер, *Истощение. Забытая война* (Модиин: «Двир», 2017), стр. 559–567 [на иврите].

³⁹⁶ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 393.

³⁹⁷ Там же.

³⁹⁸ Офер Грозбард, *Менахем Бегин. Портрет лидера*, стр. 156.

Как только правительство Г. Меир, вопреки мнению М. Бегина, согласилось принять план Роджерса по прекращению огня, египетские ракеты «земля–воздух» были тут же приближены к территории Израиля. Выступая в Кнессете 25 августа 1970 года, Менахем Бегин обрушился с нападками на президента США: «Никсон играет в шахматы, когда на кону стоит судьба Израиля». Напомнив о высказывании госсекретаря У. Роджерса, отметившего, что А. Садат произвел на него большое впечатление, М. Бегин счел правильным следующую историческую параллель: «Мы помним, как Гитлер и Сталин говорили о мире, в то время как готовили свои танки к завоевательным войнам»³⁹⁹. Прошло всего три года, и в начале октября 1973-го это горькое пророчество Менахема Бегина сбылось в полном объеме.

Не сумев повлиять на решение правительства, проголосовавшего, пусть и сугубо декларативно, за возможность израильского отступления с территории Иудеи, Самарии и Иорданской долины, Менахем Бегин, Йосеф Сапир и их соратники приняли решение о выходе из правительства национального единства. Голосование по этому вопросу состоялось на совместном заседании центральных комитетов обеих партий, прошедшем в Тель-Авиве 3 августа 1970 года. И среди Либералов, и в Партии Свободы отнюдь не все выступали за выход из правительства, отлично понимая, что новая возможность принять реальное участие в управлении страной может

³⁹⁹ Ned Temko, *To Win or to Die: A Personal Portrait of Menachem Begin*, p. 179.

представиться очень нескоро. Среди тех, кто выступал против выхода из правительства, был и Эзер Вейцман. Менахем Бегин же настаивал на том, что национал-либералы ни в коем случае не могут и не должны превращаться в «сборище приклеившихся к теплым креслам оппортунистов», ибо сам смысл существования Партии Свободы заключался, в частности, в формировании иной политической культуры, основанной на преданности идеологическим ориентирам при любых обстоятельствах. Менахем Бегин патетически закончил свое выступление следующими словами: «Этот документ [план Роджерса] означает только одно: новый раздел Эрец-Исраэль. Если я подпишу его, да отсохнет моя правая рука»⁴⁰⁰ (парафраз 136 Псалма Давида: «Если я забуду тебя, о Иерусалим, да отсохнет моя правая рука...»). Ему удалось убедить большинство участников заседания в своей правоте, и после того, как в ходе демократического голосования большинством в 117 голосов против 112 было принято решение о выходе из правительства, все шестеро министров от национал-либерального блока подали заявления об отставке.

Биограф М. Бегина характеризует его действия в ходе этого кризиса как «упрямство по поводу второстепенных пунктов»⁴⁰¹; представляется, что, даже написав книгу о шестом премьер-министре Израиля, ее автор так и не сумел понять, ради чего М. Бегин вообще

⁴⁰⁰ Цит. по: Арье Наор, *Бегин во власти: личное свидетельство* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 1993), стр. 108 [на иврите].

⁴⁰¹ Ави Шилон, *Бегин*, стр. 226.

занимался политической деятельностью. Отдельные авторы утверждают, будто на М. Бегина большое влияние оказывала критика со стороны лидера партии «Свободный центр», бывшего председателя ЦК Партии Свободы Шмуэля Тамира, чья популярность, якобы, была на подъеме⁴⁰². Едва ли это замечание верно: парламентская база «Свободного центра», включавшая всего двух депутатов Кнессета, была минимальной и на настроение большинства избирателей повлиять никак не могла. М. Бегин на всем протяжении своей политической карьеры был человеком принципов, и эта его черта, а отнюдь не какие бы то ни было политиканские соображения, привела его к решению покинуть правительство.

М. Бегин призывал своих политических оппонентов со вниманием относиться к тому, что говорят арабские лидеры: «Слушайте их, слушайте то, что они говорят. Почему вы не верите им? Они не скрывают своих намерений уничтожить Израиль»⁴⁰³.

Аналогичное мнение высказывал и Ицхак Шамир, впоследствии сменивший М. Бегина на посту лидера блока «Ликуд» и главы правительства. Осенью 1974 года И. Шамир отмечал: «Основной фактор арабо-израильских отношений таков, что все арабские силы, которые не признают нашего права жить в Эрец-Исраэль, не

⁴⁰² См.: Амир Гольдштейн, «Правые сионисты в третье десятилетие: путь к перевороту», стр. 330.

⁴⁰³ Цит. по: Офер Грозбард, *Менахем Бегин. Портрет лидера*, стр. 156.

признают и нашего права жить в какой-либо ее части. ... Враг, к которому обращены все предложения [о территориальных уступках], вновь прямо повторяет: “Вы готовы вернуть территории? Пожалуйста, мы готовы их принять. Но мира не было и не будет”. Если так, то каков смысл, каковы резоны для всей этой нашей односторонней деятельности?». И. Шамир добавлял, что «пришло время научиться верить нашим врагам, когда они заявляют о желании истребить нас». И. Шамир напоминал, что «необходимо знать наших врагов, трезво и точно анализировать их намерения», закончив так: «В конце концов, кто верил Гитлеру, когда он писал в своей смехотворной книге *Mein Kampf*, что уничтожит всех евреев Европы, если только ему представится такая возможность». И. Шамир, для которого, как и для М. Бегина, память о Холокосте имела непреходящее значение, считал, что с 1930-х годов «изменилось, к сожалению, немного»⁴⁰⁴.

Среди тех, кто не понимал М. Бегина, И. Шамира и их единомышленников, была и Г. Меир, воспринимавшая принятие американского ультиматума как сугубо тактический декларативный шаг, не имевший практических последствий. М. Бегин же указывал, что как бы обстоятельства не сложились в будущем, Израилю будет крайне трудно отказаться от ухода с контролируемых территорий после того, как его собственное правительство проголосовало за принятие американского документа, в преамбуле к которому

⁴⁰⁴ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 133–134.

говорится о «категорической неприемлемости приобретения территорий силой».

Руководители Партии Труда не понимали подобной принципиальности М. Бегина; Г. Меир предложила ему проголосовать против американских требований, оставшись при этом в составе правительства, но глава Партии Свободы отверг это предложение как недопустимое двуличие⁴⁰⁵.

Многие опасались, что избиратель не простит национал-либералам той «инфантильной безответственности», в которой их обвиняли социал-демократы, однако все случилось ровно противоположным образом: на следующих парламентских выборах, прошедших в конце 1973 года, возглавлявшийся Менахемом Бегиним список национал-либералов получил в полтора раза больше голосов, чем за четыре года до этого; как раз именно честность и приверженность своим идейным ориентирам израильский избиратель оценил по достоинству.

26 февраля 1972 года скончался глава Либеральной партии Йосеф Сапир, и его место занял Элимелех Рималът, которому тогда было 65 лет. Он был опытным политическим деятелем, бесменно входившим в состав Кнессета, начиная с 1951 года. На протяжении многих лет он возглавлял отдел образования муниципалитета города Рамат-Ган. Это был высокообразованный человек, имевший и сан раввина, и степень доктора философии, полученную в Венском университете. От нацизма он успел

⁴⁰⁵ Ави Шилон, *Бегин*, стр. 225.

спастись буквально в последний момент, переселившись в Палестину/Эрец-Исраэль из Австрии в 1939 году. Вместе с тем, его кандидатура была не самым удачным выбором, поскольку Либеральную партию в основном поддерживали представители свободных профессий и люди, занимавшиеся бизнесом, страдавшие от жесткого давления со стороны Федерации профсоюзов, а не учителя и муниципальные служащие; Э. Рималът же, в отличие от Й. Сапира, никогда не был частным предпринимателем, не занимался проблемами финансовой или налоговой политики, обеспечением свободной конкуренции и урегулированием трудовых споров – а именно эти проблемы более всего беспокоили тех, кто традиционно отдавал свои голоса Либеральной партии. Достаточно вчитаться в программу партии, чтобы это было совершенно очевидно:

2. Партия выступает за свободное предпринимательство и против ликвидации среднего класса, а также против закабаления рабочего олигархией, управляющей профсоюзным сектором, ... и против эмиграции инициативных людей и профессионалов.

9. Партия полагает, что если тот или иной вид труда или другой экономической деятельности доступен для самостоятельных работников, должно поощрять его переход в руки таковых. Любая попытка заставить их трудиться по найму повлечет за собой ослабление группы, которая представляет собой социальный цемент, соединяющий все слои общества в одно национальное целое. Чем шире предоставленная каждому человеку самостоятельность, тем более полно он использует свое

право на свободное самовыражение и свободную деятельность; поэтому партия будет добиваться создания условий, способствующих достижению гражданами независимого статуса.

10. Партия выступает против превращения самозанятых работников в наемных посредством налоговой политики, вынуждающей тех, кто сам зарабатывает себе на жизнь, ликвидировать свои фирмы. Этот процесс пролетаризации противоречит нуждам экономики и общества.

11. Партия с сожалением отмечает, что в результате закрытия обширных областей для частной торговли и предпринимательства, дискриминационной политики в сфере налогообложения и кредита, а также из-за отсутствия возможностей для привлечения коммерческого капитала, создалась обстановка, вынуждающая владельцев частных предприятий продавать их принадлежащим Федерации профсоюзов концернам, и констатирует, что при той политической и экономической ситуации, которая имеет место в нашей стране, этот процесс лишней раз свидетельствует о решимости профсоюзной олигархии ликвидировать частный сектор и производственную кооперацию...

13. Партия выступает против того, чтобы правительство брало на себя внешнеторговые функции, которые во всем свободном мире выполняют опытные импортеры, имеющие связи за рубежом. По мнению партии, ради блага народного хозяйства эти экономические операции необходимо осуществлять по обычным коммерческим каналам, дабы развивать конкуренцию, повысить качество оказываемых услуг и снизить цены.

16. Партия рассматривает любую созидательную деятельность в экономике, способствующую прогрессу народного хозяйства страны, как положительное явление. ... Коллективное хозяйство должно иметь тот же официальный статус, что и частное. Лишь полное равенство всех предприятий страны, к каким бы отраслям они не принадлежали, в том числе и равенство в отношении налогов и кредита, может создать благоприятные условия для здоровой конкуренции между различными видами собственности, существующими в государстве.

17. Партия констатирует, что забастовки и локауты наносят экономике страны непредсказуемый ущерб, и настоятельно требует издать закон о разрешении трудовых конфликтов путем принудительного арбитража⁴⁰⁶.

Нужно отметить, что объединение Партии Свободы и Либеральной партии в значительной мере держалось на разделении сфер интересов между ними. М. Бегин и его соратники отстаивали преимущественно интересы страны в области внешней и оборонной политики и обеспечения национального единства выходцев из различных общин. Когда был согласован единый блок с Либеральной партией, М. Бегин подчеркнул: «Партия Свободы по-

⁴⁰⁶ Эта программа была сформулирована еще в 1957 г. и впоследствии воспроизводилась с незначительными изменениями; цит. по книге: Бениамин Нойбергер, *Политические партии в Израиле*, стр. 163–166.

прежнему будет твердо отстаивать идеи неделимости нашей древней родины — это значит, что еврейский народ имеет право на Эрец-Исраэль в ее исторических границах, и право это является неотъемлемым»⁴⁰⁷. М. Бегину было важно, чтобы в едином блоке эта идеология не оказалась размытой, и этому он и посвящал большую часть своих усилий. В это же время Й. Сапир и его единомышленники видели свою главную задачу в освобождении частного сектора израильской экономики, в особенности малого и среднего бизнеса, от гнета профсоюзно-государственной бюрократической машины. Это не значит, что М. Бегин и его соратники сами были сторонниками строительства социализма, отнюдь; но их больше беспокоили иные проблемы, а потому вопросы экономики они вверяли в руки своих коллег по блоку от Либеральной партии, для которых именно эта тематика была наиболее близкой.

5. В годы агонии Партии Труда: от Войны Судного дня – до «переворота»

В 1973 году в стране одновременно должны были пройти и парламентские, и муниципальные выборы. В настоящее время в Израиле действует принцип прямых выборов мэров городов, однако в то время их избирали из своего состава члены муниципальных советов, которые, в свою очередь, как и депутаты Кнессета, избирались по партийным спискам. Таким образом, граждане не имели

⁴⁰⁷ Цит. по: Арье Наор, *Бегин во власти: личное свидетельство*, стр. 102.

возможности лично проголосовать за предпочитаемого ими кандидата на пост мэра города или главы местного совета населенного пункта, где они проживали. Хотя личность того, кто возглавлял список, несомненно, имела существенное значение, по факту избиратели все-таки голосовали за партии, а не за отдельных кандидатов. Обычно даты парламентских и муниципальных выборов в Израиле не совпадают между собой, но в 1973 году планировался единый день голосования – 30 октября.

За два дня до демобилизации генерал Ариэль Шарон (1928–2014) сообщил Шмуэлю Тамиру о своем желании присоединиться к возглавлявшейся им партии «Свободный центр»⁴⁰⁸, однако этого не случилось; поразмыслив, А. Шарон сформулировал гораздо более амбициозные планы. 17 июля 1973 года он провел пресс-конференцию, на которой объявил о своем присоединении к Либеральной партии; куда большее значение имело, однако, другое сделанное им заявление – о намерении способствовать созданию объединенного блока правоцентристских сил, в который А. Шарон призвал войти Партию Свободы, Либералов, а также три небольшие партии, существовавшие обособленно: «Государственный список», в котором состояли сторонники Давида Бен-Гуриона, ушедшие вслед за ним из Партии Труда, но не пожелавшие вернуться обратно, как это сделали Моше Даян, Шимон Перес, Ицхак Навон и другие; «Свободный центр» во главе со Шмуэлем Тамиром; и «Независимых либералов», которых

⁴⁰⁸ См.: Шмуэль Тамир, *Сын этой страны*, том II, стр. 1412.

возглавлял Моше Коль (урожденный Колодный, 1911–1989), к тому времени на протяжении шести лет беспрерывно входивший в состав правительства в качестве министра туризма. На тот момент эти пять партий в сумме были представлены в Кнессете тридцатью шестью депутатами, и Ариэль Шарон полагал, что объединившись, они смогут бросить вызов гегемонии социал-демократического блока.

К тому времени этот блок состоял из четырех более или менее независимых фракций, лидеры которых, несмотря на факт нахождения в едином предвыборном списке и единой парламентской фракции, имели весьма непростые отношения между собой; речь идет о фракциях Рабочей партии (бывшей МАПАЙ), «Ахдут ха'авода» [«Единство труда»] и РАФИ [Список рабочих Израиля], входивших в Партию Труда, и Объединенной рабочей партии (МАПАМ). Все эти социал-демократические партии продолжали находиться у власти, поскольку, сумев сформировать единый список, названный «Маарах» [«Политический блок»], получали на выборах существенно больше голосов, чем кто-либо из их конкурентов. Ариэль Шарон считал, что аналогичное электоральное объединение, невзирая на те или иные мировоззренческие различия, должны создать и правоцентристские силы.

Эта идея оказалась крайне успешной, и подобный блок, получивший название «Ликуд», был создан уже в том же году. Многие считали, что инициатива Ариэля Шарона имела своей целью «размыть» фракцию Партии Свободы, которая, таким образом, оказывалась в едином блоке в меньшинстве, вследствие чего ведущее положение

М. Бегина переставало быть очевидным. Не исключено, что Йосеф Сапир, будь он жив, и в самом деле выдвинул бы свою кандидатуру на пост лидера блока «Ликуд», однако только что возглавивший Либеральную партию Элимелех Рималът больших политических амбиций не имел, вследствие чего Менахем Бегин, без чьих-либо возражений, стал лидером объединенного списка.

Было непросто сформулировать единую политическую программу блока «Ликуд», принимая во внимание существенные различия между входившими в него партиями и движениями, однако это удалось сделать. Эта программа включала следующие основные пункты:

1. Принятие в Израиле конституции.
2. Изменение системы выборов: переход от пропорционального представительства к мажоритарной системе.
3. Введение прямых выборов мэров городов.
4. Деполитизация Государственного управления телерадиовещания и выдача лицензий на создание частных телеканалов.
5. Выведение строительства, здравоохранения, образования и спорта из сферы партийной ответственности и их деполитизация.
6. Реформа налоговой политики и снижение налогового бремени на малый и средний бизнес.
7. Принятие государственных мер в направлении поддержки строительства съемного жилья.
8. Поддержка усилий по обеспечению свободной иммиграции евреев Советского Союза.
9. Решительная борьба с коррупцией.

Нужно сказать, что отнюдь не все пункты собственной программы блок «Ликуд» реализовал, придя к власти: конституция в Израиле так и не была принята, система выборов так и не была изменена, да и в отношении коррупции ситуация с годами едва ли улучшалась – скорее наоборот. Однако большая часть программы, выработанной еще в первой половине 1970-х годов, была за последующие годы претворена в жизнь.

Менее чем за месяц до запланированной даты выборов ситуация в стране изменилась кардинальным образом: впервые с 1948 года Израиль подвергся нападению, причем с двух сторон сразу. Началась война, в связи с датой ее начала называемая в Израиле Войной Судного дня. Египетские войска, прорвав израильскую линию обороны (названную по имени прежнего начальника Генерального штаба «линией Бар-Лева»), наступали на Синайском полуострове, тогда как сирийские – на Голанских высотах. В ходе этой войны, продолжавшейся восемнадцать дней, в тяжелых кровопролитных боях погибли более трех тысяч израильтян. Отчетливо обнажилось внешнеполитическое одиночество еврейского государства, на помощь которому не пришла ни одна страна, кроме США, да и то лишь тогда, когда израильская армия своими силами переломила ход боевых действий и перешла в контрнаступление. Называя вещи своими именами, американцы открыли воздушный мост в Израиль не столько для того, чтобы помочь еврейскому государству победить, столько для того, чтобы иметь возможность

контролировать, на каких условиях и когда эта война будет завершена.

На протяжении шести лет после триумфальной победы в Шестидневной войне в обществе и военно-политическом истеблишменте доминировала концепция, гласившая, что, потрясенные продемонстрированными в июне 1967 года боевыми возможностями израильской армии, арабские руководители не посмеют больше напасть на еврейское государство. Прежде всего именно по этой причине шок от произошедшего был особенно велик, и израильское общество требовало ответов на поднятые Войной Судного дня вопросы. Хотя боевые действия завершились 25 октября 1973 года, то есть за пять дней до назначенной даты парламентских и муниципальных выборов, было очевидно, что организовать и провести их сразу после войны, когда тысячи семей оплакивали погибших, невозможно. С другой стороны, правительство опасалось обвинений в узурпации власти путем отмены выборов. Поскольку Новый год в Израиле, особенно в те годы, отмечался по иудейскому календарю, то решение о переносе выборов на два месяца и проведении их 31 декабря 1973 года, не вызвало возражений.

Еще до этого, 8 ноября 1973 года, Голда Меир, в ходе обсуждения с участием нескольких министров и начальника Генерального штаба армии, приняла – впервые в израильской истории – решение о создании государственной комиссии по расследованию причин недостаточной готовности еврейского государства к навязанной ему Египтом и Сирией войне. 18 ноября это решение было утверждено полным составом

правительства, и уже 21 ноября была сформирована комиссия в составе двух бывших начальников Генерального штаба, Игаля Ядина (1917–1984) и Хаима Ласкова (1919–1982), государственного контролера Ицхака Эрнста Небенцаля (1907–1992) и двух судей Верховного суда: Моше Ландоя (1912–2011) и Шимона Аграната (1906–1992); именно тогдашний председатель Верховного суда Шимон Агранат ее и возглавил. Отчеты, поданные Комиссией Аграната (первый промежуточный отчет был представлен 1 апреля 1974 года, второй – 2 июля того же года, а окончательный отчет в четырех томах – 28 января 1975 года), оказали существенное влияние на израильскую военно-политическую элиту. Однако на результаты каких бы то ни было выборов выводы Комиссии не повлияли: до 31 декабря 1973 года, когда прошли выборы в Кнессет восьмого созыва, Комиссия никаких отчетов обнародовать не успела, а к 17 мая 1977 года, когда прошли выборы в Кнессет девятого созыва, ее заключения и рекомендации, опубликованные в открытой печати (большая часть отчета и все свидетельские показания оставались засекреченными на протяжении более чем тридцати лет) уже подзабылись. Именно поэтому нельзя согласиться с утверждениями о том, будто Комиссия Аграната проложила Менахему Бегину дорогу на пост главы правительства. Блок «Ликуд» обязан своим триумфом другим факторам, которые будут подробно проанализированы ниже.

В 1974 году первый промежуточный отчет Комиссии Аграната привел к серьезным персональным изменениям в руководстве Израиля, однако всё это оставалось

внутренним делом Партии Труда, которая всеми силами пыталась действовать так, как будто ничего, требовавшего новых людей и подходов, не произошло. 28 ноября Центральный комитет Партии Труда 256 голосами против 107 при 30 воздержавшихся проголосовал за то, чтобы не менять список кандидатов в депутаты, сформированный в начале предвыборной кампании еще до Войны Судного дня. Еще большей была личная поддержка, оказанная Голде Меир: 291 член ЦК партии проголосовал за то, чтобы она осталась на посту главы правительства, при всего 33 выступивших против этого и 17 воздержавшихся⁴⁰⁹.

В том, что социал-демократы, возглавлявшиеся пользовавшейся широким уважением в обществе Голдой Меир, выиграют выборы и в декабре 1973 года, особых сомнений не было ни у кого, однако разрыв между блоком социал-демократических и новым блоком национал-либеральных партий сократился с тридцати до всего двенадцати мандатов. Едва ли не еще большее значение имели итоги муниципальных выборов в крупнейшем городе страны – Тель-Авиве.

На протяжении многих лет социал-демократы безраздельно контролировали муниципалитет, и тогдашний мэром города Иехошуа Рабинович (1911–1979) готовился к переизбранию на этот пост. По соглашению между Партией Свободы и Либералами лидером объединенного списка блока в муниципальном совете Тель-Авива был представитель Либеральной партии;

⁴⁰⁹ См.: Моше Даян, *Этапы пути*, стр. 730–731.

перед выборами 1973 года этот список впервые возглавил незадолго до того демобилизовавшийся из армии генерал Шломо Лахат (1927–2014). Несмотря на безупречное армейское прошлое Шломо Лахата, прошедшего за двадцать пять лет службы путь от рядового солдата до начальника Управления личного состава Армии обороны Израиля, в ходе предвыборной кампании он подвергался разнузданным нападкам со стороны Партии Труда. Особенно «отличился» руководитель тель-авивского штаба Партии Труда Йоси Сарид (1940–2015), много лет спустя руководивший леворадикальным блоком МЕРЕЦ, 28 декабря 1973 года обвинивший генерала Ш. Лахата «в грубости», «вульгарности» и назвавший возглавлявшийся им список «оскорблением жителей Тель-Авива»⁴¹⁰. К огромному удивлению и разочарованию руководителей Партии Труда, их список во главе с И. Рабиновичем получил лишь одиннадцать мест (из тридцати одного) в муниципальном совете Тель-Авива, тогда как объединенный список Партии Свободы и Либералов во главе с Ш. Лахатом – четырнадцать.

И. Рабинович пытался удержаться у власти любой ценой, уже после выборов обратившись к представителям «Независимых либералов» и Национально-религиозной партии (каждая из которых получила два мандата в муниципальном совете) с призывом поддержать его

⁴¹⁰ Йоси Сарид, «Сборная Лахата в муниципалитет Тель-Авива – оскорбление горожан» // *Давар* [«Слово»], 28 декабря 1973 г. [на иврите].

кандидатуру при голосовании на пост мэра⁴¹¹. Однако и «Независимые либералы», и религиозные сионисты дали понять И. Рабиновичу, что никакие политические комбинации не могут легитимировать факт пребывания в должности мэра крупнейшего города Израиля человека, которому отказало в доверии большинство жителей города. И «Независимые либералы», и религиозные сионисты объявили о том, что склонны отстаивать интересы своих избирателей в составе коалиции, возглавляемой Шломо Лахатом, который 6 февраля 1974 года и был избран муниципальным советом Тель-Авива мэром города⁴¹². Впоследствии он переизбирался на этот пост еще трижды, оставаясь любимым горожанами мэром на протяжении двадцати лет; ныне его имя носит созданный при его непосредственном участии Тель-Авивский оперный театр.

Многие не без оснований воспринимали итоги выборов в Тель-Авиве как предвестие того, что случится в ходе следующих выборов в Кнессет, которые должны были пройти – и прошли – в 1977 году. Было понятно, что к тому времени эпоха Голды Меир подойдет к концу, а сравнимого с ней по популярности в народе лидера у Партии Труда не было. Вместе с тем, казалось, что до 1977 года Голда Меир сможет оставаться во главе правительства Государства Израиль, и это, таким образом,

⁴¹¹ Эран Эльдар, *Путь к 1977 году: крах гегемонии Партии Труда, 1965–1977*, стр. 146.

⁴¹² Там же, стр. 147.

дало бы Партии Труда достаточно времени для того, чтобы сорганизоваться и выбрать нового лидера ей на смену.

7 января 1974 года Голда Меир приняла Моше Даяна на дискретную встречу один на один (в своих воспоминаниях он использовал оборот «я пригласил себя на встречу с Голдой»⁴¹³), в ходе которой он попросил гарантий своего переназначения на пост министра обороны в новом правительстве, которые тотчас же получил. В целом, Голда Меир была склонна сформировать правительство практически идентичное тому, которое работало под ее руководством до этого. Все ведущие министры, включая возглавлявших МИД Аббу Эвена и Министерство финансов Пинхаса Сапира, остались на своих постах, а из новых лиц в правительстве появились только ставший министром полиции Шломо Хиллель, назначенный министром транспорта Аарон Ярив (урожденный Рабинович, 1920–1994) и вернувшийся из США, где он был послом, Ицхак Рабин (1922–1995), ставший министром труда. Кроме того, пост министра строительства занял проигравший муниципальные выборы в Тель-Авиве Йехошуа Рабинович – это было в высшей степени странное назначение, ибо человек получал новую высокую должность, несмотря на то, что жители города, который он до этого пять лет возглавлял, отказали ему в доверии.

Можно понять Голду Меир, которая в свои семьдесят пять лет не очень хотела расставаться с соратниками по партии, с которыми она за десятилетия совместной работы

⁴¹³ См.: Моше Даян, *Этапы пути*, стр. 731–732.

прошла, что называется, «огонь, воду и медные трубы»; однако подобный состав правительства совершенно не соответствовал ожиданиям общества. Как чутко написал в книге памяти своего отца Яир Лапид, «Война Судного дня изменила взаимоотношения власти и израильского общества: после нее мы уже не могли верить в то, что в Кнессете и в правительстве сидят дети богов, неспособные ошибаться. ... Мы оказались на краю гибели только потому, что слепо им, политикам, верили»⁴¹⁴. Моше Даяна в Израиле очень уважали как начальника Генерального штаба в войне 1956 года и министра обороны в войне 1967 года, но тем не менее, невозможно было делать вид, что в октябре 1973 года не произошло ничего драматичного. Нельзя сказать, что в правительстве Голды Меир ведущие роли играли выжившие из ума старцы, напротив: ни Моше Даяну, ни Аббе Эвену, ни Игалю Алону не исполнилось и шестидесяти лет, а Ицхак Рабин, Шломо Хиллель и Аарон Ярив были еще моложе. Однако все они представляли тот самый истеблишмент, который в глазах общества был виновен в тяжелых потерях, понесенных в ходе Войны Судного дня. Национально-религиозная партия выступала за воссоздание правительства национального единства с участием блока «Ликуд»⁴¹⁵, однако лидеры Партии Труда отклонили это предложение.

⁴¹⁴ Яир Лапид, *Мои посмертные воспоминания. История жизни Йосефа Томи Лапида* [2011] / пер. С. Могилевского и А. Боцмановой (Москва: «Синдбад», 2017), стр. 220.

⁴¹⁵ Эран Эльдар, *Путь к 1977 году: крах гегемонии Партии Труда, 1965–1977*, стр. 161.

Для того, чтобы продолжавшееся правление Партии Труда получило общественную поддержку, необходимо было привлечь к руководству страной не просто новых людей из той же колоды, но и представителей других общественных групп, чего как раз не произошло.

Сотни тысяч выходцев из стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки, прибывшие в Израиль в 1948–1964 годах, чувствовали, что политический истеблишмент Партии Труда не понимает – и не хочет понимать – их. Руководители Партии Свободы и Либералов тоже родились отнюдь не в Касабланке и не в Багдаде, но именно Менахем Бегин еще с середины 1950-х годов воспринимался многими из этих людей как политический деятель, говорящий с ними на одном языке. Еще в начале 1950-х годов, будучи депутатом Кнессета, М. Бегин посещал *маабарот*, временные палаточные лагеря, куда, из-за катастрофической нехватки жилья, были поселены новые иммигранты из Марокко, Ирака, Алжира и других стран. В 1955 году М. Бегин резко выступал против плана тогдашнего главы правительства М. Шарета, в связи с переживаемыми Израилем экономическими трудностями, ввести ограничения на еврейскую иммиграцию из Марокко, на практике означавшие фактический запрет на въезд стариков и больных. 1 сентября 1955 года М. Бегин посвятил всё свое выступление в Кнессете тяжелому положению марокканских евреев, настаивая, что свободная еврейская иммиграция представителей всех общин является смыслом и легитимацией самого существования

еврейского государства⁴¹⁶. К сожалению, тогда голос М. Бегина остался гласом вопиющего в пустыне; политика ограниченной иммиграции не была изменена. После того, как в марте 1956 года была провозглашена независимость Марокко от Франции, свободная еврейская эмиграция из этой страны была запрещена новыми властями страны (указ об этом был опубликован 13 мая 1956 года). В 1957–1958 годах были закрыты представительства в Марокко Еврейского агентства, Еврейского национального фонда, Джойнта и ВИЦО, в также был запрещен ввоз из-за границы еврейских книг. Когда евреи Марокко могли беспрепятственно эмигрировать в Израиль, эмиссары Еврейского агентства записывали их в очередь, которая была рассчитана на три года – их-то у них как раз и не оказалось. В результате большинство из этих людей смогли попасть в Израиль лишь через третьи страны, не имея возможности вывезти практически ничего из принадлежавшего им имущества.

Ицхак Шамир был совершенно прав, отмечая «роль М. Бегина в большом и трудном деле сближения общин из различных стран ... и его усилия помочь выходцам из мусульманских стран ощутить свое значение и занять достойное место в израильском обществе. ... Разумеется, им двигали и политические мотивы. Тем не менее, вызывает истинное удивление, как этот человек в одиночку нашел путь к сердцам той части населения,

⁴¹⁶ Выступление М. Бегина опубликовано в протоколе 4-го заседания Кнессета 3-го созыва, 1 сентября 1955 г., стр. 35–36 [на иврите].

которую называют “восточные общины”. Он бегло говорил на девяти языках, но не на арабском. Его “естественный электорат” – в Польше, в России, в странах Балтики и на Балканах – был полностью уничтожен. И вот, несмотря на всё это, именно он оказался тем, кто покориł жителей временных лагерей – *маабарот* – выходцев из Северной Африки. Он выслушивал их горестные рассказы, говорил с ними об их проблемах и завоевал их доверие»⁴¹⁷.

Руководители Партии Труда раз за разом декларировали свое стремление к строительству светлого социалистического завтра, обвиняя всех, кого идеология превращения Израиля в «сообщество киббуцев» не прельщала (а среди выходцев из стран арабомусульманского мира она не прельщала почти никого), в недостатке образования и идейной сознательности. Менахем Бегин, выступавший в поддержку свободы выбора профессионального пути, подчеркивавший важность национального единства еврейского народа и особую значимость иудейской традиции, был значительно ближе тем, кого ангажированные элитой социологи, не без нотки презрения, называли «вторым Израилем». *За тридцать лет правления социал-демократов никто из представителей восточных общин, составлявших примерно половину населения страны, не был избран ни на один из высших государственных постов: к тому времени никто из сефардов ни разу не был ни президентом, ни главой правительства, ни министром иностранных дел, обороны или финансов, не возглавлял*

⁴¹⁷ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 127–128.

Генеральный штаб армии, Верховный суд, Федерацию профсоюзов или Центральный банк.

Фактически, десятилетиями полстраны жило на положении граждан пусть и не второго, но точно не первого сорта, и ничего не свидетельствовало о том, что эта ситуация виделась правящей верхушке проблематичной. Истеблишмент так называемого «рабочего движения» полностью устраивал тот факт, что большинство бесправных рабочих таковыми и оставались, правящая верхушка же, действуя как будто от их имени, все больше и больше обособлялась. В это время в «Ликуде» уже возшла звезда уроженца Марокко Давида Леви, начавшего свой трудовой путь строительным рабочим, не получившего высшего образования, но в 1969 году, через двенадцать лет после приезда в Израиль, ставшего членом Кнессета от Партии Свободы, а позднее, в 1983 году, дошедшего до должности вице-премьера.

В 1973 году на пост президента Израиля была выдвинута кандидатура уроженца Иерусалима Ицхака Навона. Он отнюдь не был новым иммигрантом – родители его матери прибыли в Палестину/Эрец-Исраэль из Марокко еще в 1884 году, со стороны же отца его предки – выходцы из Турции – жили в Иерусалиме с XVII века. Несмотря на это, руководители Партии Труда отказались поддержать его кандидатуру, предпочтя профессора Эфраима Качальского, уже после избрания на президентский пост сменившего свою фамилию на Кацир (1916–2009). Многие считали, что значительную роль в данном выборе сыграл тот факт, что Эфраим Качальский, как и тогдашняя глава правительства Голда Меир, был

уроженцем Киева, и они понимали друг друга с полуслова. Анализируя произошедшее, Ицхак Навон подчеркнул, что его разочарование в связи с неизбранием на пост президента связано не столько с личными мотивами, сколько с тем фактом, что была упущена возможность дать почувствовать выходцам из стран Востока, которых он охарактеризовал «вторым Израилем», что один из них может занять высший пост в еврейском государстве. Нужно отметить, что кандидатура И. Навона в 1973 году не была внесена на рассмотрение Кнессетом; дело ограничилось голосованием в Центральном комитете Партии Труда, который большинством голосов и поддержал Э. Качальского, чья кандидатура и была внесена в Кнессет от имени партии. И. Навон подчеркнул, что «в фокусе проблем, на которые должен, прежде всего, обратить свое внимание президент страны – социальная напряженность, этническая разобщенность, межобщинная поляризация»⁴¹⁸. «Когда произошел “переворот 1977 года”, и “Ликуд” под руководством М. Бегина пришел к власти, это случилось в немалой степени благодаря выходцам из исламских стран, к которым М. Бегин, а не Д. Бен-Гурион пришел в трудную минуту», – справедливо отмечал И. Шамир⁴¹⁹. Уже на следующий год после этого, в 1978 году, Ицхак Навон стал-таки первым *сефардом*, избранным Кнессетом президентом Израиля.

В апреле 1974 года, когда был представлен первый промежуточный отчет Комиссии Аграната, общественное

⁴¹⁸ Цит. по: Эран Эльдар, *Путь к 1977 году*, стр. 125.

⁴¹⁹ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 128.

давление на руководство страны достигло беспрецедентных масштабов. Моше Даян при помощи талантливого молодого юриста Эльякима Рубинштейна (впоследствии он сам сделал впечатляющую карьеру, в 1997–2003 годах был юридическим советником правительства, в 2004–2015 годах – судьей, а в 2015–2017 годах – заместителем председателя Верховного суда Израиля) сумел переложить всю полноту ответственности с себя на руководителей Генерального штаба и военной разведки, которые как раз и были признаны виновными в том, что Израиль не оказался должным образом готов к войне. В отчете Комиссии Аграната указывалось, что израильские разведслужбы получили своевременное предупреждение о намерении Египта напасть на Израиль 6 октября, но категорическое мнение военной разведки о том, что такого нападения не будет, оказало ослепляющее воздействие на военно-политическое руководство страны. В результате выводов Комиссии были уволены со своих постов начальник Генерального штаба, командующий Южным военным округом, глава военной разведки и некоторые другие офицеры, однако Моше Даян отказался уходить в отставку с поста министра обороны. От Голды Меир требовали его уволить, что она сделать или не захотела, или не смогла. Вместо этого, 11 апреля 1974 года, она объявила пораженным соратникам о том, что дальше руководить страной им придется без нее. Уход в отставку премьер-министра (а формально она оставалась в должности до 3 июня) автоматически означал отставку всего правительства, в том числе и Моше Даяна. Таким

образом, вопрос о том, оставаться ли ему министром обороны, предстояло решать уже преемнику Голды Меир.

Наиболее влиятельным человеком в аппарате Партии Труда считался тогда министр финансов Пинхас Сапир, но он уже был очень болен и, в отличие от ситуации, сложившейся после смерти Леви Эшколя, на высший пост в стране не претендовал. Сама Голда Меир поддержала кандидатуру Ицхака Рабина. Против него собирались баллотироваться Шимон Перес и Абба Эвен, однако последний вскоре снял свою кандидатуру, как раз Ш. Переса и поддержав. Это дорого ему стоило: после того, как на голосовании в Центральном комитете Партии Труда, прошедшем 22 апреля 1974 года, большинством голосов новым лидером партии и, как следствие, премьер-министром был избран Ицхак Рабин (он получил 54% голосов, в то время как Шимон Перес – 46%), Абба Эвен потерял свой пост в правительстве.

Не был переназначен и министр обороны Моше Даян; на этот место был неожиданно для многих утвержден Шимон Перес. В статусе генерального директора, а потом заместителя министра он в значительной мере контролировал деятельность этого ведомства после того, как Давид Бен-Гурион в 1955 году вернулся на посты главы правительства и министра обороны, однако нельзя было игнорировать тот факт, что он, в отличие от самого Ицхака Рабина, а также Игаля Алона и Хаима Бар-Лева (оба они входили тогда в состав правительства), не имел никакого практического опыта командования войсками.

Таким образом, без каких-либо выборов, правительство Израиля покинули его глава, а также министры обороны, иностранных дел и финансов. С одной стороны, это, конечно, в некоторой степени отвечало существовавшему в обществе запросу на кадровое обновление, однако, с другой стороны, трудно было отрицать, что пришедшие им на смену люди не отличались никакими особыми достоинствами. Дело дошло до того, что проваливший выборы мэра Тель-Авива Йехошуа Рабинович стал в правительстве И. Рабина министром финансов (и в этом качестве не сумел справиться с резким ростом инфляции), генеральный секретарь Партии Труда Аарон Ядлин – министром образования и культуры, генеральный директор профсоюзной строительной кампании «Шикун овдим», одновременно с этим возглавлявший организационный штаб Партии Труда на выборах 1973 года, Авраам Офер (урожденный Хирш, 1922–1977) – министром строительства. Всех этих людей можно было причислить к новым лицам сугубо формально, по сути же они на протяжении десятков лет принадлежали к истеблишменту Федерации профсоюзов и Партии Труда, от которого как раз общество более всего и хотело освободиться.

То обстоятельство, что всю полноту ответственности за неудачи Войны Судного дня в итоге «спихнули» на военных, было воспринято крайне негативно, ибо в стране, где почти все, как мужчины, так и женщины, отслужили в армии, и нередко продолжали призываться на резервистские сборы, никакой другой общественный институт не пользовался столь большим доверием. В

израильской армии люди на генеральских должностях и так меняются каждые три–четыре года, и в обществе не было запроса ни на нового командующего Южным военным округом, ни на нового главу Военной разведки. Запрос был на новых политических руководителей, на принципиально иные лица в правительстве, но важнейшие посты по-прежнему занимали не имевшие никаких особых достоинств партийно-профсоюзные функционеры.

Национал-либералы утверждали: что бы ни происходило, обладатели кабинетов в доме №110 по улице Ха'Яркон [там находились руководящие органы Партии Труда] любой ценой будут держаться за власть. После того, как Ашер Ядлин (1923–2016), бывший в прошлом генеральным секретарем профсоюзного концерна «Хеврат ха'овдим» [«Рабочая компания»], а позднее генеральным директором сети медицинских учреждений Федерации профсоюзов, был признан виновным во взяточничестве и приговорен к пяти годам тюремного заключения и крупному денежному штрафу, Партия Свободы опубликовала в газетах объявление, гласившее: «Они все из одной конторы. Все до одного верны одной системе. Все они – из дома номер 110 по улице Ха'Яркон. Перес или Рабин – и тот, и другой, кто бы из них не был избран, это ничего не меняет. Что это может, в самом деле, изменить? Все они виновны в том, что происходит сейчас в стране: экономический кризис, анархия в трудовых отношениях, взяточничество в органах власти, американское давление, эмиграция из страны, социальная разобщенность,

преступность, этническая дискриминация. Они не приведут к переменам»⁴²⁰. Так оно, увы, и было.

Важно отметить, что отдельные лидеры национал-либералов демонстрировали в то же самое время редкостный альтруизм. Так, возглавляя организационный отдел Партии Свободы, Ицхак Шамир не получал никакой платы за свой труд, одновременно с этим работая в утренние часы в одной из инвестиционных компаний⁴²¹. Когда в мае 1975 года стало известно о тяжелых долгах Фонда «Тель-Хай», созданного «ревизионистским» движением еще во времена В.Е. Жаботинского, то Менахем Бегин, а также депутаты Кнессета от Партии Свободы Йоханан Бадер и Эйтан Ливни на полгода отказались от полагавшейся им, как членам парламента, заработной платы, полностью перечисляя ее в этот Фонд, из которого выплачивались пособия семьям погибших и тяжело раненных в догосударственный период бойцов ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ⁴²².

Многочисленные коррупционные скандалы сотрясали правительство Ицхака Рабина больше, чем любое другое на всем протяжении израильской истории. Не факт, что чиновники стали более коррумпированными, но ставшая более свободной пресса и более сильным – независимое гражданское общество, больше не были готовы безропотно мириться с этим. Ситуация достигла

⁴²⁰ Предвыборное объявление блока «Ликуд», 23 февраля 1977 г. [на иврите].

⁴²¹ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 132.

⁴²² Ави Шилон, *Бегин*, стр. 248.

критического уровня, когда в середине марта 1977 года Дан Маргалит, бывший корреспондентом газеты «Хаарец» в США, сообщил о том, что Лея и Ицхак Рабины, вопреки требованиям тогдашнего израильского законодательства, сохранили долларовый счет в американском банке и после окончания каденции И. Рабина в качестве посла Израиля в США. Хуже того: в ходе начавшегося расследования было установлено, что счетов у них в США было два, и на них переводились нигде и никак не декларировавшиеся тогдашним послом, к тому времени ставшим главой правительства, гонорары за лекции и консультации, о которых он ни перед какими релевантными израильскими контрольно-налоговыми органами не отчитывался⁴²³. Формально, счета были открыты супругой Ицхака Рабина, но так как она в США не работала, то ни у кого не было сомнений в том, что десятки тысяч долларов, попавшие на них (а в начале 1977 года на этих счетах находилась 21 тысяча долларов), были перечислены ее мужу. Тот факт, что лично глава правительства оказался замешанным в подобном коррупционном скандале, потряс израильское общество.

7 апреля 1977 года Ицхак Рабин объявил об уходе в отставку с поста главы правительства и председателя Партии Труда, оговорив, тем не менее, что доработает до конца своей каденции. Новые выборы в Кнессет были назначены на 17 мая 1977 года, и Центральный комитет

⁴²³ Эран Эльдар, *Путь к 1977 году: крах гегемонии Партии Труда, 1965–1977*, стр. 213.

Партии Труда решил, что после них формирование правительства будет поручено Шимону Пересу.

Этого, однако, не случилось. Терпение израильского общества в отношении Партии Труда оказалось исчерпанным, и впервые в истории страны она проиграла выборы, получив на четыре мандата меньше, чем блок «Ликуд». В июне 1977 года Ицхак Рабин передал ответственность за судьбу страны не Шимону Пересу, а Менахему Бегину. Многие считали, что не столько «Ликуд» выиграл выборы в Кнессет девятого созыва, сколько Партия Труда их проиграла, и в немалой степени так оно и было. «Партия власти» чем дальше, тем больше вела себя так, словно ее нахождение у руля страны – вечно и сомнению не подлежит, и никакие внутри- или внешне-политические ошибки, военно-стратегические просчеты, коррупционные скандалы или назначение очевидно неподходящих для этого людей на руководящие должности не могли стать причиной для кардинальной переконфигурации законодательной и исполнительной ветвей власти страны.

Израильские избиратели рассудили, однако, по-иному, доверив судьбу страны тем, кого истеблишмент Партии Труда ненавидел, презирал и преследовал более всего – и кто ни разу, за исключением периода экзистенциального кризиса поздней весной 1967 года, когда на карту было поставлено само существование еврейского государства, не входил в коалиции с ними, сохраняя верность своим убеждениям, идеалам и ценностям.

Вполне вероятно, что если бы во главе Партии Свободы и блока «Ликуд» стоял не столь принципиальный человек, как Менахем Бегин, а, например, Эзер Вейцман, Шмуэль Тамир или Давид Леви, то национально-либеральным силам не удалось бы сохранять на протяжении стольких лет незыблемую верность идеологическим заветам и нравственно-политическим нормам, сформулированным еще в эпоху руководства движением Владимира (Зеэва) Жаботинского. Большое счастье для Государства Израиль, что именно такой человек, как Менахем Бегин, на протяжении более чем четверти века возглавлял парламентскую оппозицию. Для него политика была прежде всего *служением* – обществу, стране и еврейскому народу в целом, и это очень выделяло его, причем не только в сравнении с идеологическими оппонентами.

Выборы прошли, их итоги были подведены. Менахему Бегину и его отнюдь не отличавшимся внутренним единством соратникам предстояло доказать, что они имеют право нести ответственность за судьбу Государства Израиль не только потому, что Партия Труда это право в глазах большинства населения потеряла.

Научное издание

Алек Д. Эпштейн

**От Владимира Жаботинского
до Биньямина Нетаньяху:
Национально-либеральное движение
Израиля – прошлое и настоящее**

Том первый
Трудный путь к признанию

Подписано в печать 15.01.2019 г.

Формат 60x90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 26,5 уч. изд. л.

Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 031

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12